

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Московский лингвистический журнал

Том 23

Moscow Journal of Linguistics

Volume 23

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2021

Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

- 10.01.01 Russian literature
- 10.01.03 Foreign literature
- 10.01.08 Literary theory. Textology
- 10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

- 10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies
- 10.02.01 Russian language
- 10.02.02 Languages of the Russian Federation
- 10.02.19 Theoretical linguistics
- 10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

- 24.00.01 Cultural history and theory
- 24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the academic curriculum as examples of correct scientific work; attraction of new authors showing high theoretical awareness and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

The journal invites original research articles by Russian and international scholars.

RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993
e-mail: msk.ling.j@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

- 10.01.01 Русская литература
- 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
- 10.01.08 Теория литературы. Текстология
- 10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

- 10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология
- 10.02.01 Русский язык
- 10.02.02 Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)
- 10.02.19 Теория языка
- 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

- 24.00.01 Теория и история культуры
- 24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

Цель журнала: продвижение эмпирически-ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институциями.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: msk.ling.j@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS, Institute of Linguistics Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testeleys*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS, Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor:

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор серии:

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия:

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный Институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гришечер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.И. Куликов, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия

М.Н. Липовецкий, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США

- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, РГГУ

Редакционная коллегия выпуска:

П.М. Аркадьев (отв. ред., Ин-т славяноведения РАН/РГГУ), А.М. Ивойлова (секретарь, РГГУ), О.И. Беляев (МГУ/Ин-т языкознания РАН), А.В. Дыбо (Ин-т языкознания РАН/НИУ ВШЭ), И.И. Исаев (РГГУ), В.И. Киммельман (Бергенский университет, Норвегия), М.Б. Коношенко (РГГУ), Н.А. Коротаев (РГГУ), Г.Е. Крейдлин (РГГУ), М.А. Кронгауз (РГГУ/НИУ ВШЭ), Л.И. Куликов (Гентский университет, Бельгия), С.А. Оскольская (Ин-т лингвистических исследований РАН), Б.Х. Парти (Университет Амхерста, США), О.Е. Пекелис (РГГУ), А.Ч. Пиперски (РГГУ/НИУ ВШЭ), В.И. Подлеская (РГГУ), Е.Ю. Протасова (Хельсинкский университет, Финляндия), Р.И. Розина (Ин-т русского языка РАН/РГГУ), А.В. Сидельцев (Ин-т языкознания РАН/РГГУ), Н.А. Слюсарь (НИУ ВШЭ/СПбГУ), Н.Р. Сумбатова (РГГУ), Я.Г. Тестелец (РГГУ/Ин-т языкознания РАН), А.Б. Шлуинский (Ин-т языкознания РАН)

Contents

Research articles

- Dar'ya Yu. Vashchenko*
Slovak temporal adverbs *čoskoro, onedlho, o chvíľu*:
a case of quasi-synonymy 10
- Polina O. Kisel*
On the issue of the “dummy object”
in verb-object separable words *liheci* in modern Chinese 32
- Sergey S. Say*
Semanticization of accentual variants in Russian nouns
of the third declension: beyond the “second locative” case 64

Research surveys

- Maria A. Egorova*
On the social functions of the variants
of the Serbo-Croatian language 85

Book reviews

- Yakov G. Testelets*
Review on: Alpatov V.M. *Slovo i časti reči*
(Word and Parts of Speech). Moscow, 2018 117

In memoriam

- Vladimir M. Alpatov*
Zoya Mikhaylovna Shalyapina (1946–2020) 129

Содержание

Описательные и теоретические исследования

- Дарья Ю. Ващенко*
Словацкие темпоральные наречия *čoskoro, onedlho, o chvíľu*:
к вопросу о квазисинонимии 10
- Полина О. Кисель*
К вопросу о «пустом дополнении» в раздельно-слитных словах *лихэцы*
глагольно-именной модели в современном китайском языке 32
- Сергей С. Сай*
Семантизация акцентных вариантов
русских существительных третьего склонения:
не только второй предложный 64

Обзоры

- Мария А. Егорова*
О социальных функциях вариантов сербскохорватского языка 85

Рецензии

- Яков Г. Тестелец*
Рецензия на книгу: Алпатов В.М.
Слово и части речи. М., 2018 117

In memoriam

- Владимир М. Алпатов*
Памяти Зои Михайловны Шаляпиной 129

УДК 811.162.4

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-10-31

Словацкие темпоральные наречия *čoskoro, onedlho, o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии

Дарья Ю. Ващенко

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, daranis@mail.ru

Аннотация. В статье на материале Словацкого национального корпуса рассматривается лексическое значение словацких наречий *čoskoro, onedlho, o chvíľu*. Их семантика предполагает быстрое наступление ситуации по отношению к моменту речи либо к моменту в тексте. В словарях словацкого языка данные лексемы, как правило, не дифференцируются, в связи с чем встает вопрос об их синонимии либо квазисинонимии. В первой части статьи анализируются коллокации наречий в свете меры ассоциации logDice, во второй части попарно рассматриваются случаи взаимной сочетаемости лексем. Показано, что *čoskoro* тяготеет к ментальным глаголам и к глаголам с семантикой прекращения, исчезновения, *onedlho* – к глаголам со значением достижения цели, протекания времени либо ожидания, в свою очередь для *o chvíľu* характерны коллокации с перцептивными глаголами. В случае взаимного появления наречий в тексте ситуация, обозначенная *onedlho*, обычно следует после ситуации с *čoskoro* и чаще всего связана с ней причинно-следственными отношениями. *O chvíľu* чаще обозначает ситуации завершённые либо предопределённые, исключаяющие возможность сомнения. Таким образом, *čoskoro* в большей степени ориентировано на интерпретацию ситуации говорящим, *onedlho* – на ситуацию в ее протекании, а *o chvíľu* – на непосредственное восприятие ситуации говорящим с возможностью контроля над ситуацией.

Ключевые слова: темпоральная лексика, семантика, сочетаемость, меры ассоциации, квазисинонимия, словацкий язык, корпусная лингвистика

Для цитирования: Ващенко Д.Ю. Словацкие темпоральные наречия *čoskoro, onedlho, o chvíľu*: к вопросу о квазисинонимии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 10–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-10-31

© Ващенко Д.Ю., 2021

Slovak temporal adverbs *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*: a case of quasi-synonymy

Dar'ya Yu. Vashchenko

RAS Institute of Slavic Studies, Moscow, Russia, daranis@mail.ru

Abstract. The article uses the material of the Slovak national corpus to examine the lexical meaning of the Slovak adverbs *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*. Their semantics presupposes a rapid onset of the situation in relation to the moment of speech or to the moment in the text. In the dictionaries of the Slovak language, these lexemes are usually not differentiated, which raises the question of their synonymy or quasi-synonymy. In the first part of the article, collocations of these adverbs are analyzed in the light of the logDice Association measure. In the second part, cases of mutual compatibility of lexemes are considered pairwise. It is shown that *čoskoro* tends to cooccur with mental verbs and verbs with the semantics of termination and disappearance, *onedlho* – with verbs with the meaning of achieving a goal, passing of time, or waiting, while *o chvíľu* is characterized by collocations with perceptual verbs. When adverbs cooccur in the same stretch of text, the situation indicated by *onedlho* usually follows the situation with *čoskoro*, and is most often related to it causally. *O chvíľu* more often denotes completed or predetermined situations, excluding the possibility of doubt. Thus, *čoskoro* is more focused on the interpretation of the situation by the speaker, *onedlho* – on the situation in its course, and *o chvíľu* – on the direct perception of the situation by the speaker with the ability to control the situation.

Keywords: temporal vocabulary, semantics, combinability, Association measures, quasi-synonymy, Slovak, corpus linguistics

For citation: Vashchenko, D.Yu. (2021), “Slovak temporal adverbs *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*: a case of quasi synonymy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 10-31, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-10-31

1. Введение

Предметом рассмотрения в статье являются словацкие темпоральные наречия *čoskoro*, *onedlho*, а также синонимичная им лексикализованная конструкция *o chvíľu* ‘соро’, дословно ‘через мину-ту’. Семантика данных лексем предполагает быстрое наступление ситуации по отношению к актуальному моменту речи либо относительно некоторого момента в тексте. Сходным значением в словацком языке обладают также лексемы *skoro*, *zkrátka*, *čochvíľa*, *zanedlho* и некоторые другие – здесь они рассмотрены нами не будут: первое –

ввиду своей многозначности, остальные – в силу сравнительно невысокой частотности.

В толковых словарях словацкого языка наречия *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*, как правило, рассматриваются в качестве абсолютных синонимов. Ср. в [Pisárčiková 2004]¹: «*čoskoro nar.* через короткое время; за короткое время; *син.* *onedlho*, *zkrátko*; *onedlho nar.* через короткое время, *čoskoro*, *zkrátko*, *čochvíľa*, *o chvíľu*, *zanedlho*». В «Кратком словаре словацкого языка» [Kačala et al. 2003], имеющем кодификационный статус, представлены следующие толкования: «*čoskoro nar.* через краткое время, *onedlho*; *onedlho nar.* через короткое время, *nezadlho*, *zkrátko*, *čoskoro*; *zkrátko nar.* *čoskoro*, *čochvíľa*, *onedlho*, *o chvíľu*». В современном толковом словаре словацкого языка [Buzássyová, Jarošová 2006] приведена следующая формулировка: «*čoskoro nar.* в обозримое время, в короткое время, *onedlho*»². Кроме того, наречия *čoskoro* и *onedlho* упоминаются в статье Е.О. Патаракиной, где они также рассматриваются в качестве полных синонимов [Патаракина 2016, с. 142].

В русском языке наречия с подобной семантикой полными синонимами не считаются, ср. работы Ф.С. Панкова, посвященные наречиям *сейчас*, *вот-вот*, *скоро* и *вскоре*. В частности, исследователь пишет, что «*сейчас* и *вот-вот* обозначают максимальную степень близости во времени» [Панков 1997, с. 165]. При этом даже среди наречий максимальной близости «*сейчас* выражает бóльшую степень, нежели *вот-вот*», кроме того, у *вот-вот* есть дополнительный оттенок предположительной возможности события с точки зрения говорящего [Панков 1997, с. 166]. Наречия в данной группе также различаются по характеру оценки удаленности действия от момента речи, которая может быть относительной либо абсолютной: *скоро*, по мнению Ф.С. Панкова, выражает оценку относительную, тогда как *вскоре*, а также *сейчас* и *вот-вот* тяготеют к выражению абсолютной оценки [Панков 1997, с. 166–167].

В задачи настоящей статьи, таким образом, входит установление реальной синонимии либо квазисинонимии между словацкими наречиями *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu* и рассмотрение факторов, влияющих на их употребление. При анализе мы будем пользоваться данными Словацкого национального корпуса³ и привлекать к рас-

¹ Здесь и далее перевод толкований на русский язык принадлежит автору статьи.

² Другие наречия в «Словаре современного словацкого языка» не представлены, работа над соответствующими томами еще не завершена.

³ Slovenský národný korpus – prim-8.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2018. Dostupný z www: <http://korpus.juls.savba.sk>. Словацкий

смотрению данные двух типов – во-первых, это показатели меры ассоциации – во-вторых, не менее важным для нас будет попарное рассмотрение взаимной сочетаемости лексем. Из трех наречий наиболее частотным является *čoskoro*, насчитывающее 69 726 вхождений в Корпус (48,91 на миллион), частотность *onedlho* составляет 26 835 вхождений (18,52 на миллион), *o chvíľu* встречается в Корпусе 29 521 раз (20,93 на миллион).

Показатели меры ассоциации (association measures) отличаются от показателей абсолютной частотности тем, что учитывают не только общее число вхождений того или иного сочетания, но и относительную частотность взаимной встречаемости лемм, когда по определенной формуле с учетом встречаемости каждой из единиц, составляющих пару, вычисляется мера притяжения между ними (ср. об этом, напр., в [Stefanowitsch 2020, 225]). Это делает меры ассоциации удобным инструментом при работе с синонимичной лексикой, поскольку часто у слов, весьма близких по значению, ограничения на сочетаемость носят не абсолютный, но относительный характер, и в случае, когда отрицательный языковой материал может не давать сколь-нибудь релевантных результатов, тяготение выбранных лексем к разным группам лексики будет свидетельствовать о существовании между ними семантических различий. Применение мер ассоциации для установления различий между квазисинонимами показано в работе [Inkpen, Hirst 2002], из русскоязычных см. [Хохлова 2017], [Коробейникова 2015] и др. В зависимости от конкретной формулы расчета различаются сами показатели меры ассоциации, мы будем пользоваться мерой LogDice, введенной в работе П. Рыхлого [Rychlý 2008], который, в свою очередь, опирается на труд Л. Дайса [Dice 1945] – для наших целей она является оптимальной, поскольку T-score и log.likelihood дают в верхней части списка довольно много «шумовой информации», т. е. знаков препинания и энклитик, MI-score наделяет высоким рангом низкочастотные коллокации, в т. ч. имена собствен-

---

национальный корпус (Slovenský národný korpus, SNK). Версия основного корпуса, которой мы здесь пользуемся (grim-8.0-public-sane), была введена в пользование в 2018 г. Объем корпуса составляет 1 368 990 447 словоупотреблений / 1 076 309 519 слов. Тексты, размещенные в SNK, были изданы после 1955 г., из них 73,75% составляют публицистические тексты, 16,33% – художественные, 8,91% – специальная литература, 1,01% – иные жанры. Следует также отметить большой объем переводных текстов в SNK: так, объем художественных текстов составляет 223 552 510 словоупотреблений / 177 545 076 слов, из них оригинальные словацкие тексты представлены в объеме 82 503 983 словоупотреблений / 65 627 003 слов (фактически чуть меньше половины).

ные, а MI.log.f сравнительно редко используется в исследованиях. На словацком материале применение logDice см., например, в работах – [Ološtiak, Ivanová 2015, s. 228] [Majchráková 2018], [Stojková et al. 2015], [Šimková 2014]. При работе по параметру LogDice было задано окно 6 токенов влево и 6 токенов вправо от центрального слова, брались первые 40 вхождений из каждого списка, из всех коллокаций учитывались только сочетания с глаголами – правые и левые коллокации в данном случае рассматриваются совместно. Для *čoskoro* соотношение глагольная / не глагольная лексика составляет 34/6, для *onedlho* 35/5, для *o chvíľu* пропорция несколько иная – 27/13.

2. Применение меры logDice для установления специфики сочетаемости наречий

А. Только для *čoskoro* характерны следующие коллокации:

А1. Левосторонние сочетания с ментальными глаголами, обозначающими веру или надежду: *dúfat* ‘надеяться’, *verit* ‘верить’. Наречия, как правило, употребляются в составе конструкции *dúfam / verím, že čoskoro X* ‘надеюсь / верю, что скоро X’, когда предполагаемое событие интуитивно оценивается говорящим как вероятное, ср.:

- (1) *Ralph je už takmer von z hniezda a David bude mať trinásť, dúfam, že čoskoro tiež odíde študovať.*

‘Ральф уже практически покинул дом, а Дэвиду скоро тринадцать, я надеюсь, что скоро он тоже уедет учиться’⁴.

- (2) *Všetkým investorom dávam radu, aby vycestovali z Bratislavy. Verím, že pride čoskoro čas, kedy sa prejaví pozitívny efekt v tomto smere.*

‘Всем инвесторам я советую, чтобы те уезжали из Братиславы. Я верю, что скоро настанет время, когда проявится позитивный эффект в данном направлении’.

А2. Правосторонние коллокации с ментальными глаголами с общим значением понимания, ср. *zistiť* ‘определить, установить’, *pochopiť* ‘понять’, а также с глаголом *ukázať (sa)* ‘оказаться’, обозначающим факт раскрытия истинного положения дел. Речь здесь идет уже о модификации данных глаголов наречием, общая кон-

⁴ Здесь и далее переводы на русский язык принадлежат автору статьи.

струкция имеет вид *čoskoro zistil (zistí)/pochopil (pochopí), že X* ‘вскоре он понял (поймет), что X’; *čoskoro sa ukázalo (ukáže), že X* ‘вскоре оказалось (окажется), что X’:

- (3) *Nemôžete len tak do rúk chytiť čokoľvek, stlačiť spúšť a čakať, kedy ten druhý padne. Buď to viete alebo to **čoskoro zistíte**.*

‘Вы не можете просто так взять в руки что угодно, нажать на курок и ждать, пока противник упадет. Вы либо это умеете, либо **скоро** это **поймете**’.

- (4) *Marienka **čoskoro pochopila**, o čo ide, a uvedomila si, že dni jej života sú spočítané.*

‘Мариенка **вскоре поняла**, о чем речь, и осознала, что дни ее жизни сочтены’.

- (5) *Už **čoskoro sa ukáže**, nakoľko to socialisti myslia vážne. <...> O pár mesiacov budú mať vo Francúzsku socialisti prezidenta...*

‘Уже **скоро станет ясно**, насколько социалисты относятся к этому серьезно. <...> Через пару месяцев у социалистов во Франции будет президент...’

A3. Сочетания с глаголами, обозначающими прекращение, исчезновение – *prestal* ‘перестать’, *pominúť* ‘пройти’:

- (6) *Schovali sme sa niže bivuaqu pod kameň. Dážď **čoskoro prestal**, ale z Čiernej Javorovej doliny vystupovala hmla, ktorá hrozila splynúť s hmlou nad nami.*

‘Мы спрятались за бивуаком под камень. Дождь **вскоре прекратился**, но из Черной Кленовой долины поднималась мгла, которая грозила слиться с мглой над нами’.

- (7) *Radila som sa s pôrodníčkou v nádeji, že ma poteší uistením, že tieto dni temnoty **čoskoro pominú**. Šokovala a vydesila ma, keď ma poslala k psychiatrovi.*

‘Я посоветовалась с акушеркой в надежде, что она обрадует меня, уверив, что эти темные дни **скоро пройдут**. Она шокировала и взбесила меня, отправив к психиатру’.

В. Специфику *onedlho* в плане мер ассоциации составляет тот факт, что сочетаний, которые резко различались бы по данному показателю, в целом не так много. Так, только для *onedlho* основными будут:

V1. Коллокации с глаголами, обозначающими достижение некоторой физической цели: *doraziť* ‘дойти до цели’; *nasťahovať* ‘вслезиться, въехать’:

- (8) *Saganova Tour už **onedlho dorazí** do Prešova.*

‘Тур Сагана совсем **скоро доберется** до Прешова’.

- (9) *Do pôvodných gotických budov sa po rekonštrukcii **onedlho nast’ahuje** okresný archív.*

‘В аутентичные готические здания после их реконструкции **вскоре переедет** районный архив’.

V2. Сочетания с глаголом *uplynúť* ‘пройти (о времени)’:

- (10) *Od ukončenia prvej svetovej vojny **onedlho uplynie** okrúhla storočnica.*

‘С окончания Первой мировой войны **вскоре исполнится** ровно сто лет’.

V3. Также выделяется группа коллокаций, которые у *onedlho* находятся вверху списка, а у двух других наречий располагаются после 50-й строки. Сюда относятся сочетания с такими глаголами, как *vypuknúť* ‘вспыхнуть, разразиться’; *čakať* ‘ждать’:

- (11) *O R. Ficovi je známe, že je dobrý futbalista. Prvý veľký gól na politickej scéne na neho **onedlho čaká**.*

‘О Р. Фицо известно, что он хороший футболист. **Скоро** его **ждет** первый большой гол на политическом поле’.

- (12) *Parkovací systém v centre Topoľčian **čakajú onedlho** veľké zmeny.*

‘Систему парковки в центре Топольчан **вскоре ждут** большие перемены’.

- (13) *Partizáni zaujali svoje obranné pozície. **Onedlho vypukla** prestrelka, ktorá trvala niekoľko hodín.*

‘Партизаны заняли оборонительные позиции. **Вскоре разразилась** перестрелка, длившаяся несколько часов’.

- (14) *Gymnaziálne štúdiá skončil v Tisovci roku 1944. Keď **onedlho** potom **vypuklo** Slovenské národné povstanie, aktívne sa ho zúčastnil.*

‘В 1944 г. он закончил гимназию в Тисовце. Когда **вскоре** после этого **вспыхнуло** Словацкое национальное восстание, он принял в нем активное участие’.

С. Наконец, для *o chvíľu* наиболее характерными коллокациями являются:

С1. Сочетания с перцептивными глаголами, обозначающими слуховое восприятие *počuť, začuť* ‘услышать’, ср.:

- (15) *Na znak začudovania mykol plecami a vyšiel z izby. Zase som si ľahol. O chvíľu som počul jeho kroky pod oknom. Zdalo sa mi, že sa rozpráva sám so sebou.*

‘В знак удивления он пожал плечами и вышел из комнаты. Я опять лег. **Вскоре я услышал** его шаги под окном. Мне казалось, что он разговаривает сам с собой’.

- (16) *Buck začal svoju hliadku na skale pred chatrčou. <...> O chvíľu začul, ako Kate ticho volá: – Už je čas?*

‘Бак занял позицию на скале перед хижиной. <...> **Вскоре он услышал**, как Кейт тихо зовет: – Уже пора?’

С2. Сочетания с глаголами *ozvať sa* ‘раздаться’, *zazvonit’* ‘прозвонить’, которые также связаны со слуховым восприятием.

- (17) *Telefón na prízemí zazvonil a o chvíľu sa ozvalo zvonenie mobilného telefónu v podkroví. Matka podala dcére druhý koniec prikrývky a zdvihla slúchadlo.*

‘Телефон на первом этаже зазвонил, и **вскоре раздался** звонок мобильного телефона в мансарде. Мать дала дочери второй конец одеяла и подняла трубку’.

- (18) *A tak nakoniec zaspávam. <...> O chvíľu zazvoní budík. Nový deň.*

‘Наконец я засыпаю. <...> **Вскоре звонит** будильник. Новый день’.

Мы видим, что для каждого из наречий характерна своя зона притяжения – *čoskoro* тяготеет к ментальным глаголам (в первую очередь со значением понимания и веры) и к глаголам с семантикой исчезновения. Для *onedlho* будет характерна связанность с глаголами перемещения в пространстве, а также с глаголами, обозначающими протекание времени и ожидание события. Для *o chvíľu*, в свою очередь, свойственно притяжение к перцептивным глаголам.

3. Контексты взаимной сочетаемости наречий *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*

Во второй части статьи будет рассмотрена специфика взаимной сочетаемости данных наречий, когда, употребляясь в ближайшей окрестности друг друга (мы задавали в строке поиска значение от -6 до 6 токенов), они вступают в отношения контекстуальной синонимии либо, напротив, обнаруживают семантические различия в случае, если речь идет об однотипных, но разнящихся ситуациях.

A) *čoskoro* vs *onedlho*

Наречия *čoskoro* и *onedlho* встречаются совместно 49 раз. В большинстве случаев мы наблюдаем препозицию *čoskoro* по отношению к *onedlho*: подобное соотношение встречается 38 раз, в то время как препозиция *onedlho* представлена в 11 случаях. Расстояние между наречиями в заданных рамках чаще всего составляет от 4 до 6 токенов, наречия на расстоянии 3 токенов встретились 12 раз и 2 токенов – всего три раза.

Наиболее распространенной ситуацией одновременного появления *čoskoro* и *onedlho* является их употребление при обозначении двух быстро сменяющих друг друга ситуаций, при этом та, что вводится через *onedlho*, следует после той, что маркирована *čoskoro*. Две эти ситуации могут быть связаны различными отношениями.

A1) Ситуация с *čoskoro* является непосредственной причиной ситуации с *onedlho*. В (19) сперва участник ситуации понимает, что его не раскроют (*čoskoro*), после чего совершает новые действия (*onedlho*). Ср. также в (20) – если уйдет один человек, второй последует за ним.

- (19) *Ukázalo sa, že znak na dlani sa dá skryť celkom ľahko, a tak ho čoskoro pustil z hlavy. Onedlho sa znova vydal k javoru s nákladom klobás, ktoré ukradol z pivnice.*

‘Оказалось, что знак на ладони легко скрыть, и он **скоро** позабыл о нем. **Вскоре** он вновь отправился к клену с мешком колбасы, которую стащил из подвала’.

- (20) *Laval, ktoré mu istý obchodník zabezpečil mesačných stopäťdesiat frankov, sľubuje, že ak Gauguin čoskoro odíde, onedlho sa vyberie za ním.*

‘Лаваль, которому тот же торговец гарантировал сто пятьдесят франков в месяц, обещает, что, если Гюген **скоро** уедет, он **вскоре** последует за ним’.

A2) Другой возможностью взаимосвязи ситуаций является узально-темпоральная, когда говорится, что подошел заранее назна-

ченный срок (*čoskoro*), поэтому закономерно быстро наступит ситуация Y (*onedlho*). Ср. (21), где говорится, что в ближайшее время наступит лето (*čoskoro*), в результате будет иметь место типичная для лета ситуация (*onedlho*).

- (21) *Dorothy cítila uspokojenie, že nakoniec sa všetko usporiadalo. Opäť sa oteplilo a čoskoro príde leto. Onedlho bude živo aj vo všetkých susedných domoch a budú sa organizovať večierky.*

‘Дороти чувствовала удовлетворение, что наконец все устроилось. Снова потеплело, **скоро** настанет лето. **Скоро** настанет оживление и во всех соседних домах будут организовывать вечеринки’.

В (22) представлен естественный природный процесс – наступит утро, выйдет солнце (*čoskoro*), вследствие чего станет видна до рога (*onedlho*).

- (22) *Starký drieme za stolom. <...> Ved' čoskoro vyjde slnko. Onedlho spoza krovia na úpäti kopca uvidí dotlčenú, ale iba mierne poškodenú trať do kameňolomu.*

‘Старик дремлет за столом. <...> Ведь **скоро** выйдет солнце. **Скоро** за кустами у подножия холма он увидит разбитую, но все же вполне сохранившуюся дорогу в каменоломню’.

A3) Речь может идти не столько о причинно-следственной взаимосвязи ситуаций, сколько о «первых признаках перемен». Сперва наступает ситуация X (*čoskoro*), которая является для говорящего безусловным сигналом того, что в ближайшее время наступит ситуация Y (*onedlho*). При этом фактическая причинно-следственная связь является прямо противоположной (Y вызывает X), однако для субъекта восприятия ситуация X является как бы подготовительной фазой для Y. Ср. в (23) реально начало семестра является причиной возвращения, однако в хронологическом порядке сначала следует возвращение, затем начало семестра, и возвращение здесь является своего рода «моральной подготовкой» к началу учебы.

- (23) *Uľavilo sa mu, keď ich Fliss vzala na pár týždňov do Londýna za otcom, hoci čoskoro sa vrátia. Onedlho sa začína škola.*

‘Ему стало легче, когда Флисс взяла их на пару недель в Лондон к отцу, хотя **скоро** придется возвращаться. **Скоро** начнутся занятия в школе’.

В (24) говорящий должен уходить (*onedlho*), поэтому ему приходится заканчивать разговор (*čoskoro*), хронологически сперва идет ситуация с *čoskoro*, а затем с *onedlho*.

(24) “Nuž,” *zamračila sa*. “*Naozaj neviem*. <...> *Naozaj si myslím, pán Wolfe, že sa dostávame...*” “**Čoskoro skončíme, onedlho vás musím opustiť**’.

‘«Ну», – нахмурилась она. «Я правда не знаю. <...> Я действительно думаю, господин Вольф, что мы получаем...» «**Скоро** мы закончим, **скоро** я должен вас покинуть».

В (25) тот факт, что публичная персона переезжает жить к своему другу, является этапом подготовки к официальному заключению брака.

(25) *Tehotná nevesta Andrea Vadkerti sa už čoskoro presťahuje k svojmu priateľovi a onedlho ich čaká svadba. Andrea Vadkerti, jedna z najštedrejšie platených moderátoriek Slovenskej televízie, sa vo svojich tridsaťjeden rokoch pripravuje na materstvo a popritom stále pracuje*.

‘Беременная невеста Андреа Вадкерти совсем **скоро** переедет к своему другу, и **вскоре** они поженятся. Андреа Вадкерти, одна из самых высокооплачиваемых ведущих Словацкого телевидения, в свои тридцать один год готовится стать мамой, при этом продолжает работать’.

Чаще контексты обозначения двух разных ситуаций предполагают препозицию *čoskoro* по отношению к *onedlho*, однако возможен их противоположный порядок с постпозицией *čoskoro*, при этом сам характер взаимосвязи ситуаций аналогичен вышеописанным случаям.

Так, в (26) встреча героев (*onedlho*) будет возможной ввиду того, что кончится война (*čoskoro*). В (27) усы (*onedlho*) начнут расти вследствие наступления естественной возрастной фазы (*čoskoro*).

(26) *Keby bol býval Martin vtedy v Stromovke povedal: ‘Neboj sa, Michal, stretne sa onedlho, vojna sa skončí čoskoro’, mohlo to vyznieť, akože verí vo víťazstvo Nemecka*.

‘Если бы Мартин жил тогда в Стромовке, он сказал бы: «Не бойся, Михал, мы **скоро** встретимся. Война **скоро** закончится», и это могло бы выглядеть, как будто он верит в победу Германии’.

- (27) – *Budeš taký milý, keď sa preoblečieš za dievča, – vyhlásila. – Je to nenormálne, – odporoval som a nezabudol som dodať, že už onedlho mi začnú rásť fúzy. Čoskoro sa dostanem do puberty.*

‘Ты будешь такой милый, когда переоденешься в девочку, – заявила она. – Это ненормально, – воспротивился я, не забыв добавить, что совсем **скоро** у меня начнут расти усы. **Скоро** у меня переходный возраст’.

В (28) участие в военных действиях (*onedlho*) возможно в случае наличия соответствующей ноты от союзников (*čoskoro*). В (29) в обществе станут меньше осуждать употребление противозачаточных таблеток (*onedlho*) ввиду того, что они будут признаны официальной католической церковью (*čoskoro*).

- (28) *Slovensko je viac ako rok v NATO a už onedlho nás čakajú vážne povinnosti. Čoskoro môže prísť od partnerov žiadosť, aby sme aliančné vojsko posilnili o svoju bojovú jednotku.*

‘Словакия больше года в НАТО, и уже **скоро** нас ждут серьезные обязательства. **Скоро** от партнеров может поступить требование, чтобы мы пополнили войска альянса своими военными подразделениями’.

- (29) *Eudia nás spočiatku, za našu iniciatívu, vzhľadom na to, že bola v istom zmysle novotou, neraz považovali za čudákov a bláznov. Onedlho sa všetko zmení, pápež čoskoro vyhlási antikoncepčnú tabletku za OK (Okej), zbytočne mrháte časom a silami – vaše výskumy sú tovarom pre antikvariát – hovorili.*

‘Люди нас сперва, из-за нашей инициативы, с учетом того, что она была в определенном смысле новаторской, не раз считали чужаками и безумцами. **Скоро** все изменится, папа **скоро** одобрит противозачаточные таблетки, напрасно вы тратите время и силы: «Ваши исследования – это товары из антикварной лавки», – говорили они.

А4) Следующей возможностью совместного употребления *čoskoro* / *onedlho* является контекст ментальных действий в высказывании, которое в этом случае имеет общий вид «*X čoskoro понял / поймет, что onedlho наступит Y*» – ср. (30) и (31).

- (30) *Nevšíma si deti, stavajúce snehuliaka, staršiu pani krmiacu vrany zo svojho nedojedeného chleba, zamilovaných pubertiakov na lavičke, ktorí čoskoro prídu na to, že onedlho to nebude láska, ale povinnosť.*

‘Он не замечает детей, которые лепят снеговика, пожилую женщину, кормящую ворон остатками хлеба, влюбленных подростков на лавочке, которые **скоро** поймут, что **скоро** это будет не любовь, а обязанность’.

- (31) *A napokon, ak sa obe letecké spoločnosti nepoponáhľajú, **čoskoro** zistia, že Veľká Británia **onedlho** stratí právo uzatvárať podobné zmluvy, pretože začiatkom roku 2002 prípadne Európskej komisii právo na uzatváranie leteckých zmlúv v mene Európskej únie ako celku.*

‘И наконец, если обе авиакомпании не поспешат, **скоро** они поймут, что Великобритания **скоро** утратит право заключать подобные договоры, поскольку в начале 2002 года право заключать авиадоговоры от имени Евросоюза как целостного единства перейдет к Еврокомиссии’.

A5) Наконец, *čoskoro* / *onedlho* могут употребляться вместе в случае двух (нескольких) однотипных последовательно сменяющихся друг друга ситуаций, при этом имеет место «нарастание по интенсивности», когда следующее действие превосходит предыдущее. В (32) получают первое письмо, после него второе письмо (*čoskoro*), а затем посылку (*onedlho*). В (33) адресату предсказывают наличие одной бегонии (*čoskoro*), а затем большого их количества (*onedlho*).

- (32) *Krátko po vojne, keď bola u nás všade bieda a hlad, ozvala sa odrazu aj našej rodine Amerika! Mama tam totiž mala sestru i brata [...]. Nuž nečudo, že hneď po vojne dostali sme z Ameriky list, **čoskoro** aj druhý, ba **onedlho** aj balík.*

‘Вскоре после войны, которая принесла нам одну только беду и голод, внезапно и с нашей семьей тоже вышла на связь Америка! У мамы там остались сестра и брат [...]. Неудивительно, что вскоре после войны мы получили из Америки письмо, **вскоре** второе, а **скоро** и посылку’.

- (33) *Vysvetľovali mi: Tupec, keď begónie kvitnú, po bokoch hlavnej stonky začne vyrastať množstvo malých výhonkov: ty ich môžeš obrezať. Stačí ich zrezať pod kolienkom, vybrať staré listy, zastrčiť ich do pôdy, a **čoskoro** budeš mať novú begóniu. **Onedlho** budeš mať toľko begónií, že budú spolu vyzerat' ako koberec.*

‘Ему объясняли: дурак, когда бегонии цветут, по бокам основного стебля начинает отрастать множество маленьких побегов: ты можешь их срезать. Достаточно срезать их под сочленением, оторвать старые листья, воткнуть побеги в землю, и **скоро** у тебя будет новая бегония. А **вскоре** у тебя будет столько бегоний, что все вместе они будут выглядеть как ковер’.

В) *Čoskoro* vs *o chvíľu*, *onedlho* vs *o chvíľu*

Наречия *čoskoro* и *o chvíľu* появляются совместно 36 раз, здесь, напротив, *čoskoro* чаще стоит в постпозиции – подобные случаи наблюдаются 17 раз, в то время как на препозицию *čoskoro* насчитывается 9 примеров. В большинстве случаев расстояние между наречиями составляет 3–4 токена. Наречия *onedlho* и *o chvíľu* появляются совместно 7 раз, из них 3 случая постпозиции *onedlho* и 4 случая препозиции.

В1) Первой возможностью совместного употребления *onedlho*, *čoskoro* / *o chvíľu* является их употребление в режиме нарратива в прошедшем времени при обозначении нескольких сменяющих друг друга действий, при этом *o chvíľu* маркирует начальное действие, а *onedlho*, *čoskoro* – уже последующие. Так, в (34) рассказывается об этапах подготовки к взлету, в (35) описывается ход футбольного матча. В (36) речь идет о продолжении / завершении поездки.

- (34) *Letiskový autobus nás o chvíľu odviezol k obrovskému airbusu a onedlho sme vzlietli. V okienku sa zjavil 5603 m vysoký Kúhe-Damávand...*

‘Автобус нас **через минуту** отвез к огромному аэробусу, и **вскоре** мы взлетели. В окошке появился Кух-Дамаванд высотой 5603 м. ...’

- (35) *Aj keď Francúzi sa už na začiatku 2. minúty ujali vedenia, Slovákov to nezernovánilo. Už o chvíľu vyrovnal Bačo a onedlho naši viedli 2:1 zásluhou Zatoviča.*

‘Даже когда французы в начале второй минуты начали вести, словаков это не вывело из себя. Уже **через минуту** Бачо сравнял счет, и **вскоре** наши благодаря Затёвичу повели 2:1’.

- (36) *Chcem sa už konečne dostať domov!» vyhlásil trochu nahnevaným hlasom Frederick a nasadol späť do koča, ktorý sa o chvíľu pohol. Čoskoro sa pred nimi zjavili obrýsy obrovského sídla.*

‘Я хочу уже наконец домой! – заявил немного рассерженным голосом Фредерик и сел обратно в карету, которая **вскоре** тронулась. **Скоро** перед ними появились очертания большой усадьбы’.

В2) Вне нарративного режима более распространенными являются случаи, когда *o chvíľu* маркирует действие, окончательно завершенное, в то время как для *onedlho* и *čoskoro* данное условие не является обязательным – последовательность ситуаций при этом может быть различной, т. е. хронологическая закрепленность не является для *o chvíľu* сколь-нибудь релевантной.

Так, ср. (37), где *o chvíľu* употребляется в контексте исчезновения одного из участников ситуации из поля зрения говорящего, а *onedlho* – в контексте его (их) повторного появления.

- (37) *Gazdiná poodpratávala zo stola a o chvíľu rozradostená fuk preč. Ale onedlho sa už aj vracala nazad, ibaže nie sama.*

‘Хозяйка убрала со стола и **через минуту**, радостная, ускользнула. Но **вскоре** вернулась, только не одна’.

В (38) речь идет о симптомах болезни, при этом *čoskoro* маркирует их ослабление в сознании субъекта восприятия, в то время как *o chvíľu* – полное исчезновение.

- (38) *Prehliadol si telo. <...> Vtom si zmyslel, že cíti príznaky koliky, a začal ich v sebe živiť mocnou nádejou. Ale čoskoro ochabli a o chvíľu celkom zmizli.*

‘Он осмотрел свое тело. <...> Тут ему показалось, что он чувствует признаки колики, и начал их в себе нагнетать, надеясь изо всех сил. Однако **скоро** они ослабли и **через минуту** окончательно исчезли’.

В (39) *o chvíľu* связано с конечной целью (герой наелся), в то время как *onedlho* – с процессом приготовления завтрака. Аналогично в (40) сперва говорится о том, что участники ситуации в ближайшее время доберутся до места назначения, а затем *čoskoro* демонстрирует один из этапов приближения к данной цели.

- (39) *Zašiel do kuchyne. <...> Onedlho mal raňajky hotové, o chvíľu bol najedený. Trochu sa upokojil.*

‘Он пошел на кухню. <...> **Вскоре** завтрак был готов, он **быстро** наелся. Немного успокоился’.

- (40) *Pozrite sa, to je kostol – povedal. – O chvíľu sme na mieste. Čoskoro na to začala sa cesta zvažovať do úzkej dolinky.*

‘Посмотрите, это костел, – сказал он. – **Через минуту** мы будем на месте. **Вскоре** дорога начала спускаться в узкую долину’.

В3) С этим связана еще одна специфическая черта *o chvíľu* – в контексте совместного употребления с *onedlho*, *čoskoro* оно обозначает события «предрешенные», исключая возможность сомнения либо предположения, которые, в свою очередь, составляют основной контекст для *onedlho*, *čoskoro*. В (41) *o chvíľu* маркирует срок

выборов, которые в любом случае уже назначены и должны состояться, а *čoskoro* употребляется в контексте возможного появления лживых политиков. Сходным образом в (42) *o chvíľu* употребляется в контексте реальной, наблюдаемой ситуации, а *čoskoro* – в контексте ситуации предполагаемой в силу своей узуальности (тех, кто совершил кражу, обычно сажают в тюрьму).

- (41) *Nuž, čo? O chvíľu sú tu voľby. Možno čoskoro nám niekto príde opäť niečo prisľúbiť. Napríklad opravu chodníkov.*

‘Ну и? **Скоро** выборы. Наверняка нам **скоро** снова кто-то новый что-нибудь пообещает. Например, отремонтировать тротуары’.

- (42) *Keby bol vstúpil nejaký cudzí človek, nikdy by nebol predpokladal o tom mladom mužovi, ktorý tam sedel a hral sa mechanicky s ceruzkou, že je obžalovaný z krádeže a čoskoro ho zatknú. No o chvíľu prestal sa hrať s ceruzkou, ktorú držal; pritiahol si list papiera a narýchlo napísal naň niekoľko riadkov.*

‘Если бы сейчас вошел какой-нибудь чужой человек, он никогда бы не смог предположить о молодом мужчине, который сидел и механически вертел карандаш, что он обвиняется в краже и **скоро** его посадят за решетку. **Вскоре**, однако, он перестал играть с карандашом, который держал в руках: он придвинул к себе лист бумаги и быстро написал на нем несколько строк’.

V4) Наконец, еще одной возможностью совместного употребления данных наречий является их употребление для обозначения одной и той же ситуации, при которой *o chvíľu* обозначает вероятность быстрого наступления ситуации в контексте внутренних переживаний говорящего, а *čoskoro* – общую оценку скорости изменений. Так, в (43) *o chvíľu* употребляется при обозначении ситуации, которая входит в «личную сферу говорящего» (нам придется в ближайшее время поехать на выпускной), а *čoskoro* – в контексте узуального действия (племяннице исполняется 16 лет, что влечет за собой определенный этап в жизни).

- (44) *Teta Jeanne sa usmievala. „Najmladšia dcéra mojej sestry Toby bude mať čoskoro šesťnásť. Takže o chvíľu pôjdeme na ďalšiu maturitnú slávnosť.“ Teta Jeanne nemala so strýkom Jamesom žiadne deti.*

‘Тетя Джин улыбалась. «Младшей дочери моей сестры **скоро** шестнадцать. Так что **скоро** мы пойдем еще на один выпускной вечер». У тети Джин и дяди Джеймса не было детей’.

В (45) и (46) *čoskoro* обозначает более глобальную ситуацию, а *o chvíľu* маркирует вероятность наступления одного из ее проявлений (я вернусь к тебе = мы встретимся и потом не расстанемся, он выздоровеет = он придет в себя и потом пойдет на поправку).

(45) – *Spi. Pôjdem. Ale vrátim sa k tebe. Čoskoro. O chvíľu budeme spolu... Tam nás už potom nik nerozlúči.*

‘Спи. Я пойду. Но я вернусь к тебе. **Скоро**. **Совсем скоро** мы будем вместе... Потом нас уже никто не разлучит’.

(46) *Prečo sa nezobúdzá, Howard? Nerozumiem tomu, ak je v poriadku. “Howard jej položil ruku na zátylok a prstami jej prebrázdil vlasy. „Čoskoro bude v poriadku. O chvíľu sa zobudí. Doktor Francis vie, o čom hovorí.*

‘«Отчего он не просыпается, Говард? Я не понимаю, если он в порядке». Говард положил ей руку на затылок и провел пальцами по волосам. «**Скоро** он будет в порядке. **Совсем скоро** он проснется. Доктор Фрэнсис знает, о чем говорит’.

В (47) *o chvíľu* появляется в контексте фактического развертывания действий во времени (через небольшой промежуток мы снова займемся любовью), а *čoskoro* – в контексте общей оценки говорящим ситуации (я считаю, что этот промежуток меньше стандартного, но с моей точки зрения это хорошо).

(47) *“Na to slová nestačia, drahá. Pospí si trochu,“ zašepkal. “Ale veď je sotva večer. Odchádzame tak zavčasu?” “Nie preto,“ odpovedal šeptom. “Oddýchni si, lebo o chvíľu ťa budem chcieť znovu. Čoskoro”.* *Zasmiala sa a natiahla ruku dozadu, aby ho pohladkala po tvári.*

‘«Для этого не хватит слов, дорогая. Поспи немного», прошептал он. «Но ведь еще не вечер. Мы уйдем так рано?» «Не поэтому», ответил он шепотом. «Отдохни, потому что **совсем скоро** я буду хотеть тебя снова. **Скоро**». Она засмеялась и закинула руку, чтобы погладить его по лицу.’

В (48) и (49) представлено совместное употребление сразу трех рассматриваемых наречий, при этом *o chvíľu* появляется в контексте запланированного будущего (говорящий гарантирует, что позвонит, встреча с сыном запланирована извне на ближайшее время), *onedlho* – в контексте непосредственного разговора

вания действия (вскоре позвонила, скоро увидит). В свою очередь, *čoskoro* выступает здесь в контексте вероятностного предположения – в (48) адрес скоро будет, поскольку его обещали, в (49) представлено нереализованное условие (если бы она была более психически неустойчивой, то сошла бы с ума в силу экстренных обстоятельств).

- (48) *Dobre. Jack, je šanca, že sa dnes večer uvidíme?* “ „Prečo nie? Skončím tu asi o hodinu, takže by som mohol byť vo Willows Halle okolo pol ôsmej. Vyhovuje?“ “ „Super. Veľmi pekne ďakujem. **O chvíľu** vám zatelefonujem tú adresu v Meanwoode.“ “ „Ďakujem, India, a netráp sa. **Čoskoro** ju máme. **Onedlho** India znova zavolala Jackovi potrebnú informáciu.

‘«Хорошо, Джек, есть шанс, что мы сегодня вечером увидимся?» «Отчего нет? Я закончу где-то через час и смогу быть в Виллоус Холле около половины восьмого. Идет?» «Супер. Огромное спасибо. **Через минуту** я вам сообщу по телефону адрес в Минвуде». «Спасибо, Индия, и не волнуйся. **Скоро** он у нас будет». **Вскоре** Индия вновь позвонила и сообщила Джеку всю необходимую информацию.’

- (49) *Nevedela kričať. Keby natoľko nelipla na štipke sebaovládania, čo jej zostala, čoskoro by prišla o rozum. Onedlho už uvidí svojho syna. Na to musí myslieť. O chvíľu ho bude držať v náručí a bude môcť vojsť Perry.*

‘Она не могла кричать. Если бы она не пользовалась настолько остатками самообладания, то наверняка бы лишилась рассудка. **Скоро** уже она увидит своего сына. Об этом она должна думать. **Через минуту** она будет держать его в объятиях, и тут должен будет войти Перри.’

Как следует из проведенного анализа, наречия *čoskoro, onedlho, o chvíľu* полными синонимами не являются, что подтверждается как их различиями в плане мер ассоциации, так и контекстами совместного употребления. По всей видимости, *čoskoro* ориентировано на рациональное аналитическое восприятие и обозначает ситуации, которые входят в сферу предположений говорящего либо поддаются объяснению с его стороны. В свою очередь, *onedlho* больше связано с собственно темпоральной перспективой ситуации и обозначает случаи неконтролируемые. Наконец, *o chvíľu* в большей степени связано с позицией непосредственного восприятия ситуации, обозначая ситуации, которые поддаются потенциальному контролю со стороны говорящего.

Литература

- Коробейникова 2015 – *Коробейникова Н.Н.* Концептуализация временного промежутка в современном английском языке // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 21 (732). С. 49–59.
- Панков 1997 – *Панков Ф.И.* Категория наречной темпоральности и ее речевые реализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 1. М., 1997. С. 161–174.
- Патаракина 2016 – *Патаракина Е.О.* Наречно-предложная бифункциональность в русском языке (в сопоставлении с другими славянскими языками) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 5. С. 135–145.
- Хохлова 2017 – *Хохлова М.В.* Сопоставительный анализ статистических мер на примере частеречных предпочтений сочетаемости существительных // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 1. М., 2017. С. 166–171.
- Buzássyová, Jarošová 2006 – *Buzássyová K., Jarošová A.* (red.) Slovník súčasného slovenského jazyka, 1, A–G. Bratislava, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения 31 августа 2020).
- Dice 1945 – *Dice L.* Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species // Ecology. 1945. № 26 (3). P. 297–302.
- Inkpen, Hirst 2002 – *Inkpen D.Z., Hirst G.* Acquiring Collocations for Lexical Choice between Near-Synonyms // Unsupervised Lexical Acquisition: Proceedings of the Workshop of the ACL Special Interest Group on the Lexicon (SIGLEX). Philadelphia. 2002. P. 67–76.
- Kačala et al. 2003 – *Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M.* Krátky slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 vyd. Bratislava, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения 31 августа 2020).
- Majchráková 2018 – *Majchráková D.* Collocability analysis of selected Slovak Nouns // Caietele Sextil Pușcariu III. Actele Conferinței Internaționale “Zilele Sextil Pușcariu” / Eds. E. Pavel, N. Mocanu, A. Tudurachi, rec. Consiliul științific, I. Bolovan, M. Borcila et al. Cluj-Napoca: Scriptor-Argonaut, 2017. S. 252–257.
- Ološtiak, Ivanová 2015 – *Ološtiak M., Ivanová M.* Teoreticko-metodologické, nomináčné a typologické otázky viacslovných pomenovaní // Viacslovné pomenovania v slovenčine / Ed. M. Ološtiak. Prešov, 2015. S. 129–238.
- Rychlý 2008 – *Rychlý P.* A lexicographer-friendly association score // Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing, Brno: RASLAN, 2008. P. 6–9.
- Pisárčiková 2004 – *Pisárčiková M.* (red.) Synonymický slovník slovenčiny. 3. nezm. vyd. Bratislava: Veda, 2004 [Электронный ресурс] URL: <https://slovník.juls.savba.sk/> (дата обращения 31 августа 2020).
- Stefanowitsch 2020 – *Stefanowitsch A.* Corpus linguistics. A guide to the methodology. Berlin, 2020. 490 p.
- Stojková et al. 2015 – *Stojková V., Šimková M., Majchráková D., Gajdošová K.* Detecting Time Expressions for Bulgarian and Slovak Language from Electronic Text Corpora // Procedia – Social and Behavioral Sciences: The Proceedings of 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership / Ed. Cigdem Nursen. Elsevier Ltd. 2015. Vol. 186. S. 257–260.
- Šimková 2014 – *Šimková M.* Náboženské texty a terminológia v Slovenskom národnom korpuse // Stručný katolícky teologický slovník: Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie / Ed. Ján Ďurica, rec. L. Csontos, J. Kulisz. Trnava: Dobrá kniha, 2014. S. 77–98.

References

- Buzássyová, K. and Jarošová, A., (eds.) (2006), *Slovník súčasného slovenského jazyka*, 1, A–G, Bratislava, available at: <https://slovník.juls.savba.sk/> (Accessed 31 August 2020).
- Dice, L. (1945), “Measures of the Amount of Ecologic Association Between Species”, *Ecology*, no 26 (3), pp. 297–302.
- Inkpen, D.Z. and Hirst, G. (2002), “Acquiring Collocations for Lexical Choice between Near-Synonyms”, *Unsupervised Lexical Acquisition: Proceedings of the Workshop of the ACL Special Interest Group on the Lexicon (SIGLEX)*, Philadelphia, pp. 67–76.
- Jarošová, A. (ed.) (2015), *Slovník súčasného slovenského jazyka*, 3, M–N, Bratislava, 2015, available at: <https://slovník.juls.savba.sk/> (Accessed 31 August 2020).
- Káčala, J., Pisárčiková, M., and Považaj, M. (eds.) (2003), *Krátky slovník slovenského jazyka*. 4 v. vyd., Bratislava, available at: <https://slovník.juls.savba.sk/> (Accessed 31 August 2020).
- Khokhlova, M.V. (2017), “Comparative analysis of statistical measures on the example of partial preferences of noun compatibility”, *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, Вып. 1, Moscow, Russia, pp. 166–171.
- Korobeinikova, N.N. (2015), “Conceptualization of the time interval in modern English”, *Vestnik MGLU*, vyp. 21 (732), pp. 49–59.
- Majchráková, D. (2017), “Collocability analysis of selected Slovak Nouns”, *Caietele Sextil Pușcariu III. Actele Conferinței Internaționale “Zilele Sextil Pușcariu”*, E. Pavel, N. Mocanu, A. Tudurachi (eds.), rec. Consiliul științific, I. Bolovan, M. Borcila et al., Scriptor-Argonaut, Cluj-Napoca, Romania, pp. 252–257.
- Ološtiak, M. and Ivanová, M. (2015), “Teoreticko-metodologické, nominačné a typologické otázky viacslovných pomenovaní”, Ološtiak, M. (ed.), *Viacslovné pomenovania v slovenčine*, Prešov, Slovakia, pp. 129–238.
- Pankov, F.I. (1997), “The category of adverbial temporality and its speech implementations”, Krasnykh, V.V., Izotov A.I. (eds.), *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], iss. 1, Moscow, Russia, pp. 161–174.
- Patarakina, E.O. (2016), “Adverbial-prepositional bifunctionality in Russian (in comparison with other Slavic languages)”, *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 9: Filologiya*, no 5, pp. 135–145.
- Pisárčiková, M. (ed.) (2004), *Synonymický slovník slovenčiny*, 3. nezm. vyd. Veda, Bratislava, available at: <https://slovník.juls.savba.sk/> (Accessed 31 August 2020).
- Rychlý, P. (2004), “A lexicographer-friendly association score”, *Proceedings of Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing*, RASLAN, pp. 6–9.
- Stefanowitsch, A. (2020), *Corpus linguistics, A guide to the methodology*, Berlin.
- Stojková, V., Šimková, M., Majchráková, D. and Gajdošová K. (2015), “Detecting Time Expressions for Bulgarian and Slovak Language from Electronic Text Corpora”, Cigdem Hursen (ed.), *Procedia. ‘Social and Behavioral Sciences. The Proceedings of 5th World Conference on Learning, Teaching and Educational Leadership*, Elsevier Ltd, pp. 257–260.
- Šimková, M. (2015), “Náboženské texty a terminológia v Slovenskom národnom korpuse”, (ed.) Ján Ďurica, *Stručný katolícky teologický slovník. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie*, rec. Ladislav Csontos, Józef Kulisz, Trnava: Dobrá kniha, pp. 77–98.

Приложение

Первые 40 коллокатов по параметру logDice
для наречий *čoskoro*, *onedlho*, *o chvíľu*

Ранг	čoskoro logDice	čoskoro коллокат	onedlho logDice	onedlho коллокат	o chvíľu logDice	o chvíľu коллокат
1	7,634	dúfať	7,101	nato	7,563	nato
2	7,350	pribudnúť	6,838	pribudnúť	7,096	zjaviť
3	7,127	zistiť	6,234	osláviť	6,798	ozvať
4	7,037	uvidieť	5,617	zomrieť	6,726	začuť
5	6,980	dozvedieť	5,592	ocitnúť	6,507	vrátiť
6	6,914	dočkať	5,569	vyrovnať	6,460	zmiznúť
7	6,883	vrátiť	5,554	vyrásť	6,438	vynoriť
8	6,876	nato	5,515	uvidieť	6,423	brvno
9	6,744	zmeniť	5,425	zjaviť	6,395	vojst'
10	6,695	zачаť	5,395	vystriedať	6,371	zaspať
11	6,671	objaviť	5,364	zачаť	6,191	vybehnúť
12	6,596	veriť	5,285	vrátiť	6,123	dvere
13	6,400	stať	5,285	zmiznúť	6,101	žrd'
14	6,395	už	5,275	objaviť	5,967	vyraziť
15	6,272	prísť	5,137	brvno	5,962	trafiť
16	6,229	zmiznúť	5,132	doraziť	5,959	strela
17	6,219	ocitnúť	5,128	prísť	5,954	znova
18	6,178	pochopiť	5,119	prestahovať	5,930	netrafiť
19	6,151	rozšíriť	5,087	nastahovať	5,928	hlavičkovať
20	6,123	prestať	5,063	uplynúť	5,927	odbehnúť
21	6,071	ukázať	5,049	už	5,925	zazvoniť
22	6,070	zomrieť	5,035	čakať	5,814	Späť
23	6,058	zrejme	5,029	dočkať	5,808	hlavička
24	6,028	pominúť	4,981	umrieť	5,806	vedľa
25	5,938	vystriedať	4,964	zaspať	5,804	pribehnúť
26	5,919	upokojiť	4,922	žrd'	5,787	mieriť

Ранг	čoskoro logDice	čoskoro коллокат	onedlho logDice	onedlho коллокат	o chvíľu logDice	o chvíľu коллокат
27	5,916	opäť	4,913	presilovka	5,785	počuť
28	5,905	odísť	4,899	trafiť	5,771	prestreliť
29	5,901	opustiť	4,889	vypuknúť	5,753	brána
30	5,874	skončiť	4,878	odbočiť	5,746	zase
31	5,855	nasledovať	4,868	bránka	5,731	zavolať
32	5,850	stratiť	4,867	vyjsť	5,717	zaklopať
33	5,820	možno	4,852	zmeniť	5,709	minúť
34	5,808	uvedomiť	4,840	spustiť	5,704	uvidieť
35	5,803	umrieť	4,838	dozvedieť	5,692	vyjsť
36	5,756	vyriešiť	4,837	stať	5,670	roh
37	5,693	Ročný	4,818	narodeniny	5,664	zastať
38	5,689	dostať	4,795	začuť	5,637	ocitnúť
39	5,686	presvedčiť	4,766	rozšíriť	5,620	prísť
40	5,674	vyrásť	4,765	opäť	5,602	kop

Информация об авторе

Дарья Ю. Ващенко, кандидат филологических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; daranis@mail.ru

Information about the author

Dar'ya Yu. Vashchenko, Cand. of Sci. (Philology), Russian Academy of Sciences Institute of Slavic Studies, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; daranis@mail.ru

К вопросу о «пустом дополнении»
в раздельно-слитных словах *лихэцы*
глагольно-именной модели
в современном китайском языке

Полина О. Кисель

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, 14polink@mail.ru*

Аннотация. В статье на материале современного китайского языка предлагаются результаты анализа сочетаемостных свойств раздельно-слитных слов *лихэцы*, построенных по глагольно-именной модели. Выдвигается гипотеза о различной степени формальной и семантической спаянности компонентов *лихэцы*, глагольно-именные двуслоги систематизируются в рамках семантической классификации. Далее подробно анализируются сочетаемостные свойства раздельно-слитных единиц, в которых именной компонент является «пустым дополнением»: рассматриваются сценарии постановки различных вставок в препозиции к нему. Выделяется два типа «пустого дополнения» и соответственно две подгруппы *лихэцы* с такого рода именным компонентом: *лихэцы*, в которых «пустое дополнение» семантически дублирует значение глагольного компонента, и *лихэцы*, в которых «пустое дополнение» является генерическим, или родовым, объектом.

Ключевые слова: раздельно-слитные слова, *лихэцы*, пустое дополнение, именной компонент

Для цитирования: Кисель П.О. К вопросу о «пустом дополнении» в раздельно-слитных словах *лихэцы* глагольно-именной модели в современном китайском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 32–63. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63

On the issue of the “dummy object”
in verb-object separable words *liheci* in modern Chinese

Polina O. Kisel

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, 14polink@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of the combinatorial properties of verb-object separable compounds (*liheci*) in modern Chinese. A hypothesis about different levels of formal and semantic unity of the

compounds was tested and the compounds were classified according to their semantics. Further, the combinatorial properties of verb-object separable compounds with “dummy object” are discussed taking into account the formal criterion of insertion of different elements before the nominal component of *liheci*. Two types of “dummy object” and, consequently, two subtypes of *liheci* with “dummy objects” are distinguished. The first subtype includes *liheci* in which the nominal component semantically duplicates the meaning of the verbal component. The second subtype is represented by *liheci* in which the nominal component is a generic object.

Keywords: separable words, *liheci*, dummy object, nominal component

For citation: Kisel, P.O. (2021), “On the issue of the ‘dummy object’ in verb-object separable words *liheci* in modern Chinese”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 32-63, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63

1. Введение

Раздельно-слитные двусложные лексемы представляют собой дискуссионное явление в современном китайском языке. Учитываемые существующие по сей день расхождения в вопросе определения статуса глагольно-именных комплексов, обладающих признаками как слова, так и словосочетания, в данной статье мы используем также фонетическую транскрипцию предложенного в 1957 г. Лу Чживэем в [Лу 1957] термина 离合词 *lihécí lihéцзы* и его перевод на русский язык как «раздельно-слитные слова». Компоненты *lihécí* допускают дистантное положение в предложении за счет постановки между ними различных вставок.

Ч. Ли и С. Томпсон полагают, что большинство глагольно-именных слов происходит из словосочетаний. Ввиду постепенности данного процесса идиоматичность и возможность дистанцированного расположения компонентов двуслога могут существовать параллельно, не исключая друг друга и проявляясь в той или иной степени. Расчленяемые глагольно-именные образования, по мнению авторов, должны изучаться отдельно [Li, Thompson 1981, с. 80].

В статье мы рассмотрим сочетаемостные свойства *lihécí*, в которых именной компонент является «пустым дополнением». Исследователи и ранее обращали внимание на особый, семантически «пустой» именной компонент при глаголе в раздельно-слитных единицах, однако такие *lihécí* не рассматривались отдельно.

Значение *лихэцы* с «пустым дополнением» базируется на семантике глагольного компонента. При этом значение двуслога как словарной единицы не сводится к сумме значений его компонентов и вполне оправданно говорит об идиоматичности, так как именной компонент в данном образовании представляет слагаемое, равное нулю, несмотря на наличие у него семантики. Зависимый компонент «нерасчлененного» *лихэцы* выполняет грамматическую функцию: он оформляет глагольный компонент, что позволяет глаголу стать семантически и грамматически законченным целым.

Основной эмпирической базой исследования послужил Корпус китайского языка Пекинского университета¹. Общий список рассматриваемых в данной статье *лихэцы* с «пустым дополнением» был составлен на основе двух словарей раздельно-слитных слов: «Словаря часто употребляемых раздельно-слитных слов *лихэцы*» [Чжоу 2011], включающего 268 единиц, и «Учебного словаря раздельно-слитных слов *лихэцы*» [Ван, Сюэ, Ван 2013], насчитывающего 210 единиц. Значительные расхождения в количественном составе внесенных в словари раздельно-слитных единиц не позволяют составить полный список всех *лихэцы* и, в частности, рассматриваемых в данной статье *лихэцы* с «пустым дополнением».

2. О статусе *лихэцы* в языковой системе

В отечественном китаеведении глагольно-именным сочетаниям уделялось особое внимание. Данные образования получали различные названия, например: «глагольно-объектные биномы» [Драгунов 1946], «глагольно-именные комплексы» [Маматюк 1986], «инкорпорации» [Иванов, Поливанов 1930], «слова-словосочетания» [Готлиб 1994], «разрывные комплексы» [Панфилов 2008], «лексические комплексы», «композит-комплексы» [Рукодельникова 1995, Семенас 1992] и др.

А.Л. Семенас [Семенас 1992] отмечает, что морфологическая цельность определенных типов сложных слов в китайском языке может нарушаться постановкой определения к одному из компонентов, что не позволяет однозначно установить статус этих единиц в плане выражения. Однако в плане содержания они представляют собой единый семантический комплекс.

---

¹ Корпус китайского языка Пекинского университета [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения 8 августа 2020).

Между компонентами сохраняется тип связи и определенная семантическая реляция, обеспечивающая цельность значения комплекса, которая часто выражается в идиоматичности и синтаксической функции какой-либо одной части речи. Эти особенности обуславливают единство данных образований и позволяют относить их к особому типу разъединяемых сложных слов [Семенас 1992, с. 203].

В 1950-е гг. в рамках проблемы определения границ слова Б.С. Исаенко поднимает вопрос о природе разделяемых глагольно-именных образований с семантически обесцвеченным, или общим, объектом, полностью или частично лишенным своего вещественного значения. Как отмечает автор, одних лишь семантических особенностей недостаточно для придания данным единицам словесного статуса. Ставя во главу угла грамматический критерий (способность глагольного и именного компонентов функционировать в качестве самостоятельных членов предложения, принимая присущее им грамматическое оформление), Б.С. Исаенко относит рассматриваемые глагольно-именные образования к словосочетаниям. В случае же отнесения данных единиц к словам, отмечает Б.С. Исаенко, следует признать реальными существование в языке таких явлений, как синтаксически членимые слова, функционирование в предложении отдельных частей слова (глагольная основа сложного слова будет выступать как сказуемое, а именная – в качестве дополнения), а также инверсия компонентов одного слова. Вышеперечисленное, во-первых, подрывает такой существенный признак слова, как произносительная целостность, во-вторых, стирает грань между морфологией и синтаксисом [Исаенко 1957, с. 255].

«Семантически обесцвеченный» именной компонент при переходных и непереходных глаголах в отечественной синологии было принято трактовать как «пустой объект» («пустое дополнение»). С.Е. Яхонтов характеризовал такое дополнение как «наиболее обычный, наиболее характерный объект действия или самое общее название всех его возможных объектов» [Яхонтов 1957, с. 39]. Постановка такого компонента при переходном глаголе объяснялась невозможностью употребления последнего без дополнения, даже в том случае, когда никакого конкретного объекта нет. Например: 他写字。 *Tā xiězì*. 'Он пишет' (занят написанием чего-либо, акцент на процессе): 字 *zì* 'иероглиф, знак' в данном случае называет наиболее характерный объект при глаголе 写 *xiě* 'писать' [Яхонтов 1957, с. 39].

Согласно А.А. Драгунову, в китайском языке переходные глаголы тесно связаны с дополнением, которое может выполнять две функции: лексическую (уточняющую значение глагольного корня)

и грамматическую (превращающую глагольную морфему из простой номинации действия в семантически и грамматически законченное целое – переходный глагол). Данным фактом объясняется наличие в китайском языке большого количества глаголов с пустым объектом, который лексически ничего нового в значение глагола не вносит и требуется лишь для оформления глагольного корня [Драгунов 1952, с. 119].

Что касается непереходных глаголов, то беспредложное употребление при них «пустого дополнения» связывалось лингвистами с идеей времени. При наличии «пустого дополнения» глагол получает возможность называть действие, дящееся в данный момент:

(1) 他走路。

Tā   *zǒu-lù.*
3SG.M   идти-дорога
'Он идет'.

(2) 他睡觉。

Tā   *shuì-jiào.*
3SG.M   спать-сон
'Он спит'.

Ср.: 他睡了。

Tā   *shuì-le.*
3SG.M   спать-PFV
'Он уснул' [Яхонтов 1957, с. 40–41].

В китайском языкознании существует три основных трактовки статуса *лихэцы*: единицы, которые являются словами или приближены к словам; единицы, которые рассматриваются как слова или словосочетания в зависимости от того, об исходной или полученной в результате разделения компонентов конструкции идет речь; единицы, которые являются словосочетаниями или приближены к ним.

Китайские лингвисты [Ли 1983, Фань 1981, Чжан 1987] полагают, что *лихэцы* являются особым типом слов. Основными аргументами в пользу словесного статуса разделяемой единицы выступают ограниченный набор допустимых вставок между компонентами двуслога и его идиоматичность: значение единицы нельзя представить простой суммой значений ее составляющих.

Для *лихэцы*, построенных по глагольно-именной модели, Линь Ханьда вводит термин *结合动词 jiéhé dòngcí* 'связанные глаголы / глаголы-сцепления', отмечая наличие дополнения при гла-

голе, которое не называет объект действия, а лишь дополняет или дублирует содержание глагола, свидетельствуя о том, что субъект производит некоторое действие. Например, в глагольно-именном образовании 唱歌 *chànggē* ‘петь’ компонент 歌 *gē*, исходное значение которого ‘песня’, не обозначает конкретную песню, а лишь дополняет значение глагола 唱 *chàng* ‘петь’ и сигнализирует о том, что субъект вовлечен в процесс пения [Чжоу 2006, с. 7].

Наличие семантически «пустого» именного компонента при глагольном позволяет говорить об идиоматичности значения двусложного комплекса, целостности его семантической структуры. Как отмечает Сян Юаньмао, в таких единицах, как 吃饭 *chīfàn* ‘есть, принимать пищу’ (букв. ‘есть’ + ‘пища, рис на пару’), 跳舞 *tiàowǔ* ‘танцевать’ (букв. ‘прыгать’ + ‘танец’), 走路 *zǒulù* ‘идти’ (букв. ‘идти’ + ‘путь, дорога’), 唱歌 *chànggē* ‘петь’ (букв. ‘петь’ + ‘песня’), именной компонент утратил референцию и вещественность, однако обладает высокой степенью предсказуемости, являясь наиболее характерным именем при глаголе, на семантике которого базируется значение двуслога [Ван 2008, с. 64].

Работы [Ван 1982, Люй 1979], в которых во главе угла стоит формальный критерий, относят *лихэцы* к словосочетаниям ввиду допустимости дистантного употребления глагола и имени, их формального разрыва.

Авторы работ [Чжу 1982, Лу 1957] придерживаются концепции «в расчлененном виде – словосочетание, в слитном – слово» и выделяют у *лихэцы* исходную и полученную в результате расчленения конструкции, относя первую к слову, а вторую – к словосочетанию.

Тем не менее, согласно Ши Ювэю, подход, при котором исходная (нерасчлененная) конструкция *лихэцы* рассматривается как слово, а производная – как словосочетание, является ошибочным. Например, такие конструкции, как 洗澡 *xǐzǎo* ‘принимать ванну / принять ванну’ (букв. ‘мыться, купаться’ + ‘купанье, ванна’) и 洗一个澡 *xǐ yī gè zǎo* ‘принять ванну, помыться’ (букв. ‘мыться, купаться’ + ‘одна штука’ + ‘купанье, ванна’), тождественны по значению, следовательно, трудно представить, что это разные грамматические единицы (хотя во втором случае в препозиции к именному компоненту 澡 *zǎo* ‘купанье, ванна’ ставится счетный комплекс 一个 *yī gè* (числительное + счетное слово)). Расчленяемые комплексы глагольно-именного и глагольно-результативного типов лингвист предлагает называть «связанные словосочетания» [Чжоу 2006, с. 17–18].

В работе [Чжоу 2001] говорится о промежуточном статусе *лихэцы* между словом и словосочетанием ввиду наличия у них призна-

ков обеих единиц. Иными словами, лингвист не выделяет один доминирующий признак, позволяющий однозначно отнести раздельно-слитную единицу к тому или иному классу.

Особый вклад в изучение проблематики *лихэцы* внесли работы Ван Хайфэна [Ван 2002, 2008, 2010]. Выходя за пределы морфологии и синтаксиса, лингвист исследует сущность, специфику и функционирование раздельно-слитных единиц в современном китайском языке через призму коммуникативно-прагматического подхода. Опираясь на обширный корпусной материал, исследователь анализирует дистрибуцию *лихэцы* преимущественно количественными методами.

В англоязычной литературе раздельно-слитные слова *лихэцы* определяются как «separable words» [Petrovic 2016] и «verb-object compounds (words)» [Packard 2004]. Дж. Паккард относит *лихэцы* к словам. Если способная к расчленению единица подверглась лексикализации и зафиксирована в словаре, то она является словом независимо от того, что может выступать и в качестве словосочетания [Packard 2004, p. 115].

Таким образом, большинство предшествующих исследований было посвящено такому и по сей день дискуссионному вопросу, как определение статуса раздельно-слитных единиц в языковой системе в рамках проблемы границ слова в современном китайском языке, а также рассмотрению допустимых вариантов вставок между компонентами *лихэцы*.

3. Место *лихэцы* с «пустым дополнением» в семантической классификации

Различные подходы к трактовке места *лихэцы* в системе языка, а также их неоднозначный статус и специфика сочетаемостных свойств позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что построенные по одной словообразовательной модели глагольно-именные двуслоги различаются характером семантических отношений между компонентами, следствием чего и является их разнородность и несводимость к единому типу.

На начальном этапе исследования нами было произведено разделение всех взятых из словарей *лихэцы* на три группы с учетом семантической наполненности их глагольного и именного компонентов. Предлагаемая нами общая семантическая классификация *лихэцы* включает следующие группы.

1. *Лихэцы* с максимальной идиоматичностью: 吹牛 *chuīniú* 'хвастаться, пускать пыль в глаза, говорить громкие слова' (букв.

‘раздувать’ + ‘корова, бык’), 挂钩 *guàgōu* ‘устанавливать отношения с кем-либо’ (букв. ‘прикреплять, вешать’ + ‘крючок’) и др.

2. *Лихэцы*, в которых именной компонент является «пустым дополнением» (значение композита базируется на семантике глагольного компонента). Данная группа представлена двумя подгруппами:

2.1. *Лихэцы*, в которых именной компонент семантически дублирует значение глагольного компонента: 洗澡 *xǐzǎo* ‘мыться, принимать ванну’ (букв. ‘мыться, купаться’ + ‘купание, ванна’), 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’ (букв. ‘спать’ + ‘сон’), 游泳 *yóuyǒng* ‘плавать’ (букв. ‘плавать’ + ‘плавание’) и др.

2.2. *Лихэцы*, в которых именной компонент представляет собой генерический, или родовой, объект, наиболее характерный для ситуации, обозначенной глагольным компонентом: 懂事 *dǒngshì* ‘понимать, разбираться’ (букв. ‘понимать’ + ‘дело’), 付款 *fùkuǎn* ‘выплачивать’ (букв. ‘платить, выплачивать’ + ‘сумма, деньги’) и др.

3. *Лихэцы*, в которых глагольный и именной компоненты употребляются в своих основных значениях и являются семантически наполненными (значение композита базируется на семантике обоих компонентов, но не равно их сумме): 做梦 *zuòmèng* ‘видеть сон’ (букв. ‘делать’ + ‘сон’), 吃苦 *chīkǔ* ‘страдать, переносить трудности’ (букв. ‘есть’ + ‘горечь’), 生病 *shēngbìng* ‘заболеть’ (букв. ‘породить’ + ‘болезнь’) и др.

Рассмотрим сочетаемостные свойства единиц, относимых нами ко второй группе – *лихэцы*, в которых именной компонент является «пустым дополнением».

4. *Лихэцы*, в которых «пустое дополнение» семантически дублирует значение глагольного компонента

К раздельно-слитным словам, в которых «пустое дополнение» по семантике дублирует значение глагольного компонента, нами было отнесено всего шесть словарных единиц *лихэцы*: 洗澡 *xǐzǎo* ‘мыться, принимать ванну’ (букв. ‘мыться, купаться’ + ‘купание, ванна’), 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’ (букв. ‘спать’ + ‘сон’), 游泳 *yóuyǒng* ‘плавать’ (букв. ‘плавать’ + ‘плавание’), 吵架 *chǎojià* ‘ссориться’ (букв. ‘скандалить, ссориться’ + ‘перепалка, драка’), 跑步 *pǎobù* ‘бегать’ (букв. ‘бегать’ + ‘шаг’), 拐弯 *guǎiwān* ‘повернуть, свернуть за угол’ (букв. ‘повернуть, завернуть’ + ‘поворот’).

В данных *лихэцы* (за исключением 跑步 *pǎobù* ‘бегать’ и 拐弯 *guǎiwān* ‘повернуть, свернуть за угол’) именной компонент в совре-

менном китайском языке не употребляется самостоятельно и является связанной морфемой. Тем не менее неспособный функционировать в качестве самостоятельной единицы именной компонент может отделяться от компонента глагольного. Данное явление Люй Шусян обозначил как «временное односложное слово»: вне предложения данный компонент является связанной морфемой, однако, будучи помещенным в определенную синтаксическую структуру, становится самостоятельным «временным» словом².

В препозиции к именному компоненту *лихэци* первой подгруппы допускается постановка универсального классификатора $\uparrow$ *gè* ‘штука’. Данное счетное слово сочетается с наиболее многочисленным и неоднородным классом существительных, в том числе с именами, денотаты которых не ассоциируются с другими объектами или вообще лишены субстантивности [Тань 2002, с. 642]. Счетные слова при нереперентно употребленных именных группах по своим функциям приравниваются к квантификаторам действия (глагольным счетным словам), ср.:

(3a) 洗了一个澡

<i>xǐ-le</i>	<i>yī</i>	<i>gè</i>	<i>zǎo</i>
мыться-PFV	один	CLF.штука	купанье

‘помылся разок’ (используется именное счетное слово $\uparrow$ *gè* ‘штука’)

(3b) 洗了一次澡

<i>xǐ-le</i>	<i>yī</i>	<i>cì</i>	<i>zǎo</i>
мыться-PFV	один	CLF.раз	купанье

‘помылся разок’ (используется глагольное счетное слово *цì* ‘раз’) [Тань 2002, с. 636].

Так, находясь в препозиции к нереперентно употребленному именному компоненту, семантически дублирующему значение глагольного компонента, счетное слово $\uparrow$ *gè* не актуализирует имя, а является аналогом глагольного счетного слова *цì* ‘раз’ (4–6):

(4) 我要上游个泳, 然后做早饭。

<i>Wǒ</i>	<i>yào</i>	<i>shàng</i>	<i>yóu</i>	<i>gè</i>
1SG	собираться	отправляться	плавать	CLF.штука

² Цит. по: Ло Цюн, Чжоу Гогуан (罗琼, 周国光). «V + Q + O» *lixī* *jiēgòu* de *yuán* *fēnxī* («V + Q + O» 离析结构的语义分析) [Семантический анализ конструкции «V + Q + O»] // Социальные науки Нинся. 2016. № 2. С. 234–238.

yǒng, ránhòu zuò zǎofān
плавание, потом делать завтрак
 ‘Я схожу поплаваю, а потом приготовлю завтрак’.

- (5) 八九岁的学生之间吵个架不算个啥。

Bā jiǔ suì de xuéshēng zhījiān
 Восемь девять год ATTR учащийся LOC.между
chǎo gè jià bù suàn gè
ссориться CLF.штука перепалка NEG считаться CLF.штука
shà
 что

‘В том, что восьми-девятителетние учащиеся поссорились между собой, нет ничего такого’.

- (6) 回家洗个澡睡个觉就好了。

Huí jiā xǐ gè zǎo shuì
 возвращаться дом **мыться CLF.штука купанье спать**
gè jiào jiù hǎo le
CLF.штука сон тотчас_же хорошо MOD
 ‘Придя домой, прими ванну, поспи, и станет лучше’.

Взаимозаменяемость сочетаний *A... 个 B* и *A... 次 B* (где *A* – глагольный компонент *лхэцы*, *B* – именной) возможна лишь при описании однократных ситуаций. Многократность действий, обозначаемых раздельно-слитными словами данной подгруппы, выражается за счет оформления глагольного компонента счетным словом *次 cì* ‘раз’, при этом в основном допустимы такие числительные, как *一 yī* ‘один’, *两 liǎng* ‘два’, *三 sān* ‘три’, либо показатели неопределенного количества *几 jǐ* ‘несколько’, *多少 duōshǎo* ‘скольконьбуду’, *不少 bùshǎo* ‘немало’ и др. Например:

- (7) 游两三次泳

yóu liǎng sān cì yǒng
 плавать два три CLF.раз плавание
 ‘поплавать пару-тройку раз’

- (8) 吵几次架

chǎo jǐ cì jià
 ссориться несколько CLF.раз перепалка
 ‘поссориться несколько раз’

Универсальное счетное слово 个 *gè* ‘штука’ как квантификатор ситуации может также выступать и актуализатором именного компонента, не являющегося связанной морфемой, который в результате такого оформления обретает референцию (9):

(9) 从这儿拐一个弯就能到他家门口。

<i>Cóng</i>	<i>zhèr</i>	<i>guǎi</i>	<i>yī</i>	<i>gè</i>	<i>wān</i>
PREP.из	здесь	поворачивать	один	CLF.штука	поворот

<i>jiù</i>	<i>néng dào</i>	<i>tā</i>	<i>jiā</i>	<i>ménkǒu</i>
тотчас_же	мочь прибывать	3SG.M	дом	ворота

‘Поверни здесь и сразу окажешься у ворот его дома’.

В примере (9) счетный комплекс 一个 *yī gè* актуализирует именной компонент 弯 *wān* ‘поворот’ и при поддержке соответствующего лексического контекста (наличие местоимения 这儿 *zhèr* ‘здесь’) указывает на его определенный референциальный статус: речь идет о конкретном повороте в определенном месте. Вероятно, допустимость такой функции у счетного слова 个 *gè* связана с синтаксической самостоятельностью именного компонента, который семантически дублирует глагольный компонент, но при этом не является связанной морфемой (в отличие от большинства именных компонентов *лихэцы* данной подгруппы), что позволяет изначально «пустому» объекту становиться полноценным участником ситуации.

«Пустые дополнения» 架 *jià* ‘перепалка, драка’ и 泳 *yǒng* ‘плавание’ в *лихэцы* 吵架 *chǎojià* ‘ссориться’ и 游泳 *yóuyǒng* ‘плавать’ допускают постановку в препозиции счетного слова 场 *chǎng* (10–11):

(10) 那是阿远掉了摩托车之后，和阿云吵了一场无聊的架。

<i>Nà</i>	<i>shì</i>	<i>Ā Yuǎn</i>	<i>diào-le</i>	<i>mótuōchē</i>	<i>zhīhòu, hé</i>
DEM	COP	А Юань	падать-PFV	мотоцикл	после, COM

<i>Ā Yún</i>	<i>chǎo-le</i>	<i>yī</i>	<i>chǎng</i>	<i>wúliáo</i>	<i>de</i>
А Юнь	ссориться-PFV	один	CLF	скучный	ATTR

jià

перепалка

‘После того как А Юань упал с мотоцикла, он затеял бессмысленную ссору с А Юнем’.

- (11) 游完这场泳我的心情并未得到彻底的改善。

Yóu-wán zhè chǎng yǒng wǒ de xīnqíng
 плавать-RES DEM CLF плавание 1SG ATTR настроение
bìng wèi dédào chéngdǐ de gǎishàn
 вовсе не получать полностью ATTR улучшать
 ‘После того как я поплавал, мое настроение не улучшилось’.

«Пустое дополнение», семантически дублирующее значение глагольного компонента, принимает в препозиции числительные и выступает в качестве меры действия. В результате оно указывает на кратность ситуации и демонстрирует синтаксическую самостоятельность, несмотря на связанный характер исходной морфемы в рамках *лихэцы*. Наиболее частотна передача однократности со вставкой числительного *— yī* ‘один’, которое, находясь между компонентами *лихэцы*, не используется для счета предметов ввиду отсутствия референции у именного компонента, ср. (12–13). Согласно данным работы [Ван 2008], случаи постановки числительных, больших чем ‘два’, между компонентами *лихэцы* практически отсутствуют.

- (12) 你要是困了就先去睡一觉。

Nǐ yàoshi kùn-le jiù xiān qù shuì
 2SG если уставать-PFV MOD сначала уходить спать
yī jiào
 один сон
 ‘Если ты устал, то сначала пойді поспи’.

- (13) 我真想和谁吵一架。

Wǒ zhēn xiǎng hé shéi chǎo yī
 1SG поистине хотеть COM кто-то ссориться один
jià
 перепалка
 ‘Мне очень нужно с кем-нибудь поругаться!’

Редкие случаи употребления других числительных в препозиции к именному компоненту, выступающему в качестве непрототипического счетного слова, иллюстрирует (14):

- (14) 这书自出版后我已经跟我们公司的人吵了不下十架了。

Zhè shū zì chūbǎn hòu wǒ yǐjīng gēn
 DEM книга PREP издавать после 1SG уже COM

wōmen   gōngsī   de   rén   **chǎo-le**
 1PL   компания   ATTR   человек   **ссориться-PFV**

bùxià   **shí**   **jià**   le
 не_менее_чем   **десять**   **перепалка**   MOD

‘С тех пор как была издана эта книга, я уже поссорилась с коллегами не меньше десяти раз’.

Отдельно стоит выделить *лихэцы* 跑步 *pǎobù* ‘бегать’ (букв. ‘бегать’ + ‘шаг’), которое не принимает между компонентами ни именное счетное слово 个 *gè*, ни глагольное счетное слово 次 *cì*. Именной компонент 步 *bù* ‘шаг’ всегда самостоятельно выступает в качестве меры действия, допуская постановку любых числительных в позиции (15):

(15) 每分钟要跑120步。

Měi   fēnzhōng   yào   **pǎo**   120   **bù**
 каждый   минута   нужно   **бегать**   120   **шаг**
 ‘За минуту нужно пробежать 120 шагов’.

Допускается постановка указательных местоимений, которые, оформляя «пустое дополнение», семантически дублирующее значение глагольного компонента, могут выполнять несколько функций.

Формально находясь в препозиции к именному компоненту *лихэцы*, являющемуся связанной морфемой, местоимения выступают как актуализаторы ситуации в целом (16–17):

(16) 游完这场泳我的心情并未得到彻底的改善。

Yóu-wán   **zhè**   **chǎng**   **yǒng**   wǒ   de   **xīnqíng**
Плывать-RES   **DEM**   **CLF**   **плавание**   1SG   ATTR   **настроение**

bìng   wèi   **dédào**   **chèdǐ**   de   **gǎishàn**.
 вовсе   не   получать   полностью   ATTR   **улучшать**
 ‘После того как я поплавал, мое настроение не улучшилось’.

(17) 不许打扰你睡这一觉。

Bù   **xú**   **dǎrǎo**   **nǐ**   **shuì**   **zhè**   **yī**   **jiào**
 NEG   позволять   тревожить   2SG   **спать**   **DEM**   **один сон**
 ‘Не позволю помешать тебе в этот раз поспать’.

Находясь в препозиции к именному компоненту, являющемуся свободной морфемой, местоимения непосредственно актуализируют его значение (18):

- (18) 只跑这几步就已经很累了。

Zhǐ pǎo zhè jǐ bù jiù yǐjīng hěn
 лишь бегать DEM несколько шаг тотчас уже очень
 lèi le
 уставший MOD

‘Пробежал лишь эти несколько шагов, как уже устал’.

В препозиции к именному компоненту *liuxэцзы* допускается постановка местоимения 什么 *shénme* ‘что, какой’, которое может как относиться ко всему глагольному комплексу (19–20), так и устанавливать атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом, обретающим референцию (21–22):

- (19) 有两天没睡什么觉。

Yǒu liǎng tiān méi shuì shénme jiào
 иметь два день NEG спать какой-либо сон
 ‘Два дня вообще не спал’.

- (20) 这样的身体, 还洗什么澡呢?

Zhèyàng de shēntǐ, hái xǐ shénme zǎo ne
 такой ATTR тело, еще мыть какой купанье MOD
 ‘Такое-то тело, зачем его еще и мыть?’

- (21) 罗厚不问吵什么架。

Luō Hòu bù wèn chǎo shénme jià
 Ло Хоу NEG спрашивать ссориться какой перепалка
 ‘Ло Хоу не спрашивал, что за ссора произошла’.

- (22) 河拐什么弯?

Hé guǎi shénme wān
 река поворачивать какой поворот
 ‘Какие повороты делает река?’

В корпусе также был обнаружен пример вставки вопросительного местоимения 多少 *duōshao* ‘сколько’, которое, формально находясь в препозиции к именному компоненту-связанной морфеме, относится к глагольной группе в целом (23):

- (23) 你一天睡多少觉?

Nǐ yī tiān shuì duōshao jiào
 2SG один день спать сколько сон
 ‘Так сколько ты спишь в день?’

Связанные морфемы 澡 *zǎo* ‘купанье, ванна’ и 觉 *jiào* ‘сон’ формально принимают в препозиции существительные, прилагательные и именные группы, выступающие как определения. Однако данные вставки, как правило, не устанавливают полноценных атрибутивных отношений с именными компонентами и с точки зрения семантики относятся к модификации предикатива в целом. Некоторые из таких вставок могут также выступать дополнениями или обстоятельствами при глагольном компоненте в препозиции ко всему *лхэцы*. Ср. (24a), (24b) и (25a), (25b):

(24a) 这一年来, 我就没有一夜睡过安稳觉。

Zhè yī nián lái, wǒ jiù méi yǒu
DEM один год надвигаться, 1SG как_раз NEG иметь
yī yè shuì-guò ānwěn jiào
один ночь спать-EXP спокойный сон
‘За этот год не было и ночи, чтобы я **спокойно** поспал’.

В данном примере единица 安稳 *ānwěn* ‘спокойный’ разрывает *лхэцы* 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’ (букв. ‘спать’ + ‘сон’), лишь формально выступая в качестве определения к именному компоненту 觉 *jiào* ‘сон’. В то время как в (24b) 安稳 *ānwěn* ‘спокойный’ выступает как обстоятельство в препозиции ко всему *лхэцы*:

(24b) 从那时起, 他就无法安稳地睡觉了。

Cóng nà shí qǐ, tā jiù wúfǎ ānwěn de shuì-jiào le
PREP.c DEM время начинаться 3SG как_раз
невозможно **безмятежный** ADV **спать-сон** MOD
‘С тех пор он уже не мог **спокойно** спать’.

(25a) 小王喜欢洗冷水澡。

Xiǎo Wáng xǐhuān xǐ lěng shuǐ zǎo
Сяо Ван нравится **мыть** **холодный** **вода** **купанье**
‘Сяо Ван любит принимать холодную ванну’.

В данном примере именная группа 冷水 *lěng shuǐ* ‘холодная вода’ разрывает *лхэцы* 洗澡 *xǐzǎo* ‘мыться, принимать ванну’ (букв. ‘мыться, купаться’ + ‘купанье, ванна’), лишь формально выступая в качестве определения к именному компоненту 澡 *zǎo* ‘купанье, ванна’. В то время как в (25b) именная группа 冷水 *lěng shuǐ* ‘холод-

ная вода' уже выступает как косвенное дополнение с предложным управлением в препозиции к *лихэцы*:

(25b) 小王喜欢用冷水洗澡。

Xiǎo Wáng xǐhuān yòng lěng shuǐ xǐ-zǎo
 Сяо Ван нравится **INS** холодный вода **мыться-купанье**
 'Сяо Ван любит принимать холодную ванну'.

Постановка вставки в препозицию к именному компоненту *лихэцы* может быть обусловлена отсутствием свободной синтаксической позиции перед глаголом, уже занятой обстоятельством образа действия в его единственной прототипической позиции перед сказуемым (26):

(26) 回到北京后, 蒋建宁踏实地睡了一个安稳觉。

Huí dào Běijīng hòu, Jiǎng Jiànníng
 возвращаться DIR Пекин после, Цзян Цзяньнин

tàshí de shuì-le yī gè
спокойный ADV спать-PFV один CLF.штука

ānwěn jiào
спокойный сон

'Вернувшись в Пекин, Цзян Цзяньнин спокойно и безмятежно поспал'.

В данном примере обстоятельство *踏实 tāshí* с маркером адвербиала *地 de* стоит в препозиции к сказуемому, в то время как единица *安稳 ānwěn* 'спокойный' формально выступает атрибутом при именном компоненте *лихэцы*, хотя с точки зрения семантики относится к описанию ситуации в целом.

Встречаются примеры, когда «пустое дополнение» принимает формально «избыточное» определение, выраженное притяжательным местоимением и дублирующее подлежащее (27):

(27) 他翻了个身扭过脸去又睡他的觉。

Tā fān-le gè shēn niǔ-guò
 3SG.M переворачивать-PFV CLF тело отвернуться-PFV

liǎn qù yòu shuì tā de jiào
 лицо DIR опять **спать 3SG.M ATTR сон**

'Он отвернулся лицом к стене и уснул (букв. своим сном)'.

Атрибутами при именном компоненте *лихэцы* выступают и обстоятельства определенной и неопределенной длительности (28):

(28) 学生每天最少要睡八小时觉。

Xuéshēng měitiān zuìshǎo yào shuì
 учащийся каждый_день как_минимум необходимо **спать**

bā xiǎoshí jiào
восемь час сон

‘Учащиеся ежедневно должны спать минимум восемь часов’.

Обстоятельства длительности могут стоять и в абсолютной постпозиции к *лихэцы*, для этого требуется открытие еще одной синтаксической позиции при глаголе путем повтора глагольного компонента (29):

(29) 她游泳游了三个小时。

Tā yóu-yǒng yóu-le sān gè
 3SG.F плавать-плавание плавать-PFV три CLF.штука

xiǎoshí
час

‘Она плавала 3 часа’.

Случаев постановки косвенного дополнения в препозицию к именному компоненту, семантически дублирующему глагольный, в корпусе обнаружено не было.

Рассмотренные в ходе исследования контексты позволяют утверждать, что при расчленении раздельно-слитных слов с «пустым дополнением», семантически дублирующим значение глагольного компонента, семантическая спаянность композита часто сохраняется даже при дистантном расположении компонентов: вставные элементы, с семантической точки зрения, как правило, относятся ко всему глагольному комплексу в целом. «Пустое дополнение» в таком случае остается «связанным» с глаголом (глагольным компонентом) и в формально разделенной конструкции.

В ряде случаев семантически дублирующее глагольный компонент «пустое дополнение» может менять свои характеристики в результате расчленения раздельно-слитного слова. При наличии в препозиции числительного изначально «пустые» объекты, являющиеся в большинстве своем связанными морфемами, выражают кратность ситуации, называемой глаголом, выступая в качестве непрототипического глагольного счетного слова.

Указательные, неопределенные и вопросительные местоимения, формально находясь в препозиции к именному компоненту, как правило, актуализируют всю ситуацию в целом, что также свидетельствует о высокой семантической спаянности *лихэцы* несмотря на формальное расчленение. Но при этом встречаются и примеры непосредственной актуализации представленного связанной морфемой именного компонента, который обретает определенную референцию и становится самостоятельным синтаксическим членом.

В целом можно утверждать, что идиоматичность значения *лихэцы* данной подгруппы, как правило, сохраняется и при дистантном расположении компонентов. Как отмечали Ван Тели и Чжао Цзинмин, вставки, формально являющиеся атрибутами при именном компоненте, устанавливают отношения не непосредственно с ним, а с глагольно-именным сочетанием в целом. Семантика производной конструкции остается той же, что обусловлено идиоматичностью значения композита [Ван 2008, с. 70–71].

5. Лихэцы с генерическим «пустым дополнением»

У раздельно-слитных слов, относимых к данной подгруппе, именной компонент – «пустое дополнение» – является наиболее характерным объектом для действия, выраженного глагольным компонентом. В данную подгруппу нами были включены следующие единицы: 鞠躬 *jūgōng* ‘кланяться, отвешивать поклон’ (букв. ‘гнуть’ + ‘тело, корпус’), 走路 *zǒulù* ‘идти’ (букв. ‘идти’ + ‘путь, дорога’), 聊天 *liáotiān* ‘болтать, разговаривать’ (букв. ‘болтать, разговаривать’ + ‘небо, погода’), 安心 *ānxīn* ‘успокаиваться’ (букв. ‘успокаивать’ + ‘сердце’), 请客 *qǐngkè* ‘приглашать гостей, устраивать прием’ (букв. ‘приглашать’ + ‘гость’).

Некоторые родовые, или генерические, объекты встречаются сразу в нескольких раздельно-слитных словах, например, 事 *shì* ‘дело, происшествие, занятие’ является зависимым родовым компонентом в 碍事 *àishì* ‘мешать, препятствовать, надоедать’ (букв. ‘препятствовать, мешать’ + ‘дело’), 懂事 *dǒngshì* ‘понимать, разбираться’ (букв. ‘понимать’ + ‘дело’), 闹事 *nàoshì* ‘затянуть скандал, учинить беспорядки’ (букв. ‘шуметь, скандалить’ + ‘занятие, происшествие’).

Генерический объект 款 *kuǎn* ‘сумма, деньги’ также встречается сразу в нескольких *лихэцы*, его родовое значение – абстрактная сумма, задействованная в различных денежных операциях:

赔款 *péikuǎn* ‘компенсировать, возмещать’ (букв. ‘возмещать’ + ‘сумма, деньги’), 捐款 *juǎnkǎn* ‘жертвовать деньги’ (букв. ‘жертвовать, помогать материально’ + ‘сумма, деньги’), 贷款 *dàikuǎn* ‘предоставлять кредит’ (букв. ‘давать займы’ + ‘сумма, деньги’), 罚款 *fákǎn* ‘штрафовать’ (букв. ‘штрафовать’ + ‘сумма, деньги’), 付款 *fùkuǎn* ‘выплачивать’ (букв. ‘платить, выплачивать’ + ‘сумма, деньги’).

Рассмотрим комбинаторные свойства раздельно-слитных слов данной подгруппы.

В отличие от дистрибуции рассмотренных выше *лихэцы* первой подгруппы с именным компонентом, дублирующим по семантике глагольный, в данной подгруппе *лихэцы* с генерическим объектом счетное слово 个 *gè* ‘штука’ в роли квантификатора для описания однократной ситуации встретилось только между компонентами таких *лихэцы*, как (в скобках указано количество вхождений): 聊天 *liáotiān* ‘болтать, разговаривать’ (1), 安心 *ānxīn* ‘успокаиваться’ (2), 鞠躬 *jūgōng* ‘кланяться, отвешивать поклон’ (130), ср. примеры (30)–(31).

(30) 他找到了一两个人聊个天。

Tā zhǎo-dào-le yī liǎng gè rén
3SG.M искать-RES-PFV один два CLF.штука человек

liáo gè tiān
болтать CLF.штука погода
‘Он нашел пару человек, чтобы поболтать’.

(31) 塔伯那儿应该还很安全，至少可以安一个心了。

Tǎbó nàr yīnggāi hái hěn ānquán,
Табо там должно_быть еще очень безопасный

zhìshǎo kěyǐ ān yī gè
во_всяком_случае можно успокаивать один CLF.штука

xīn le
сердце MOD

‘В Табо, должно быть, все еще безопасно, во всяком случае можно быть спокойным’.

Отдельно стоит отметить случай постановки счетного слова 个 *gè* ‘штука’ в препозиции к именному компоненту *лихэцы* 鞠躬 *jūgōng* ‘кланяться, отвешивать поклон’ с указанием на многократность действия (32–33). Вероятно, это обусловлено культурной

традицией, когда поклонов в рамках одной ситуации даже с минимальным временным интервалом принято делать не один, а несколько:

(32) 那人流着泪给您鞠了五个躬。

Nà rén liú-zhe lèi gěi nín jū-le
DEM человек лить-DUR слеза DAT 2SG гнуть-PFV

wǔ gè gōng
пять CLF.штука корпус

‘Тот человек, проливая слезы, поклонился Вам пять раз’.

(33) 在爷爷的墓碑前，他深深地鞠了两个躬。

Zài yéyé de mùbēi qián, tā
PREP дедушка ATTR надгробие LOC.перед 3SG.M

shēn-shēn de jū -le liǎng gè gōng
глубоко-глубоко ADV гнуть-PFV два CLF.штука корпус

‘У надгробной плиты на могиле дедушки он низко поклонился два раза’.

Счетное слово 次 *cì* ‘раз’ с *лихэцы* данной подгруппы используется для передачи как однократности, так и многократности ситуации, однако это встречается нечасто и только с такими *лихэцы*, как (в скобках указано количество вхождений): 贷款 *dàikuǎn* ‘предоставлять кредит’ (3), 付款 *fùkuǎn* ‘выплачивать’ (1), 罚款 *fákǎn* ‘штрафовать’ (1), 捐款 *juǎnkuǎn* ‘жертвовать деньги’ (2), 鞠躬 *jūgōng* ‘кланяться, отвешивать поклон’ (6), 聊天 *liáotiān* ‘болтать, разговаривать’ (2), 请客 *qǐngkè* ‘приглашать гостей, устраивать прием’ (25). Как и в случае *лихэцы* первой подгруппы с «пустым дополнением», семантически дублирующим значение глагольного компонента, между компонентами *лихэцы* второй подгруппы помещаются в основном такие числительные, как 一 *yī* ‘один’, 两 *liǎng* ‘два’, 三 *sān* ‘три’ (34–35):

(34) 金先生在北京饭店请了一次客。

Jīn xiānshēng zài Běijīng fàndiàn qǐng-le
Ким господин PREP.в Пекин отель приглашать-PFV

yī cì kè
один CLF.раз гость

‘Господин Ким устроил прием в отеле «Пекин»’.

- (35) 我准备再付一次款。

Wǒ zhǔnbèi zài fù yī cì kuǎn
 1SG готовиться еще_раз платить один CLF.раз сумма
 ‘Я готов еще раз заплатить’.

Для этой подгруппы в корпусе не было обнаружено ни одного случая постановки счетного слова 个 *gè* в функции универсального именного классификатора. При этом, в отличие от комбинаторики *лихэцы* первой подгруппы, в данном случае допустима сочетаемость родового именного компонента с характерными для той или иной группы существительных счетными словами: 件 *jiàn* ‘штука, вещь’ при компоненте 事 *shì* ‘дело, происшествие, занятие’, 条 *tiáo* ‘полоска’ и 种 *zhǒng* ‘вид, сорт’ при компоненте 路 *lù* ‘путь, дорога’, 笔 *bǐ* ‘счетное слово для денежных сумм’ при компоненте 款 *kuǎn* ‘сумма, деньги’. Именная группа при таком оформлении становится референтной и утрачивает исходную семантическую «обесцвеченность» (36–38):

- (36) 这次我们公司赔了一笔巨款才解决了这件事。

Zhè cì wǒmen gōngsī péi-le yī
 DEM CLF.раз 1PL компания возмещать-PFV один
bǐ jù kuǎn cái jiějué-le zhè jiàn shì
 CLF огромный сумма только решать-PFV DEM CLF дело
 ‘На этот раз только когда наша компания возместила огромную денежную сумму, этот конфликт разрешился’.

- (37) 你回沈阳还走这条路吗?

Nǐ huí Shěnyáng hái zǒu zhè tiáo lù ma?
 2SG возвращаться Шэньян еще идти DEM CLF дорога Q
 ‘Возвращаясь в Шэньян, ты по-прежнему шел этой дорогой?’

- (38) 小丫头, 你不懂那件事.....

Xiǎoyātou, nǐ bù dǒng nà jiàn shì
 Девчонка 2SG NEG понимать DEM CLF дело
 ‘Девчонка, ты не понимаешь, в чем там дело...’

Только у *лихэцы* 鞠躬 *jūgōng* ‘кланяться, отвешивать поклон’ в данной подгруппе родовой именной компонент принимает в препозиции числительное и сам характеризует ситуацию с точки зрения ее кратности, что типично для глагольного счетного слова (39):

- (39) 又向母亲鞠三躬。

<i>Yòu</i>	<i>xiǎng</i>	<i>mǔqīn</i>	<i>jū</i>	<i>sān</i>	<i>gōng</i>
Опять	DIR	мать	гнуть	три	корпус

‘Вновь поклонился матери три раза’.

Между компонентами раздельно-слитных слов, в которых «пустое дополнение» является генерическим объектом, возможно употребление ряда единиц с количественной семантикой, а именно: 无数 *wúshù* ‘бесчисленное количество’, 许多 *xǔduō* ‘множество’, 很多 *hěnduō* ‘много’ и др. В (40–41) данные единицы находятся в атрибутивных отношениях непосредственно с именным компонентом:

- (40) 我走过很多路。

<i>Wǒ</i>	<i>zǒu-guo</i>	<i>hěnduō</i>	<i>lù</i>
1SG	идти-EXP	много	дорога

‘Я много путешествовал’ (букв. ‘Я исходил много дорог’.)

- (41) 五六岁的小孩已经懂一点儿事了。

<i>Wǔ</i>	<i>liù</i>	<i>suì</i>	<i>de</i>	<i>xiǎohái</i>	<i>yǐjīng</i>	<i>dǒng</i>
пять	шесть	год	ATTR	ребенок	уже	понимать

<i>yīdiǎnr</i>	<i>shì</i>	<i>le</i>
немного	дело	MOD

‘Пяти-шестилетний ребенок уже кое-что понимает’

Допускается постановка указательных местоимений 这 *zhè* ‘этот’ и 那 *nà* ‘тот’ в препозиции к родовому именному компоненту, который в результате такого оформления приобретает синтаксическую самостоятельность, именная группа становится референтной (42–43):

- (42) 你不懂那件事!

<i>Nǐ</i>	<i>bù</i>	<i>dǒng</i>	<i>nà</i>	<i>jiàn</i>	<i>shì!</i>
2SG	NEG	понимать	DEM	CLF	дело

‘Ты не разбираешься в том деле!’

- (43) 香港客人十分气愤地付了这笔款。

<i>Xiānggǎng</i>	<i>kèrén</i>	<i>shífēn</i>	<i>qīfèn</i>	<i>de</i>	<i>fù-le</i>
Гонконг	гость	очень	гневаться	ADV	платить-PFV

<i>zhè</i>	<i>bǐ</i>	<i>kuǎn</i>
DEM	CLF	сумма

‘Туристы в Гонконге с большим возмущением заплатили эту сумму’.

Что касается местоимения 什么 *shénme* ‘что, какой’ в препозиции к именному компоненту, то оно, как правило, как и в случае с *лихэцы* из первой подгруппы, относится ко всей конструкции в целом (44–45):

(44) 上班时间聊什么天!

<i>Shàngbān</i>	<i>shíjiān</i>	<i>liáo</i>	<i>shénme</i>	<i>tiān</i>
Идти_на_работу	время	болтать	какой	погода

‘Какие еще беседы в рабочее время!’

(45) 这孩子懂什么事，你还信他的？

<i>Zhè</i>	<i>háizi</i>	<i>dǒng</i>	<i>shénme</i>	<i>shì</i>	<i>nǐ</i>	<i>hái</i>	<i>xìn</i>
DEM	ребенок	понимать	какой	дело	2SG	еще	верить

tā   *de*
3SG.M   ATTR

‘Что этот ребенок понимает! Ты все еще веришь ему?’

Реже местоимение 什么 *shénme* находится в атрибутивных отношениях непосредственно с именным компонентом, разрывая семантическую спаянность *лихэцы* (46):

(46) 付款? 付什么款? 住房费?

<i>Fùkuǎn?</i>	<i>Fù</i>	<i>shénme</i>	<i>kuǎn?</i>	<i>Zhùfángfèi</i>
Платить_деньги	Платить	какой	сумма	Квартплата

‘Заплатить деньги? Какие деньги? Квартплату?’

Частотны случаи постановки определений в препозиции к родовому «пустому дополнению». Образованный комплекс приобретает свойства свободного словосочетания, компоненты которого, принимая собственное оформление, функционируют в качестве самостоятельных синтаксических единиц (47–48):

(47) 十年来我们走市场经济的路。

<i>Shí</i>	<i>nián</i>	<i>lái</i>	<i>wǒmen</i>	<i>zǒu</i>	<i>shìchǎng</i>	<i>jīngjì</i>
десять	год	DIR	1PL	идти	рынок	экономика

de   *lù*
ATTR   дорога

‘На протяжении десяти лет мы идем по пути рыночной экономики’.

- (48) 他向杨先生也鞠了同深度的躬。

Tā xiàng Yáng xiānshēng yě jū-le tóng
 3SG.M DIR Ян господин тоже гнуть-PFV одинаковый

shēndù de gōng
 глубина ATTR корпус

‘Он тоже сделал такой же низкий поклон господину Яну’.

Зачастую определения в препозиции к именному компоненту не требуют постановки атрибутивного 的 *de* и образуют с зависимым компонентом *лихэцы* единое понятие (49–50):

- (49) 那时我16岁，还不懂世事。

Nà shí wǒ 16 suì, hái bù dǒng shìshì
 DEM время 1SG 16 год, еще NEG понимать мирские дела

‘В то время мне было 16 лет, я еще ничего не смыслил в житейских делах’.

- (50) 蒙古人不懂政事，而且不识中国字。

Ménggǔrén bù dǒng zhèngshì, érqiě
 Монгол NEG понимать дела управления, к_тому_же

bù shí zhōngguó zì
 NEG знать Китай знак

‘Монголы не разбираются в делах управления, к тому же не знают китайских иероглифов’.

Родовые именные компоненты *лихэцы* свободно принимают в препозиции указание на определенную или неопределенную длительность (51):

- (51) 有一年的时间每周跟他聊两小时天。

Yǒu yī nián de shíjiān měi zhōu
 Иметь один год ATTR время каждый неделя

gēn tā liáo liǎng xiǎoshí tiān
 COM 3SG.M болтать два час погода

‘В течение одного года я разговаривал с ним по два часа в неделю’.

В данной подгруппе раздельно-слитных слов с «пустым дополнением» (в отличие от рассмотренной выше первой подгруппы)

встретились случаи постановки косвенного дополнения в препозиции к именному компоненту (52–54):

(52) 坐这儿碍你的事了?

Zuò-dào zhèr ài nǐ de shì le
 Садиться-RES здесь мешать 2SG ATTR дело MOD
 ‘То, что я сяду здесь, тебе как-то помешает?’

(53) 由于败诉，工厂需要赔总公司一笔巨款作为补偿。

Yóuyú bàisù, gōngchǎng xūyào
 Из-за проиграть_дело_в_суде, завод требоваться

péi zǒng gōngsī yī bǐ jù
 возмещать главный компания один CLF огромный

kuǎn zuòwéi bǔcháng
 сумма в_качестве компенсация
 ‘Из-за проигрыша в суде завод должен выплатить главному офису огромную денежную сумму в качестве компенсации’.

(54) 税务部门罚企业的款了。

Shuìwù bìmén fá qǐyè de
 Налоговые_дела отдел штрафовать предприятие ATTR

kuǎn le
 сумма MOD
 ‘Налоговая оштрафовала предприятие’.

В целом можно сделать вывод, что при формальном расчленении, реализуемом посредством различного оформления именного компонента, семантическая спаянность *лихэцы*, в которых именной компонент является генерическим объектом, как правило, не сохраняется.

Большинство генерических объектов в *лихэцы* данной подгруппы являются свободными морфемами, что расширяет дистрибутивный потенциал допустимых в препозиции к ним единиц, в частности – прилагательных и классификаторов, с которыми именные компоненты устанавливают непосредственные связи не только в формальном, но и семантическом плане. В результате именные компоненты в таких *лихэцы* перестают быть семантически «пустыми дополнениями» при глаголе и обретают синтаксическую самостоятельность.

6. Заключение

Анализ комбинаторики раздельно-слитных слов *лихэцы*, имеющих структуру «глагол + имя, являющееся “пустым дополнением”», показал, что степень семантической и формальной близости у *лихэцы*, построенных по глагольно-именной модели, различна, что связано с природой «пустого дополнения», входящего в состав двусложной лексемы. Основные особенности комбинаторики двух подгрупп *лихэцы* представлены в сводной таблице.

Таблица 1

Основные особенности комбинаторики двух подгрупп *лихэцы*

Вставки в препозиции к именному компоненту <i>лихэцы</i>	<i>Лихэцы</i> с «пустым дополнением», семантически дублирующим значение глагольного компонента	<i>Лихэцы</i> с генерическим, или родовым, «пустым дополнением»
个 <i>gè</i> ‘штука’ в функции глагольного счетного слова для описания однократной ситуации	Часто встречается	Редко встречается
个 <i>gè</i> ‘штука’ в функции глагольного счетного слова для описания многократной ситуации	Не встречается	Встречается у <i>лихэцы</i> 鞠躬 <i>jūgōng</i> ‘кланяться, отвешивать поклон’
Счетное слово 次 <i>cì</i> ‘раз’	Передача однократности / многократности ситуации	Редко допустимы передача как однократности, так и многократности ситуации
个 <i>gè</i> ‘штука’ в функции именного счетного слова	Встречается у <i>лихэцы</i> 拐弯 <i>guāiwān</i> ‘повернуть, свернуть за угол’	Не встречается
Прочие именные счетные слова	Встречаются случаи постановки только счетного слова 场 <i>chǎng</i> .	Встречаются
Способность именного компонента выступать в качестве меры действия (непрототипического счетного слова)	Встречается (как правило, в сочетании с числительным 一 <i>yī</i> ‘один’)	Встречается только у <i>лихэцы</i> 鞠躬 <i>jūgōng</i> ‘кланяться, отвешивать поклон’

Окончание табл. 1

Вставки в препозиции к именному компоненту <i>лихэцы</i>	<i>Лихэцы</i> с «пустым дополнением», семантически дублирующим значение глагольного компонента	<i>Лихэцы</i> с генерическим, или родовым, «пустым дополнением»
Указательные местоимения	Встречаются. Часто актуализируют ситуацию в целом (при связанной морфеме), реже – актуализируют значение именного компонента-свободной морфемы	Встречаются. Актуализируют значение именного компонента
Неопределенное / вопросительное местоимение 什么 <i>shénme</i> ‘что, какой’	Часто относится ко всему глагольному комплексу, реже – устанавливает атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом	Часто относится ко всему глагольному комплексу, реже – устанавливает атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом
Существительные, прилагательные, именные группы	Не устанавливают полноценных атрибутивных отношений с именными компонентами	Устанавливают полноценные атрибутивные отношения с именными компонентами
Косвенные дополнения	Не встречаются	Встречаются
Обстоятельства длительности	Встречаются	Встречаются

На представленном эмпирическом материале была показана сущностная и функциональная разнородность «пустого дополнения» в глагольно-именном композите в современном китайском языке.

Было выявлено, что *лихэцы* с «пустым дополнением», по семантике дублирующим значение глагольного компонента, обладают более высокой семантической спаянностью в отличие от *лихэцы*, где «пустое дополнение» является родовым объектом. В результате в производной конструкции при оформлении именного компонента *лихэцы* той или иной вставкой семантически дублирующее глагольный компонент «пустое дополнение», как правило, по-прежнему остается таковым: вставка лишь формально устанавливает с ним атрибутивные отношения, однако с семантической точки зре-

ния по-прежнему относится ко всему *лихэцы* в целом. Вопрос о степени синтаксической самостоятельности такого компонента в образованной конструкции остается открытым.

В случае *лихэцы* второй подгруппы изначально «пустые» именные компоненты, являющиеся наиболее характерными объектами действия, обозначенного глагольным компонентом, как правило, перестают быть семантически «пустым дополнением», устанавливают атрибутивные отношения уже непосредственно с препозитивным модификатором, обретают референциальный статус и синтаксическую самостоятельность.

Полученные на данном этапе исследования результаты анализа комбинаторики *лихэцы* одной из групп предлагаемой классификации – *лихэцы* с «пустым дополнением» – приближают нас к уяснению сути раздельно-слитных единиц, однако еще не позволяют сделать однозначный вывод о статусе *лихэцы* в системе, так как необходимо проанализировать сочетаемостные свойства раздельно-слитных двуслогов, принадлежащих к оставшимся двум группам: *лихэцы* с максимальной идиоматичностью и *лихэцы*, в которых глагольный и именной компоненты употребляются в своих основных значениях и являются семантически наполненными.

Список условных сокращений

ADV – адвербиал	INS – инструменталис
ATTR – атрибутивизатор	M – мужской род
CLF – счетное слово, классификатор	MOD – модальная частица
COM – комитатив	LOC – локатив
CONJ – союз	NEG – отрицание
DAT – датив	PFV – перфектив
DEM – демонстратив	PL – множественное число
DIR – директив	PREP – предлог
DUR – дуратив	RES – результативные модификаторы
EXP – экспериментив	SG – единственное число
F – женский род	

Литература

Готлиб 1994 – Готлиб О.М. О природе и видах синкретизма в современном китайском языке // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т языкознания РАН, 1994. С. 36–40.

- Драгунов 1952 – *Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 231 с.
- Драгунов 1946 – *Драгунов А.А.* О зависимых членах предложения в современном китайском языке // Известия Академии наук СССР. 1946. Т. 5. Вып. 6. С. 484–489.
- Иванов, Поливанов 1930 – *Иванов Е.Д., Поливанов А.И.* Грамматика современного китайского языка. М.: Ин-т востоковед. им. Нариманова, 1930. 304 с.
- Исаенко 1957 – *Исаенко Б.С.* Опыт китайско-русского фонетического словаря. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. 319 с.
- Маматюк 1986 – *Маматюк Ю.Д.* Глагольно-именные комплексы в КЯ (к проблеме уровня разграничения): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 183 с.
- Панфилов 2008 – *Панфилов В.С.* Слово в китайском языке (прототипический подход) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 57–64.
- Рукодельникова 1995 – *Рукодельникова М.Б.* Структурно-семантический анализ глагольных комплексов в современном китайском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. М., 1995. 20 с.
- Семенас 1992 – *Семенас А.Л.* Лексикология современного китайского языка. М.: Наука. Главная ред. восточной лит-ры, 1992. 279 с.
- Тань 2002 – *Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
- Яхонтов 1957 – *Яхонтов С.Е.* Категория глагола в китайском языке. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1957. 181 с.
- Ван 1982 – *Ван Ли (王力).* *Hanyu yufa gangyao (汉语语法纲要)* [Очерк грамматики китайского языка]. Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 1982. 181 с.
- Ван, Сюэ, Ван 2013 – *Xiandai hanyu liheci xuexi cidian (现代汉语离合词学习词典)* [Учебный словарь раздельно-слитных слов *лихэцзы*] / Сост.: Ван Хайфэн, Сюэ Цзинцзин, Ван Цзинпу (王海峰, 薛晶晶, 王景璞). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2013. 251 с.
- Ван 2002 – *Ван Хайфэн (王海峰).* *Xiandai hanyu liheci lixi dongyin chuyi (现代汉语离合词析因当议)* [Причины расчленения *лихэцзы* в современном китайском языке] // Лингвистические исследования. 2002. № 3. С. 29–34.
- Ван 2008 – *Ван Хайфэн (王海峰).* *Xiandai hanyu liheci lixi xingshi gongneng yanjiu (现代汉语离合词析形式功能研究)* [Функциональное исследование разделяемых единиц *лихэцзы* в современном китайском языке: Дис. ... PhD.]. Пекин, 2008. 347 с.
- Ван 2010 – *Ван Хайфэн (王海峰).* *Jiyu yuliaoku de xiandai hanyu liheci yuyi tezheng kaocha (基于语料库的现代汉语离合词语义特征考察)* [Семантический анализ *лихэцзы*, основанный на корпусных данных] // Вестник Хэбэйского педагогического университета. 2010. № 1. С. 96–100.
- Ли 1983 – *Ли Цинхуа (李清华).* *Tan liheci de tedian he yongfa (谈离合词的特点和用法)* [К вопросу о специфике *лихэцзы* и их употреблении] // Преподавание языка и лингвистические исследования. 1983. № 3. С. 91–100.
- Ло, Чжоу 2016 – *Ло Цюн, Чжоу Гогуан (罗琼, 周国光).* «V + Q + O» lixi jiegou de yuyi fenxi («V + Q + O» 离合结构的语义分析) [Семантический анализ конструкции «V + Q + O»] // Социальные науки Нинся. 2016. № 2. С. 234–238.
- Лу 1957 – *Лу Чживэй (陆志伟).* *Hanyu de goucifa (汉语的构词法)* [Словообразование китайского языка]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1957. 155 с.

- Люй 1979 – Люй Шусян (吕叔湘). *Hanyu yufa fenxi wenti* (汉语语法分析问题) [Проблемы грамматического анализа китайского языка]. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1979. 113 с.
- Фань 1981 – Фань Сяо (范晓). *Zenyang qubie xiandai hanyu de ci tong duanyu* (怎样区别现代汉语的词同短语) [Как в современном китайском языке разграничить слово и словосочетание] // Восточный пик. 1981. № 4. С. 104–111.
- Чжан 1987 – Чжан Цзин (张静). *Hanyu yufa wenti* (汉语语法问题) [Вопросы грамматики китайского языка]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1987. 716 с.
- Чжоу 2001 – Чжоу Шанчжи (周上之). *Liheci shi bu shi ci* (离合词是不是词) [Являются ли *лихэцзы* словами?] // Исследования по китайскому языку. 2001. № 4. С. 41–53.
- Чжоу 2006 – Чжоу Шанчжи (周上之). *Hanyu liheci yanjiu – hanyu yusu, ci, duanyu de teshuxing* (汉语离合词研究 – 汉语语素, 词, 短语的特殊性) [Исследование расчленимых слов *лихэцзы* в китайском языке: особенности морфем, слов, словосочетаний]. Шанхай: Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ, 2006. 378 с.
- Чжоу 2011 – *Changyong liheci yongfa cidian* (常用离合词用法词典) [Словарь часто употребляемых раздельно-слитных слов *лихэцзы* в современном китайском языке] / Сост.: Чжоу Шанчжи (周上之). Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2011. 255 с.
- Чжу 1982 – Чжу Дэси (朱德熙). *Yufa jiangyi* (语法讲义) [Лекции по грамматике китайского языка]. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1982. 231 с.
- Li, Thompson 1981 – *Li Ch.N., Thompson S.A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1981. 691 p.
- Packard 2004 – *Packard J.L. The Morphology of Chinese: A Linguistic and Cognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University press, 2004. 335 p.
- Petrovcic 2016 – *Petrovcic M. Word sketches of separable words Liheci in Chinese* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-4WKV4QM4> (дата обращения 20 апреля 2018).

References

- Gotlib, O.M. (1994), “The nature and types of syncretism in modern Chinese”, *Aktual'nye problemy kitaiskogo yazykoznaniiya: Materialy VII Vserossiiskoi konferentsii po kitaiskomu yazykoznaniiyu* [Actual problems of Chinese linguistics: Proceedings of the VII Russian Conference on Chinese Linguistics], Institut yazykoznaniiya RAN, Moscow, Russia, pp. 36–40.
- Dragunov, A.A. (1946), “Dependent parts of the sentence in modern Chinese”, *Izvestiya Akademii nauk SSSR*, vol. 5, no. 6, pp. 484–489.
- Dragunov, A.A. (1952), *Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitaiskogo yazyka. Chasti rechi* [Studies on the grammar of modern Chinese. Parts of speech], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Leningrad, Russia.
- Ivanov, E.D and Polivanov, A.I. (1930), *Grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka* [A grammar of modern Chinese], Institut vostokoved. im. Narimanova, Moscow, Russia.
- Isaenko, B.S. (1957), *Opyt kitaysko-russkogo foneticheskogo slovarya* [Attempt of a Sino-Russian phonetic dictionary], Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i national'nykh slovarei, Moscow, Russia.

- Mamatyuk, Yu.D. (1986), *Glagol'no-imennyye komplekсы v kitayskom yazyke (k probleme urovneovogo razgranicheniya)* [Verb-nominal complexes in Chinese (on the problem of level differentiation)], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Panfilov, V.S. (2008), "Word in Chinese (prototypical approach)", *Voprosy yazykoznaniiya*, no 2, pp. 57–64.
- Rukodel'nikova, M.B. (1995), *Structural and semantic analysis of Verb complexes in Modern Chinese*, Abstract of PhD Dissertation, Moscow, Russia.
- Semenas, A.L. (1992), *Leksikologiya sovremennogo kitaiskogo yazyka* [Lexicology of modern Chinese], Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Tan' Aoshuan (2002), *Problemy skrytoi grammatiki: Sintaksis, semantika i pragmatika yazyka izoliruyushchego stroya (na primere kitaiskogo yazyka)* [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of isolating language system (by example of the Chinese language)], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Yakhontov, S.E. (1957), *Kategoriya glagola v kitayskom yazyke* [The category of verb in Chinese], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.
- Fan Xiao (1981), "Zenyang qubie xiandai hanyu de ci tong duanyu" [How to distinguish words from phrases in modern Chinese], *Dongyue luncong*, no. 4, pp. 104–111.
- Li Qinghua (1983), "Tan liheci de tedian he yongfa" [On the features and usages of Separable Words], *Language Teaching and Linguistic Studies*, no. 3, pp. 91–100.
- Lu Zhiwei (1957), *Hanyu de goucifa* [Word formation in Chinese], Kexue chubanshe, Beijing, China.
- Luo Qiong and Zhou Guoguang (2016), "V + Q + O» lixi jieyou de yuyi fenxi" [The semantic analysis of "V + Q + O" structure], *Ningxia shehui kexue*, no. 2, pp. 234–238.
- Lü Shuxiang (1979), *Hanyu yufa fenxi wenti* [Questions in the analysis of the Chinese grammar], The Commercial Press, Beijing, China.
- Wang Haifeng (2002), "Xiandai hanyu liheci lixi dongyin chuyi" [The causes of separation of modern Chinese separable words], *Studies in Language and Linguistics*, no. 3, pp. 29–34.
- Wang Haifeng (2008), *Xiandai hanyu liheci lixi xingshi gongneng yanjiu* [The study of the form and function of separable words in modern Chinese], Ph. D. Thesis, Beijing, China.
- Wang Haifeng (2010), "Jiyu yuliaoku de xiàndài hanyu liheci yuyi tezheng kaocha" [A corpus-based semantic study of the Chinese separable words], *Hebei shifan daxue xuebao*, no. 1, pp. 96–100.
- Wang Haifeng, Xue Jingjing and Wang Jingpu (2013), *Xiandai hanyu liheci xuexi cidian* [A learner's dictionary of Chinese separable verbs], Beijing daxue chubanshe, Beijing, China.
- Wang Li (1982), *Hanyu yufa gangyao* [Outline of Chinese grammar], Shanghai jiaoyu chubanshe, Shanghai, China.
- Zhang Jing (1987), *Hanyu yufa wenti* [Chinese grammar issues]. Zhongguo shehui kexue chubanshe, Beijing, China.
- Zhou Shangzhi (2001). "Liheci shi bu shi ci" [Are liheci words?], *Jinan daxue huawen wenxueyuan xuebao*, no. 4, pp. 41–53.
- Zhou Shangzhi (2006), *Hanyu liheci yanjiu – hanyu yusu, ci, duānyǔ de teshuxing* [The study on Chinese Separable Words – the particularity of Chinese morphemes, words and phrases], Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, Shanghai, China.

- Zhou Shangzhi (2011), *Changyong liheci yongfa cidian* [A dictionary of the usage of common Chinese separable words], Beijing yuyan daxue chubanshe, Beijing, China.
- Zhu Dexi (1982), *Yufa jiangyi* [Lectures on Chinese grammar], The Commercial Press, Beijing, China.
- Li, Ch.N. and Thompson, S.A. (1981), *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA.
- Packard, J.L. (2004), *The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach*, Cambridge University press, Cambridge, UK.
- Petrovcic, M. (2016), *Word sketches of separable words Liheci in Chinese*, Available at: <https://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-4WKV4QM4> (Accessed 20 April 2018).

Информация об авторе

Полина О. Кисель, магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; 14polink@mail.ru

Information about the author

Polina O. Kisel, master, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; 14polink@mail.ru

Семантизация акцентных вариантов русских существительных третьего склонения: не только второй предложный

Сергей С. Сай

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия, serjzhka@yahoo.com*

Аннотация. У русских существительных третьего склонения, имеющих особую форму второго предложного, эта форма имеет наконечное ударение, а все остальные формы единственного числа, как считается, получают наосновное ударение (ср. род., дат. ед. ч. *тэни*, «обычный» предл. *о тэни*, но второй предл. *в тени*). Однако обращение к текстам поэтического корпуса НКРЯ показывает, что по крайней мере те существительные третьего склонения, которые имеют форму второго предложного и обозначают вещества (*грязь, кровь и пыль*), демонстрируют колебания акцентов не только в предложном падеже, но и в других формах с окончанием *-и*. Распределение вариантов статистически отражает семантические противопоставления: наконечное ударение более характерно для контекстов, предполагающих плотный контакт, погружение в вещество, особенно для контекстов с предлогом *по* и формой дат. падежа: *брести по грязи*. Семантизация акцентов в формах род. и дат. падежей предположительно обусловлена аналогией с предложным падежом и указывает на начало формирования противопоставления по признаку контактности, проходящего сквозь всю падежную парадигму как минимум у некоторых существительных третьего склонения.

Ключевые слова: акцентология, русский язык, падеж, второй предложный, поэтический корпус

Для цитирования: Сай С.С. Семантизация акцентных вариантов русских существительных третьего склонения: не только второй предложный // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2021. № 2. С. 64–84. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-64-84

Semanticization of accentual variants in Russian nouns of the third declension: beyond the “second locative” case

Sergey S. Say

*Russian Academy of Sciences Institute for Linguistic Studies,
Saint Petersburg, Russia, serjozhka@yahoo.com*

Abstract. Some Russian nouns of the third declension have a specialized “second locative” form with the stressed desinence *-u*. By contrast, the otherwise homophonous genitive, dative and “plain” locative forms of these nouns are believed to have stress on the stem, cf. genitive, dative and “plain” locative *ménu*, vs. second locative (*в*) *менú* ‘(in) the shade’. However, the data from the poetic texts available in the Russian National Corpus indicate that some of the relevant nouns display accentual variation in their genitive and dative forms. This variation statistically reflects semantic contrasts: in particular, nouns denoting substances (*грязь* ‘dirt’, *пыль* ‘dust’, *кровь* ‘blood’) tend to have stress on the desinence *-u* in contexts denoting fixed attachment or immersion in the substance. Semanticization of these accentual contrasts is arguably triggered by analogy with the locative forms. These findings indicate a nascent feature of *+/-* attachment, which cross-cuts case paradigms of at least some Russian nouns.

Keywords: accentology, Russian, case, second locative, poetic corpus

For citation: Say, S.S. (2021), “Semanticization of accentual variants in Russian nouns from the third declension: beyond the ‘second locative’ case”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 64-84, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-64-84

1. Введение

Общеизвестно, что формы второго предложного падежа в русском языке (т. е. формы вроде *в саду́, на лу́гу, в пы́ли*, противопоставленные «обычному» предложному – *о са́де, о лу́ге, о пы́ли*) используются только после предлогов *в* и *на* в составе обстоятельств (не дополнений), чаще всего – в составе обстоятельств места¹. Также хорошо известно, что образование отдельных форм второго предложного подвержено многочисленным формальным ограничениям: по преимуществу оно фиксируется у односложных существительных

---

¹ Некоторые разделы проведенного исследования были впервые кратко изложены в [Сай 2020].

с определенными акцентными характеристиками [РГ-80, §1182, 1188; Иткин 2016]. Однако взгляды на степень семантической мотивированности набора существительных, имеющих отдельные формы второго предложного, и на семантическую регулярность противопоставления двух предложных падежей очень различаются. Одни исследователи делают акцент на том, что сочетания со вторым предложным часто фразеологичны, «штучны» [Еськова 2011, с. 511], другие стремятся увидеть в этой подсистеме русской грамматики некоторую регулярность. В рамках этого второго подхода безусловно находится статья В.А. Плунгяна [Плунгян 2002], где проводится тезис о существовании у второго предложного семантического инварианта или по крайней мере центрального значения – значения «жесткой» локализации. По мнению В.А. Плунгяна, именно это специфическое пространственное значение обуславливает способность русских существительных образовывать формы второго предложного, используемые в сочетаниях с предлогами *в* и/или *на*.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, что по крайней мере у некоторых существительных русского языка значение «жесткой» локализации коррелирует с образованием особых форм (конкретнее – с выбором конечной акцентировки) не только в предложном, но и в других косвенных падежах.

Дальнейшее обсуждение строится следующим образом. В разделе 2 вводится объект рассмотрения и предлагается краткий обзор базовых фактов о склонении и акцентуации изучаемых существительных. В разделе 3 описывается процедура сбора материала. В разделе 4 представлены основные эмпирические результаты исследования. Интерпретации этих результатов посвящен заключительный раздел 5.

2. Исходные факты и постановка задачи

Непосредственным объектом рассмотрения в этом исследовании стало небольшое подмножество односложных существительных женского рода, оканчивающихся в орфографической записи на *ь*, т. е. существительных третьего склонения (*бровь, соль, речь*). Для начала необходимо напомнить основные релевантные факты о склонении и акцентуации таких существительных.

Если у слова третьего склонения есть специализированная форма второго предложного, то она всегда имеет ударное окончание *-й*. Подавляющее большинство существительных третьего склонения имеют схему ударения **а** (дефолтный тип, ср. *ткань, глупость*)

или **е** (обширный, но закрытый список, например, *вещь, церковь*), см. [Зализняк 2010, с. 441–442]². Эти два акцентных типа различаются во множественном числе, но имеют наосновное ударение во всех шести основных падежах единственного числа. Помимо этого, несколько существительных имеют схему **f**³ с наконечным ударением во всех формах единственного числа с окончанием *-и*, ср. *глушь* (род., дат. и предл. *глушій*, твор. *глушью*). Вероятно, акцентовка форм единственного числа с окончанием *-и* выравнивается под воздействием формы второго предложного, особенно частотного у этих существительных (ср. *в глушій*); об этом же говорит втягивание в акцентный тип **f** некоторых топонимов: *Русь, Тверь, Обь, Пермь* [Иткин 2016].

Итак, слов третьего склонения с «легитимным» ударением на окончании *-и* в формах род. и дат. ед. ч. в современном русском языке крайне мало, а системных оснований для акцентного различия этих двух форм нет вообще. При этом «ударение на флексии в формах род. и дат. падежей в литературном языке конца XVIII и нач. XIX в. (тоже. – С. С.) не было нормативным» [Воронцова 1979, с. 69].

Однако в реальном узусе ударение иногда попадает на окончание в формах родительного и дательного падежа и у существительных, которые словарно характеризуются акцентными схемами **а** или **е** (ср. *с печі, с цеті, по груді, из сеті*); это фиксировалось как в современном языке [Зализняк 2010, с. 432], так и в текстах XVIII–XIX вв. [Воронцова 1979, с. 69–70; Булаховский 1954, с. 162–163].

Аналогическое воздействие второго предложного в формировании таких употреблений несомненно, см. краткое упоминание в [Булаховский 1954, с. 162] и подробное и убедительное обсуждение в [Иткин 2016]. И.Б. Иткин рассматривает этот процесс как постепенный переход новых существительных в экзотический акцентный тип **f**: то, что уже произошло с существительным *глушь*, на наших глазах воспроизводится, скажем, в акцентуации форм существительного *сеть*, особенно в его новых значениях (ср. *зона действия сеті* и т. д.).

Однако даже если эти колебания – лишь отражение постепенного перехода из одного класса в другой, синхронно они могут

---

² Впервые опубликовано: Зализняк А.А. Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе. 1963. № 2. С. 7–23.

³ Обозначение из: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003 (далее – ГСРЯ). В [Зализняк 2010] тот же класс обозначен как **b**'.

регулироваться грамматическими и семантическими факторами. Видимо, систематических попыток выявить эти факторы до сих пор не предпринималось. Именно такая задача ставится в настоящем исследовании, пусть и на ограниченном лексическом материале.

3. Сбор материала

Формы второго предложного имеют около 20 существительных 3-го склонения. В статье [Плунгян 2002] они были разбиты на пять семантических групп: вместилища, участки пространства, объекты, вещества и ситуации. Из этих пяти групп здесь будет рассмотрена только одна – вещества. Названия веществ интересны тем, что допускают как минимум два разных локативных значения: «внутри массива некоторого вещества», ср. *увязнуть в грязи́*, и «обильно покрытый, испачканный чем-либо», ср. *пришел в кровí* в ГСРЯ (с. 70).

В своем анализе я оттолкнулся от того списка из 28 существительных третьего склонения, обозначающих вещества и удовлетворяющих основным формальным требованиям на образование второго предложного, который приведен в работе [Плунгян 2002]. В этом списке регулярно образуют формы второго предложного четыре существительных: *грязь, пыль, кровь и шерсть* (еще для трех отмечены «колебания» – *мазь, плоть, кость*); остальные существительные выступают в качестве фона (*слизь, сталь, ткань, ртуть, тушь* и др.).

Большинство словарей признает существование форм второго предложного у существительных *грязь, пыль* и *шерсть* в сочетании с предлогом *в*⁴, а у существительного *кровь* – также и с предлогом *на* (о «легитимизации» этих форм в литературном языке см. [Воронцова 1979, с. 73]). Как уже говорилось, нормативное ударение в формах род. и дат. единственного числа этих существительных падает (и падало раньше⁵) на корень – так указывается в «Орфоэпи-

---

⁴ В *шерсти́* иногда обозначается не как регулярный контекст для формы второго предложного, а как целостное выражение, имеющее значение ‘покрытый ключьями шерсти’ (ГСРЯ; ОСРЯ), но сути дела это не меняет.

⁵ Единственное систематическое изменение акцентного поведения этих существительных, произошедшее за последние 250 лет, состоит в утрате переноса ударения на предлог в сочетаниях типа *по грязи, по шерсти* (по крайней мере иных изменений не отмечается в детальнейшем исследовании [Еськова 2008]).

ческом словаре русского языка» 1988 г. (далее – ОСРЯ)⁶ и в словаре «Русское словесное ударение» 2001 г.⁷, – а формы с конечным ударением отмечаются в словарях с пометами неодобрения (ср. «не рек. из *грязи*», «!неправ. род. и дат. *крови*» в ОСРЯ).

Эмпирической базой для исследования послужил поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка⁸, см. [Гришина и др. 2009] о принципах организации этого корпуса. Разумеется – и это упоминается в той же статье [Гришина и др. 2009] – использование поэтического корпуса при решении грамматических и акцентологических задач таит свои опасности; в частности, в стихах может формироваться своя акцентная норма, не полностью совпадающая с произносительной нормой других текстов, а исторические изменения в грамматике по данным поэтического корпуса нередко отстают от того, что наблюдается в других типах узуса. И все же поэтические тексты являются бесценным источником сведений об акцентуации, а выявляемые статистические различия в акцентовках сложно считать случайными – даже если наблюдаемые процентные соотношения в ряде случаев могут требовать определенных поправок (о необходимости большего взаимодействия между исторической акцентологией и стиховедением и путях преодоления сложностей, возникающих при таком взаимодействии, см. [Сичинава 2020]).

Итак, в поэтическом корпусе НКРЯ находились все формы обрисованного выше множества из 28 существительных, имеющие окончание *-и*. Далее примеры в сохраненных выдачах размечались по трем признакам: 1) падеж и число существительного, 2) использованный предлог (при наличии) и 3) положение ударения.

Иногда оказывается затруднительно установить реальное ударение, ориентируясь лишь на расположение сильных долей (см. краткое обсуждение этой проблемы в работе [Гришина 2009]). В основном это касалось ситуаций, когда сильные икты приходились одновременно на предлог и окончание: *Где, вѣрно, все, что было слѣз и снѣв, / И дѣ крови крои́л наш вѣк закрѣйщик...* (Б.Л. Пастернак. «Привыкши выковыривать изюм...» (1925–1931)).

---

⁶ Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 63 500 слов / Под ред. Р.И. Аванесова. М.: Русский язык, 1988.

⁷ Зарва М.В. Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов. М.: НИЦ ЭНАС, 2001.

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (далее – НКРЯ; все поэтические тексты далее цитируются по этому источнику).

Сохранена разметка иктов, представленная в НКРЯ.) При отсутствии явных свидетельств в пользу одного из решений⁹ примеры такого рода исключались из дальнейших подсчетов¹⁰. Это было необходимо, в частности, потому, что перенос ударения на предлог возможен обычно только в том случае, если в форме без предлога ударение падает на первый слог, см. обсуждение этой проблемы на примере пушкинского *Все ходит по цепи кругом* в [Иткин 2016].

4. Результаты

Те названия веществ, которые в списке В.А. Плуногьяна [Плуногьян 2002] представлены как не имеющие формы второго предложного (*слизь, сталь, ртуть, тушь* и т. д.), действительно почти не встречаются в этой форме в поэтическом корпусе. В других формах с окончанием *-и* они тоже почти никогда не имеют окончательного ударения. Далее эти существительные рассматриваться не будут¹¹.

Совсем иная картина фиксируется для трех существительных, которые регулярно образуют формы второго предложного: *кровь*,

⁹ Принять однозначное решение часто помогало попадание в зону рифмовки или явная невозможность перетяжки ударения на предлог для определенного сочетания предлога и существительного применительно к конкретной эпохе.

¹⁰ Анализируя перетяжку ударения на предлог в выражении *по грязи* в текстах XVIII–XIX вв., Н.А. Еськова приводит среди иллюстративного материала контексты, которые теоретически допускают две трактовки (*Легко ль тащиться / В дормезе, по грязи, смертельных десять дней* (А.А. Шаховской, Урок кокеткам, или Липецкие воды, 1815)) и однозначно интерпретирует их как случаи перетяжки: *по́ грязи* [Еськова 2008, с. 181–182]. Такая интерпретация очень вероятна, но все же едва ли может быть доказана для каждого конкретного случая, поскольку в текстах примерно того же времени встречаются и несомненные случаи окончательного ударения в форме дательного падежа: *Хоть Подругу наш остов телесный / По житейской таскает грязи;* / *Но Она, как природы небесной, / Все в таинственной, с небом связи!* (Ф.Н. Глинка. Тайны души (1841–1845)). Именно из этих соображений здесь принято осторожное решение исключить случаи, допускающие сомнения, из подсчетов.

¹¹ Единичные примеры второго предложного фиксируются для существительных *медь, ткань* (об их акцентуации в текстах XVIII–XIX вв. см. [Еськова 2008, с. 142–143]), *соль, смесь, персть*, преимущественно в старых текстах. Для *медь* найдено и несколько примеров с ударным окончанием *-и* в других падежах.

грязь и *пыль*¹²: у всех них фиксируются не только «законные» формы второго предложного, но и другие формы с ударением на окончании *-и*. Данные о распределении акцентовок по формам этих существительных представлены в табл. 1¹³. Группы контекстов в табл. 1 выделены так, чтобы было возможно, с одной стороны, количественно сопоставлять разные контексты друг с другом (при более дробной классификации в некоторых группах было бы слишком мало примеров), а с другой стороны, увидеть различия не только между падежами, но и между разными типами употребления одного и того же падежа. Редкие контексты множественного числа всегда имеют основное ударение (*грязи* и т. д.) и не отражены в табл. 1.

Таблица 1

Крови, грязи и пыли: наосновное (О) и наконечное (К) ударение¹⁴

	<i>крови</i>			<i>грязи</i>			<i>пыли</i>		
	О	К	К%	О	К	К%	О	К	К%
<i>в</i> + предл.	34	1200	97	6	210	97	20	632	97
<i>на</i> + предл.	10	37	79	3	3	50	4	4	50
<i>по</i> + дат.	58	18	24	26	17	40	4	3	43
дат. (иные случаи)	40	4	9	3	1	25	8	4	33
<i>из, от</i> + род.	166	16	9	40	4	9	104	0	0
род. (иные случаи)	1200	37	3	77	0	0	306	1	0
<i>о</i> + предл.	8	0	0	4	0	0	0	0	п.а.
Всего	1516	1312		159	242		446	644	

¹² За пределами рассмотрения остаются также существительные *шерсть*, *мазь*, *кость*, *плоть*. Все они встречаются в форме второго предложного, преимущественно в фиксированных выражениях (*на мази* и т. д.), что соответствует предшествующим описаниям, включая [Плунгян 2002]. Колебания в позиции ударения в других формах с окончанием *-и* фиксируются для существительного *кость*, включая те контексты, где оно обозначает материал, ср.: *И мне не бресті / По го́лой плитѣ босонóгим луна́тиком / Средь ліп и берѣз из слоно́вой кості* (Б.Л. Пастернак. Марбург (1916)); колебания другого рода отмечены для этого существительного в [Иткин 2016].

¹³ Все данные, использованные в дальнейших подсчетах, доступны для скачивания по адресу: <https://github.com/serjozhka/StressRNC>.

¹⁴ В табл. 1 недифференцированно представлены данные за три века. Несмотря на очевидные минусы, это решение принято сознательно: дополнительное разделение на периоды сделало бы таблицу громоздкой, а для выявления диахронических тенденций в ряде случаев было бы недостаточно данных. В целом колебания в ударении, отраженные в табл. 1, характерны и для старых (XVIII–XIX вв.), и для новых текстов, хотя не обязательно в тех же пропорциях, что показывают сводные данные.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать следующие выводы.

1) Для всех трех существительных обнаружена почти полностью совпадающая **иерархия**¹⁵ (предложно-)падежных контекстов. Первое место контекстов с предлогом *в* (словарно зафиксированный контекст функционирования «законных» форм второго предложного), последнее место контекстов с предлогом *о* (здесь второй предложный невозможен) и в какой-то мере вторая позиция контекстов с предлогом *на* (по их поводу существует определенная дискуссия, см. ниже) ожидаемы. Расположение же всех остальных контекстов, насколько мне известно, ранее не обсуждалось. То, что полученная иерархия отражает неслучайные закономерности, отчасти следует уже из ее повторения для разных существительных, но дополнительно было проверено статистически: использовался точный тест Фишера, те данные, которые показали значимые ($p < 0,05$) отличия от предыдущей строки, выделены в табл. 1 курсивом. Как можно заметить, случаев, преодолевших порог статистической значимости, немало – и их было бы гораздо больше, если бы сопоставлялись не только соседние строки.

В такой ситуации невозможно считать, что все три существительных демонстрируют лишь бессистемные колебания между такой акцентной схемой, где в единственном числе ударение переходит на окончание только в форме второго предложного, и «экзотической» схемой **f**" (как у существительного *глушь*, см. выше). Если бы это было так, мы могли бы ожидать примерно равной доли окончательных ударений для форм предложного падежа после предлога *о*, родительного и дательного падежей. Очевидно, есть какие-то дополнительные факторы, которые по крайней мере отчасти определяют положение ударения в анализируемых формах.

Поиск этих факторов затрудняется тем, что здесь крайне сложно развести структурные и функциональные (семантические) закономерности, установить правильный уровень обобщения. В частности, мы можем сразу же заметить, что в целом окончательное ударение более характерно для контекстов с предлогами, чем для иных контекстов с теми же самыми падежными формами. Однако, скорее всего, этот фактор не является достаточным для объяснения всех выявляемых различий, что хорошо известно уже даже по случаю с

---

¹⁵ Единственное отклонение наблюдается в случае двух типов контекстов с родительным падежом для существительного *пыль*: здесь обнаружен один контекст с ударением на окончании, из-за которого иерархия сбивается (этот сбой не виден по доле окончательного ударения, выраженной в целых процентах, поскольку в обоих случаях она округляется до 0%).

предложным падежом, где разные предлоги (*в* и *на* vs. *о* и *при*), как известно, ведут себя по-разному. Ниже я предлагаю более подробное обсуждение отдельных позиций, выделенных в табл. 1.

2) В контекстах, где форма предложного падежа сочетается с **предлогом *на***, для существительного *кровь* в основном используется «законная» (т. е. отмеченная в ГСРЯ и ОСРЯ) форма второго предложного (*на крови*); для существительных *пыль* и *грязь* сами такие контексты фиксируются крайне редко, но конкурирующие варианты имеют равную частотность. Это согласуется с тезисом о том, что «[д]ля таких случаев в языке фактически не существует нормы» [Еськова 2011, с. 508]: с одной стороны, оставшийся предлог (в данном случае *на*) сам по себе входит в число возможных «триггеров» второго предложного, но с другой стороны, нужные сочетания слишком редки¹⁶, чтобы храниться в целостном виде наряду с конструкциями типа *в пыли*, *в грязи*.

3) Наконечное ударение в формах **родительного** падежа фиксируется редко, но в контексте предлогов *из* и *от* это происходит чаще, чем в других контекстах, включая контексты беспредложного родительного. Семантический контраст в этом случае очень зыбок, но он может быть намечен. Так, формы генитива *крóви* встречаются у Мандельштама многократно, а ударение *крóви* для этой формы определено устанавливается только в одном контексте:

- (1) Ее любовники – простонародной масти,
И чресла сильные свои
Для сильных бережет и не боится власти
Рук, не отмытых от крови.

*О.Э. Мандельштам.
Собачья склака (1921–1929) –
перевод из Огюста Барбье*

---

¹⁶ По предположению анонимного рецензента, фактор частотности конкретных предложно-падежных сочетаний вообще может способствовать увеличению вероятности появления наконечного ударения в изучаемых конструкциях. Эта идея представляется крайне перспективной, но подробно здесь анализироваться не будет из-за ограниченности проанализированного материала: для ее полноценной проверки были бы необходимы такие «редкие» предложно-падежные сочетания, которые были бы структурно и семантически близки каким-то частотным сочетаниям, но при этом все-таки демонстрировали бы достаточное количество вхождений для статического анализа. К сожалению, в доступных данных таких сочетаний нет: «редкие» предложно-падежные сочетания обычно в самом деле «штучны», при этом в основном они отличаются от «частотных» не только частотностью, но и семантикой, что делает затруднительным выявление вклада фактора частотности как таковой.

Здесь *от кровí* используется в контексте отмывания, очищения – это значение соотносимо со значением ‘быть покрытым, испачканным кровью’, характерным для контекстов второго предложного (*в кровí*).

Появление наконечного ударения в контексте предлога *из* в основном связано с конструкциями, имеющими значение извлечения из массива вещества. Так, у Маяковского форма генитива *грязи* обычно имеет ожидаемое ударение на основе, а наконечное ударение фиксируется в двух контекстах с семантикой извлечения:

- (2) Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи, / дайте новое искусство –
такое, / чтобы выволочь республику из грязи.

В.В. Маяковский.

Приказ 2 армии искусств (1921)

В таких контекстах очевиден семантический параллелизм с другим значением второго предложного, характерным для названий веществ: ‘быть погруженным в массив вещества’ (ср. *волочься в грязи*).

Итак, для родительного можно говорить о слабом семантическом контрасте типа *крóви, грязи* vs. *кровí, грязí*, где наконечное ударение ассоциируется с семантикой погруженности, испачканности, т. е. в конечном счете плотного контакта. Не вполне ясно, объясняется ли этот контраст только аналогией со вторым предложным [Булаховский 1954, с. 162; Иткин 2016], рудиментами древнего противопоставления генитива и аблатива¹⁷ или обеими этими причинами.

4) Самый интересный результат, отраженный в табл. 1, – это данные для **дательного** падежа, и прежде всего для его сочетаний с **предлогом *по***. Доля наконечного ударения в этих сочетаниях вполне заметна: в сумме для трех существительных это 30%. Это значимо больше, чем для форм генитива (и, видимо, больше, чем для прочих дативных контекстов, хотя статистическую значимость этого различия удастся доказать только для существительного *кровь*).

При объяснении возникновения конструкций типа *по кровí, по грязи* и *по пылí* снова напрашивается идея об аналогии со стороны того, что мы теперь называем вторым предложным падежом

¹⁷ У имен *й*-склонения с подвижной акцентной парадигмой наконечное ударение в древнерусскую эпоху было в большей мере характерно для аблативных значений генитива, см. [Колесов 1972, с. 75] и обсуждение в [Воронцова 1970, с. 70] в связи с текстами XVIII–XIX вв.

- (5) Еще хотелось повидать сестру.
Я думала о ней с такой любовью,
что стало ясно мне: на днях – умру.
То кровь тоскует по родимой крови.

*О.Ф. Берггольц,
«В те дни исчез, отхлынул быт. /
И смело...» (1945)*

- (6) Одна судьба – не две – у человека,
И как дорогу ту ни назови,
Я верен тем, с которыми полвека
Шагал я по грязи и по крови.

*И.Г. Эренбург.
«Я смутно помню шумный перекресток...»
(1957)¹⁸*

Данные об акцентном поведении выражения *по крови* в зависимости от значения суммированы в табл. 2.

Таблица 2

Ударение в выражении *по крови* и его семантика

	<i>по крѳви</i>		<i>по кровѳ</i>	
	N	доля	N	доля
«происхождение»	32	0,9	3	0,1
«управление»	8	0,7	3	0,3
«среда»	18	0,6	12	0,4

Как можно видеть, выше всего доля конечного ударения в контекстах со значением движения сквозь среду (различия между первым и третьим типом контекстов статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0,01$). Это еще раз подтверждает тезис о семантической обусловленности изучаемых акцентных контрастов.

Объем данных, представленных в поэтическом корпусе и отраженных в табл. 1, не позволяет систематически проследить диакронические тенденции в акцентуации конструкций с предлогом

¹⁸ Показательно, что в этом тексте используется сразу две группы с предлогом *по* и конечным ударением в формах изучаемых существительных: *по грязи* и *по крови*.

по, по крайней мере если одновременно контролировать лексический и семантический факторы. Несомненно, что в широкой диахронической перспективе наконечное ударение в этих контекстах вторично: в отличие от родительного падежа, допуславшего колебания и в древнерусскую эпоху, для дательного падежа изучаемых существительных восстанавливается только наосновное ударение [Колесов 1972, с. 79]. В целом формы датива с наконечным ударением фиксируются уже в XVIII в. (возможно, и ранее), ср. у Ломоносова: *Германия сему подобно / По собственной кровѣ плывет*, см. также еще раз [Воронцова 1979, с. 69–70]. Интересно другое: по крайней мере в случае существительного *грязь* (а для него контексты с предлогом *по* почти всегда выражают идею движения сквозь среду) на современном этапе происходит закрепление «незаконного» ударения на окончании. Необходимые данные представлены в табл. 3 (различия между двумя периодами статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0,01$).

Таблица 3

По грязи: позиция ударения и дата создания текста

	<i>по грѣзи</i>		<i>по грязѣ</i>	
	N	доля	N	доля
до 1949 г.	26	0,7	10	0,3
после 1950 г.	0	0,0	7	1,0

Фактическое закрепление ударения в локативном выражении *по грязѣ* происходит вопреки тому, что такое ударение отмечается словарями как ненормативное (см., например, ОСРЯ или словарь «Русское словесное ударение» 2001 г.). Это диахроническое изменение интересно тем, что оно идет вразрез с тенденцией к сокращению круга существительных, имеющих формы второго предложного падежа [Воронцова 1979, с. 72; Плунгян 2002; Еськова 2008, с. 141]. Получается, что помимо существительных, у которых по всей парадигме единственного числа унифицируется наосновное ударение (*дичь, речь*, см. [Еськова 2008, с. 141]), и существительных, у которых на все формы единственного числа с окончанием *-и* распространяется наконечное ударение, изначально характерное лишь для второго предложного (*сеть*, см. [Иткин 2016]), есть и существительные, у которых семантически обусловленный акцентный контраст в формах предложного падежа отчасти реплицируется в других формах с окончанием *-и*.

Несомненно, перенос ударения на окончание в сочетаниях с предлогом *по* возможен не только для существительных, обозначающих вещества, но и для некоторых других существительных третьего склонения, имеющих формы второго предложного: *по стени́* (ср. *Только пули свистят по стени́*) или *по тени́*:

- (7) Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

С.А. Есенин.

«По дороге идут богомолки...»
(1914)

Однако систематическое изучение более широкого круга существительных – дело будущего.

5. Интерпретация

Эмпирический факт, находящийся в центре проведенного исследования, состоит в том, что по крайней мере у трех существительных, относящихся к третьему склонению и регулярно используемых в форме второго предложного падежа: *кровь*, *грязь* и *пыль* – ударение нередко оказывается на окончании *-и* в других формах единственного числа, особенно в сочетаниях с предлогом *по* (*по кровя́* и т. д.). Вероятно, такое явление возникло в результате аналогического влияния со стороны форм второго предложного или по крайней мере поддерживается такой аналогией¹⁹.

С диахронической точки зрения наблюдаемая синхронно картина говорит о том, что обсуждаемые существительные постепенно переходят из такого акцентного типа, для которого характерно стабильное наосновное ударение во всех формах единственного числа, кроме второго предложного, в тот акцентный тип, который уже

---

¹⁹ Анонимный рецензент указывает, что проанализированные существительные идут по тому же пути, по которому прошли или продолжают идти и другие существительные третьего склонения – *грудь*, *печь*, *сеть* и т. д. Скорее всего, есть много общего у тех закономерностей, которые регулируют вариативность ударения на этапе колебаний у всех этих существительных. Однако анализ всех существительных третьего склонения, получивших или получающих наконечное ударение в формах с окончанием *-и* под влиянием второго предложного падежа, выходит за пределы сравнительно узкого предмета конкретной статьи.

закрепился в современном языке за немногочисленными словами типа *глушь*. Вопрос в том, как в этом промежуточном, переходном, состоянии регулируется выбор ударения в формах единственного числа с окончанием *-и*: являются ли колебания бессистемными или подчиняются определенным семантическим и грамматическим закономерностям. Полученные результаты говорят в пользу второго предположения; об этом свидетельствуют и неравномерное распределение двух акцентовок для разных предложных и беспредложных контекстов с формами родительного и дательного падежей, и некоторые закономерности, обнаруживаемые при рассмотрении отдельных предложно-падежных конструкций.

В зависимости от установок исследователя полученные результаты могут интерпретироваться в структурном или скорее в семантическом ключе. В первом случае особенно важными становятся различия между предложными и беспредложными контекстами, а также между дательным и родительным падежом (в обоих случаях первым назван контекст, для которого окончательное ударение оказывается более характерным). Однако чисто структурные соображения, во-первых, не объясняют всех сделанных наблюдений, а во-вторых, сами заставляют поставить вопрос о существовании семантической мотивации, обуславливающей наблюдаемые структурно-вероятностные различия.

В связи с этим здесь в качестве обобщающей гипотезы выдвигается предположение о том, что ключевой фактор, регулирующий вероятность акцентовок в изученных формах, лежит в области семантики. Согласно этой гипотезе, на уровне вероятностной закономерности существует корреляция между окончательным ударением и локативной семантикой, конкретнее – той ее разновидностью, которую можно вслед за В.А. Плуныным [Плунын 2002] обозначить как «жесткая» локализация. В случае с существительными, обозначающими вещества, это прежде всего связано с семантикой плотного погружения в среду (*брести по грязи*) или покрытости, испачканности веществом (в более редких, но фиксируемых употреблениях вроде *отмыть от крови*).

Сценарий возникновения намеченных семантических контрастов для дательного *и*, в меньшей степени, для родительного падежа напоминает историю формирования контраста между теми формами, которые мы теперь называем «обычным» и «вторым» предложным:

С исторической точки зрения мы имеем здесь дело с дифференциацией значений первоначально единого падежа, закрепленной с помощью разницы акцентовок... Иначе говоря, акцентовки, первоначально выступавшие просто как варианты, здесь грамматикализуются [Зализняк 1985, с. 375].

В более широком смысле формирование выявленных паттернов соотносимо сразу с двумя общими тенденциями развития ударения в русском языке, выявленными А.А. Зализняком: с тенденциями к семантизации (уподобление акцентного поведения слов, относящихся к одной семантической зоне) и к грамматикализации (расхождение акцентов в рамках парадигмы в соответствии с каким-либо признаком) [Зализняк 1985, с. 371].

Разумеется, нельзя забывать, что речь идет лишь о небольшой группе существительных²⁰ и лишь о вероятностной тенденции²¹. И все же необходимо попытаться ответить на вопрос о том, как с теоретической (и синхронной) точки зрения следует трактовать контрасты вроде *привыкнуть к гряди vs. брести по гряди*.

Один возможный путь состоит в том, чтобы объявить формы в контекстах вроде *брести по гряди* «вторым дательным» (тогда для случаев типа *выволочь из гряди*, см. (2), пришлось бы говорить уже чуть ли не о «третьем родительном»). Этот путь не представляется привлекательным: при его избрании сущности размножились бы, а групповое совпадение «обычных» и «номерных» падежей пришлось бы считать всего лишь падежной омонимией, что противоречит здравому смыслу.

Более перспективным представляется путь признания в русском языке еще одного бинарного контраста, отчасти ортогонального категории падежа. Планом выражения для этого контраста является положение ударения в формах типа *крѡви vs. кровй*, а планом содержания маркированного члена оппозиции (*кровй*) – значение жесткой локализации, плотного контакта²².

²⁰ Эта группа не ограничена тремя рассмотренными здесь существительными, но, видимо, очень невелика и является подмножеством того круга существительных третьего склонения, у которых есть формы второго предложного.

²¹ Впрочем, и контраст между «обычным» и «вторым» предложным – тоже лишь вероятностная тенденция, пусть и более последовательная. Об этом говорит и наличие существительных, у которых формы с окончательным ударением в контекстах, типичных для второго предложного, возможны, но не обязательны [Еськова 2011, с. 507], и непредсказуемое поведение существительных, имеющих второй предложный, в контексте «неожиданного» для них предлога, см. данные для предлога *на* выше.

²² Для такой оппозиции в русской грамматике есть прецеденты, ср. категорию одушевленности, накладывающуюся на падеж в словоизменении прилагательных, и прагматическое противопоставление «привычного» и «чуждого» в именном склонении, основным способом выражения которого является выбор акцентной схемы [Зализняк 1977/2002, с. 484–485; Зализняк 1985, с. 375–376].

Благодарности

Замысел этого исследования возник при обсуждении второго предложного падежа в ходе лекции по русской морфологии на отделении общего языкознания СПбГУ. Я признателен Б.И. Гринберг, Д.А. Ермаковой, А. Жук, М.О. Серовой, С.А. Терской и В.П. Шуваловой за вопросы и наблюдения, сделанные в ходе этой дискуссии. Также я хочу поблагодарить И.Б. Иткина и В.А. Плуногяна за обсуждение некоторых вопросов, затрагиваемых в этом тексте, а А.Ю. Русакова, П.М. Аркадьева и анонимного рецензента – за замечания, учтенные мною на этапе редактирования. Ответственность за все возможные неточности и ошибки лежит на мне.

Acknowledgements

This paper grew out of a vivid discussion that took place during my lecture on Russian morphology at the Department of General Linguistics at St. Petersburg State University. I am indebted to Daria Ermakova, Bella Grinberg, Maria Serova, Varvara Shuvalova, Serafima Terskaya, and Anastasiya Zhuk for their contribution to that discussion. I want to thank Ilya Itkin and Vladimir Plungian for their feedback on some of the issues raised in this paper. I am also grateful to Alexander Rusakov, Peter Arkadiev, and an anonymous referee for their comments on an earlier version of this paper. The usual disclaimers apply.

Литература

- Булаховский 1954 – *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд., испр. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
- Воронцова 1979 – *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Гришина 2009 – *Гришина Е.А.* Корпус «История русского ударения» // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Ред. В.А. Плуногян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 150–174.
- Гришина и др. 2009 – *Гришина Е.А., Корчагин К.М., Плуногян В.А., Сичинава Д.В.* Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Ред. В.А. Плуногян. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.

- Еськова 2008 – *Еськова Н.А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.
- Еськова 2011 – *Еськова Н.А.* Избранные работы по русистике. Фонология. Морфология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 648 с.
- Зализняк 1977 – *Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8 / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.
- Зализняк 1985 – *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 432 с.
- Зализняк 2010 – *Зализняк А.А.* Ударение в современном русском склонении // *Зализняк А.А.* Труды по акцентологии. Том I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 431–447.
- Иткин 2016 – *Иткин И.Б.* Удивительная история второго предложного падежа. Выступление в рамках проекта «Публичные лекции “полит.ру”» 19 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://m.polit.ru/article/2016/08/20/itkin_lecture/ (дата обращения 19 апреля 2020).
- Колесов 1972 – *Колесов В.В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л.: ЛГУ, 1972. 256 с.
- Плунгян 2002 – *Плунгян В.А.* К семантике русского локатива // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 229–254.
- РГ-80 – Русская грамматика. Т. 1–2 / Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
- Сай 2020 – *Сай С.С.* *Грязь, пыль и кровь* в поэтическом корпусе: семантизация акцентовок в конструкциях с предлогом *по* // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 116–120.
- Сичинава 2020 – *Сичинава Д.В.* Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 111–115.

References

- Bulakhovskii, L.A. (1954), *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfoloziya. Udarenie. Sintaksis* [Russian literary language of the first half of the 19th century. Phonetics. Morphology. Stress. Syntax], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Es'kova, N.A. (2008), *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [The standard in

- the Russian literary language of the 18–19th centuries. Stress. Grammatical forms. Lexical variants. Dictionary. Commentary], Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Moscow, Russia.
- Es'kova, N.A. (2011), *Izbrannye raboty po rusistike. Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya* [Selected works on the Russian linguistics. Phonology. Morphology. Morphology. Orthography. Lexicography], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Grishina, E.A. (2009). "The 'History of the Russian stress' corpus", Plungyan V.A. (ed.). *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and outlook], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 150–174.
- Grishina, E.A., Korchagin, K.M., Plungyan, V.A. and Sichinava, D.V. (2009). "Poetic corpus within the RNC: general structure and an outlook for future use", in Plungyan V.A. (ed.). *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and outlook], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 71–113.
- Itkin, I.B. (2016), *Udivitel'naya istoriya vtorogo predlozhnogo padezha. Vystuplenie v ramkakh proekta 'Publichnye lektsii polit.ru' 19 maya 2016 g.* [The astonishing story of the second locative. A presentation within the "Public lectures at polit.ru" series, May 19, 2016], available at: https://m.polit.ru/article/2016/08/20/itkin_lecture/ (Accessed 19 April 2020).
- Kolesov, V.V. (1972), *Istoriya russkogo udareniya. Imennaya aktsentuatsiya v drevnerusskom yazyke* [History of the Russian stress. Nominal accentuation in Old Russian], Leningrad State University, Leningrad, USSR.
- Plungyan, V.A. (2002), "Towards a semantics of the second locative", *Semiotika i informatika*, iss. 37, pp. 229–254.
- Say, S.S. (2020), "Gryaz', pyl' i krov' in a poetic corpus: semanticization of accental contrats in constructions with the preposition *po*", Kibrik, A.A., Semenova, Ks.P., Sichinava, D.V., Tatevosov, S.G., Urmanchieva, A.Yu. (eds.), *VAProsy yazykoznaniya: Megabornik nanostatei. Sbornik statei k yubileyu V.A. Plungyana* [Issues in linguistics: a macrocollection of micropapers. A collection of papers presented to V.A. Plungyan on the occasion of his birthday], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 116–120.
- Sichinava, D.V. (2020), "Russian historical accentology and theory of verse: poorly acquainted peers", in Kibrik, A.A., Semenova, Ks.P., Sichinava, D.V., Tatevosov, S.G., Urmanchieva, A.Yu. (eds.), *VAProsy yazykoznaniya: Megabornik nanostatei. Sbornik statei k yubileyu V.A. Plungyana* [Issues in linguistics: a macrocollection of micropapers. A collection of papers presented to V.A. Plungyan on the occasion of his birthday], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 111–115.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika* [Russian Grammar], vols. 1–2, Nauka, Moscow, USSR.
- Vorontsova, V.L. (1979), *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [Stress in the literary Russian languages of the 18th and 19th centuries. Inflectional forms], Nauka, Moscow, USSR.

- Zaliznyak, A.A. (1977), "Patterns in the accentuation of Russian monosyllabic masculine nouns", Zvegintsev V.A. (ed.), *Publikatsii Otdeleniya strukturnoi i prikladnoi lingvistiki* [Publications of the Department of structural and applied linguistics], iss. 8, Moscow State University, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (1985), *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic to modern Russian accentuation], Nauka, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (2010), "Stress in modern Russian inflection", in Zaliznyak, *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology], vol. 1, Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 431–447.

Информация об авторе

Сергей С. Сай, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199004, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; serjzhka@yahoo.com

Information about the author

Sergey S. Say, Cand. of Sci. (Philology), Russian Academy of Sciences Institute for Linguistic Studies, Saint Petersburg, Russia; bld. 9, Tuchkov Lane, Saint Petersburg, Russia, 199004; serjzhka@yahoo.com

УДК 811.163.4

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

О социальных функциях вариантов сербскохорватского языка

Мария А. Егорова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, drajenka@gmail.com*

Аннотация. Вопрос о статусе языков, возникших на основе сербскохорватского языка после распада Югославии, остается актуальным до сих пор. Стандартный сербскохорватский язык возник в XIX в. как общий язык сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев и изначально существовал в двух основных вариантах – «западном» и «восточном». Эти варианты были достаточно близки для того, чтобы не препятствовать коммуникации, и в то же время каждый вариант обладал символической значимостью как маркер соответствующего этноса. В данной статье рассматривается история сербскохорватского языка от его возникновения до распада Югославии в свете двух социальных функций языка – коммуникативной (язык как средство обмена информацией) и символической (язык как символ национальной идентичности).

Ключевые слова: сербскохорватский язык, социолингвистика

Для цитирования: Егорова М.А. О социальных функциях вариантов сербскохорватского языка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 85–116. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

On the social functions of the variants of the Serbo-Croatian language

Maria A. Egorova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, drajenka@gmail.com

Abstract. The issue of the status of languages that emerged on the basis of the Serbo-Croatian language after the collapse of Yugoslavia remains relevant until now. The standard Serbo-Croatian language arose in the 19th century as a common language of Serbs, Croats, Bosnians and Montenegrins and existed in two main variants, “western” and “eastern”, from the very outset. These variants were close enough to maintain free communication, and at the

---

© Егорова М.А., 2021

same time, each variant had symbolic significance as a marker of the corresponding ethnic group. This article provides an outline of the history of the Serbo-Croatian language from its origin to the collapse of Yugoslavia in the light of two social functions of the language, communicative (language as a means of exchanging information) and symbolic (language as a symbol of national identity).

Keywords: Serbo-Croatian language, sociolinguistics

For citation: Egorova, M.A. (2021), "On the social functions of the variants of the Serbo-Croatian language", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 85-116, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-85-116

S'il fallait caractériser d'un mot l'histoire de la (ou des) langues littéraires sur le territoire linguistique du serbo-croate, nous dirions : complexité.

Pavle Ivić¹

1. Введение

Вплоть до распада в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославия название *сербохорватский* (*сербскохорватский*) язык применялось к стандартному языку сербов, хорватов, боснийцев² и черногорцев [Гудков 1969; Lehfelddt 2014; Кречмер, Невекловский 2017]. После распада Югославии и выхода из ее состава Хорватии (1991), Боснии и Герцеговины (1992) и Черногории (2006) наряду со старым названием *сербохорватский* (*српскохрватски*, *Serbo-Croatian*, *Serbokroatisch*, *serbo-croate*) получили широкое употребление названия *сербский* (*српски*, *Serbian*, *Serbisch*, *serbe*), *хорватский* (*hrvatski*, *Croatian*, *Kroatisch*, *croate*), *боснийский* (*bosanski*, *Bosnian*, *Bosnisch*, *bosniaque*) и *черногорский* (*црногорски*, *Montenegrin*, *Montenegrinisch*, *monténégryn*), а также составные названия вида *сербский* / *хорватский* / *босний-*

¹ «Если бы нам нужно было охарактеризовать историю литературного языка (или языков) на территории распространения сербскохорватского языка одним словом, этим словом было бы – сложность» [Ivić 1984, p. 341].

² В [Гудков 1969] боснийцы как отдельный этнос не упоминаются. Ср. статью [Гудков 2001], посвященную языку боснийцев (боснийских мусульман). Об этнониме мусульмане (муслимани, muslimani) см. e. g. [Rizvić 1996; Greenberg 2004, pp. 139–142].

ский / черногорский, которые должны служить символическим подтверждением существования четырех независимых языков³.

Вызвавший на рубеже XX и XXI вв. бурную дискуссию вопрос о статусе и названии языков титульных наций вновь образованных государств остается актуальным до сих пор [Lehfeldt 2014, pp. 1466–1467].

Данная статья ни в коей мере не претендует на полноту охвата проблемы. Нас будет интересовать здесь один частный аспект, а именно проблема (не)разграничения двух социальных функций языка – коммуникативной (язык как средство обмена информацией) и символической (язык как символ идентичности) [Кибрик 2019⁴; Thomas 1998; Friedman 1999; Даниэль 2019].

Нашей целью было, во-первых, проследить, как полемика о статусе различных вариантов языка на протяжении полутора веков, подобно сейсмографу, фиксировала смену политических настроений; и, во-вторых, показать, какое отражение в дискуссиях о статусе вариантов сербскохорватского нашла проблема разграничения двух социальных функций языка.

2. Становление стандартного сербскохорватского языка

Возникновение стандартного сербскохорватского языка связывается с деятельностью сербского языковеда, фольклориста и просветителя Вука Караджича и участников Иллирийского движения в Хорватии во главе с Людевитом Гаем⁵. Реформаторская деятельность по созданию нового литературного *языка всех сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев* разворачивается в первой половине XIX в.

В этот период Балканы представляли собой территорию, на которой скрещивались политические интересы нескольких госу-

---

³ Ср. различные названия соответствующей статьи в двух разных изданиях сборника «Языки мира: Славянские языки» – «Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки)» для [Кречмер, Невекловский 2005] и «Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки)» для [Кречмер, Невекловский 2017].

⁴ Впервые опубликовано: *Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990.

⁵ Иллирийское движение, или *иллиризм*, – общественно-политическое и культурное движение, зародившееся в Хорватии в первой половине XIX в. Одной из целей деятелей иллиризма являлось возрождение национальной культуры [Бромлей и др. ред. 1963, с. 388–396].

дарств – в первую очередь, Австро-Венгерской империи и Османской империи; территорию, неоднородную в культурном и конфессиональном плане. В условиях политической зависимости от крупных многонациональных государств угроза утраты национальной идентичности и поглощения иноязычным окружением стала причиной усиления конвергентных процессов в среде южных славян, что привело к формированию национальных славянских языков – сербскохорватского, словенского, болгарского [Толстой 1988, с. 154–164]. Новые стандартные языки складываются на основе диалектов и городского койне, а также во взаимодействии с фольклорными койне и уже существующими книжно-письменными традициями. Характер взаимодействия при этом мог быть самым различным, от трансформации до «отталкивания» от старого стандарта с сохранением лишь некоторых его элементов [Толстой 1998]⁶.

Славянские языки на Балканах представлены континуумом диалектов, протянувшихся от Словенских Альп до Чёрного моря [Ивић 1985, с. 15; Невекловский 2001, с. 39]. На территории расселения сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев выделяются три крупные группы диалектов – *кайкавские*, *чакавские* и *штокавские*, получившие своё название по реализации вопросительного местоимения 'кто' в каждой из них (*kaj*, *ča* и *što / šta*, соответственно) [Corbett, Browne 2009, p. 331]. В югославской лингвистической традиции для указания на крупные группы диалектов используется термин *наречие* (*наречје*). Таким образом, принято говорить о штокавском, кайкавском и чакавском наречиях.

Независимым основанием для классификации сербскохорватских диалектов является отражение в них праславянской⁷ фонемы *ě (*ять*) [Мейе 1951, с. 39–40, 48]⁸. На этом основании можно выделить три основные группы: 1) диалекты, в которых *ě в большинстве случаев отражен в виде *e* (*экавские*); 2) диалекты, в которых *ě в большинстве случаев отражен в виде *je / ije* (*иекавские*); и 3) диалекты, в которых *ě в большинстве случаев отражен в виде *i* (*икавские*); существует также множество переходных типов [Ивић 1985]. Оговорка *в большинстве случаев* сделана не случайно: рефлекс праславянского *я* в сербскохорватских диалектах под-

⁶ Впервые опубликовано: Толстой Н.И. *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.

⁷ Праславянским, или общеславянским, языком называется не засвидетельствованный в памятниках общий предок славянских языков [Мейе 1951, с. 5–14; Бернштейн 1961, с. 9–12].

⁸ Впервые опубликовано: Meillet A. *Le Slave Commun*. 2d éd. Paris, 1934. 538 pp.

чинаются сложной системе правил, так что, например, в иекавском диалекте в некоторых специальных контекстах *ǣ может быть отражен в виде *i* или *e* и т. п.⁹

На западе, на территории современных Хорватии и Боснии и Герцеговины, бытовало несколько региональных книжно-письменных традиций на всех трех наречиях [Ivić 1984, p. 319]. Среди них следует особо выделить две – литературную традицию Дубровника на штокавской основе и кайкавскую литературную традицию Загреба.

С XII по XVIII в. Дубровник был крупнейшим торговым центром. Своего расцвета Дубровницкая республика достигает в XIV–XVI вв., сосредоточив в своих руках торговлю на Балканах и соперничая с Венецией на Средиземном море [Бромлей и др. ред. 1963, с. 137–144, 224–227]; к периоду конца XV – начала XVI в. относится и становление оригинальной литературы, сформировавшейся под влиянием литературы итальянского Ренессанса [Ивич 2017¹⁰, с. 149–154; Ivić 1984, p. 318; Ивић 1985, с. 147]. По оценке Павле Ивича, «корпус дубровницких текстов на латинице¹¹ – один из самых объемных и одновременно культурно значимых в книжно-письменном наследии сербскохорватского языка» [Ивич 2017, с. 152].

В Загребе с середины XVI в. развивалась литература на основе кайкавского городского койне; в XVIII в. появляются первые кайкавские грамматики [Lončarić 1996]. Эта традиция оказалась устойчивой и в течение нескольких десятилетий конкурировала с литературой на новом сербскохорватском стандартном языке [Ивич 2017].

На востоке, у сербов и черногорцев, вплоть до XVIII в. сохранялась литература на церковнославянском языке сербской редакции¹²

---

⁹ Компактное описание рефлексов ятя в литературных вариантах сербскохорватского можно найти по ссылке: URL: <https://u.to/jl2CGQ> (дата обращения 8 сентября 2020).

¹⁰ Впервые опубликовано: *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971. 334 с.

¹¹ Славянские тексты на латинице появляются в Дубровнике в начале XV в.; до этого для записи текстов на локальном славянском идиоме использовалась кириллица [Ивич 2017, с. 140–141, 151–152].

¹² За языком первых славянских письменных памятников закреплён термин «старославянский язык». Старославянский язык представляет собой литературную обработку одного из древних западномакедонских говоров IX в. [Сидоров 1952, с. 3] и является наиболее архаичным из заведённых славянских языков [Мейе 1951, с. 7]. В дальнейшем старославянский в качестве языка богослужбной и отчасти светской литературы использовался в большинстве славянских стран и в некоторых неславянских странах; различные региональные варианты старославянского языка известны как разные редакции церковнославянского языка – русская, сербская, болгарская etc. [Супрун, Молдован 2005].

(*српскословенска књижевност*), поддерживаемая влиянием православной церкви [Ивич 2017, с. 175; Невекловский 2001, с. 39]. Однако после османского вторжения в XV в. условия для развития и поддержания православной культуры становятся крайне неблагоприятными и эта традиция постепенно приходит в упадок [Ivić 1984, p. 317; Brozović, Ivić 1988, s. 100; Ивић 1998, с. 81–84]. В конце XVII–XVIII в. центр культурной жизни сербского народа сместился в Воеводину, находившуюся под властью Австро-Венгерской империи [Невекловский 2001, с. 39]. В этих условиях особенно остро ощущалась потребность в сохранении культурной идентичности.

В первой трети XVIII в. сербы обращаются к Петру Первому с просьбой прислать в Воеводину книги и учителей для подготовки священнослужителей. Русские миссионеры приносят с собой русскую редакцию церковнославянского языка, которую в ту эпоху ошибочно считали подлинным старославянским языком, а следовательно, и древним книжным языком сербов [Ivić 1984, p. 322]. Церковнославянский язык русской редакции, с небольшими фонетическими адаптациями, был принят сербской церковью, которая пользуется им до сих пор [Невекловский 2001, с. 39–40; Corbett, Browne 2009, p. 331].

В это же время сербская диаспора Воеводины переживает бурный расцвет светской культуры, в ходе которого складывается *славяносербский* (*славеносрпски*) литературный язык – своеобразный сплав церковнославянского языка русской редакции с элементами литературного и разговорного русского языка, разговорного сербского языка и реликтов церковнославянского языка сербской редакции [Brozović, Ivić 1988]. Гетерогенный славяносербский язык, по выражению Ивича, «никогда не имел ни грамматики, ни словаря» [Ivić 1984, p. 323], а выбор языковых средств зависел от индивидуального авторского вкуса и варьировался от автора к автору, от произведения к произведению. Другим существенным недостатком славяносербского было то, что овладение им предполагало владение церковнославянским и русским, а также, хотя бы до некоторой степени, немецким и латинским и тем самым делало его труднодоступным для малообразованных слоев населения [Ивич 2017, с. 185–186].

Возможным решением первой проблемы могло бы стать нормирование славяносербского языка и его кодификация в прескриптивной грамматике [Brozović, Ivić 1988, s. 101; Толстой 1988, с. 174–194; Симић 1996]; по мнению Брозовича и Ивича, стандартизация славяносербского языка привела бы к диглоссии, как в случае с чешским или тамильским. Однако этот вариант развития

событий остался чисто гипотетической возможностью, поскольку Вук Караджич и деятели иллирийского движения независимо друг от друга приняли решение положить в основу нового стандарта живую разговорную речь. Перед ними встал вопрос выбора диалектной основы стандартного языка.

Согласно [Хауген 2012¹³], на выбор нормы влияют как собственно-лингвистические соображения, так и социолингвистические факторы. Собственно-лингвистические соображения побуждают прибегать к процедурам, позволяющим привести диалекты «к общему знаменателю». Хауген описывает три такие процедуры – *компаративную*, *архаизирующую* и *статистическую*. Компаративная процедура заключается в том, чтобы применить к родственным диалектам принцип языковой реконструкции, «восстанавливая гипотетический, родной для всех язык» [Хауген 2012, с. 110]. Архаизирующая процедура предлагает «опереться на некий реальный или предполагаемый родной язык, сохранившийся в старых, традиционных памятниках письменности» [Хауген 2012, с. 110]. Статистическая процедура сводится к тому, чтобы «комбинировать формы, имеющие самое широкое хождение, в надежде, что так они будут легче приняты большинством» [Хауген 2012, с. 110]. Роль социолингвистического фактора заключается в том, что группы, привилегированные в экономическом, социальном и / или культурном отношении, имеют больший вес в вопросах выбора диалектной основы стандартного языка. Ниже мы покажем, как эти факторы взаимодействовали при создании нового сербскохорватского стандарта.

Караджич выбрал в качестве диалектной основы стандартного языка восточногерцеговинский диалект, относящийся к числу иекавских штокавских диалектов, а точнее – к *новоштокавским* иекавским диалектам. *Новоштокавскими* эти диалекты названы по наличию общих для них инноваций, наиболее заметной из которых является инновация в системе ударения [Okuka 2008, s. 55; Corbett, Browne 2009, pp. 333, 337]. Подобный выбор был во многом обусловлен личными пристрастиями Караджича: к этому диалекту принадлежал его родной говор [Ивич 2017, с. 196–197]. Описание говора села Тршич, родины Караджича, легло в основу *opus magnum* лингвиста – Сербского словаря (*Српски рјечник*) 1818 г. Восточногерцеговинский диалект представлен в литературных трудах Караджича, в том числе в его переводе Нового Завета и в сборниках народных песен в его редакции.

---

¹³ Впервые опубликовано: *Haugen E. Dialect, Language, Nation // American Anthropologist. 1966. Vol. 68. Iss. 4. P. 922–935.*

В Загребе штокавскую основу для стандартного языка независимо от Вука предложили иллирийцы. (Напомним, что Загреб находится в зоне распространения диалектов другого наречия – кайкавского. Несмотря на то что в начале XIX в. Загреб был развитым экономическим и культурным центром, его политическое влияние ограничивалось небольшой территорией [Ивич 2017, с. 190–191].) Образцом для подражания им послужили престижный литературный язык Дубровника и лежащее в его основе городское койне, которые также принадлежали к восточногерцеговинской диалектной зоне [Ивић 1985, с. 132–156].

Преимущество новоштокавских диалектов перед другими заключалось в том, что они распространялись на обширной территории, охватывающей ареалы расселения всех четырех наций – сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев [Ивић 1985, с. 27; Brozović, Ivić 1988, s. 99–101; Okuka 2008, s. 55]. Такая диалектная картина сложилась в XVI–XVII вв., в результате миграций, вызванных турецким завоеванием Балкан [Ивич 2017, с. 64–97; Ивић 1998, с. 96–100]. Выбор группы диалектов, понятных большинству населения, близок к статистической процедуре Хаугена, с той разницей, что отбирается целый идиом, а не отдельные черты различных идиомов. Выбор новоштокавской основы был вполне логичным и не вызвал существенных возражений. Сложнее оказалось обосновать выбор именно иекавского диалекта.

Теоретическое обоснование, приводимое Вуком, заключалось в том, что иекавские говоры лучше отражали архаичное состояние вокализма, в то время как в экавских говорах *ě совпал с *e*, а в икавских – с *i*. Аргумент о «полноте» иекавицы «содержит в себе интуитивное ощущение, что только это наречие сохраняет звуковую особенность ятя, которая стерта в экавице и икавице» [Ивич 2017, с. 199], и напоминает компаративную процедуру Хаугена. В связи с этим отметим, что система консонантизма также подверглась архаизации. Так, в койне Дубровника и говорах боснийско-герцеговинской городской мусульманской диаспоры сохранялись старые сочетания фонем *tj*, *dj*, которые в говоре Тршича перешли в аффрикаты палатального ряда *č* и *đ* соответственно. В 1836 г. было принято решение восстановить в стандартном языке сочетания *tj*, *dj* (в результате варианты типа *čerati* ‘гнать’, *đeca* ‘дети’ были заменены на варианты типа *tjerati*, *djeca*), а также восстановить фонему *h*, которая исчезла в родном говоре Караджича, однако сохранилась в некоторых говорах Черногории [Ивич 2017, с. 198].

Однако – и здесь сыграл роль социолингвистический фактор – сербская интеллектуальная элита владела другим диалектом штокавского наречия – воеводинско-шумадинским, который также яв-

ляется новоштокавским, но принадлежит к экавскому типу [Ивић 1985, с. 69–70]; экавские новоштокавские диалекты распространены на востоке, на большей части Сербии, тогда как иекавские новоштокавские диалекты расположены к западу от экавских, на территории юго-западной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины и Хорватии [Corbett, Browne 2009, p. 334].

Пересчет с экавского варианта на иекавский представляет собой нетривиальную задачу; необходимо учитывать целый ряд факторов: какое *e* соответствует этимологическому *e, а какое – этимологическому *ě; был *ě долгим или кратким [Corbett, Browne 2009, p. 334], в каком окружении он находился etc. О сложности правил, регулирующих отражение этимологического *ě в иекавских диалектах, свидетельствуют следующие примеры¹⁴: *bijelo* ‘белое’, *bjelina* ‘белизна’ с переходом *ě > *ije* / *je*, ср. старославянское БЪЛЬ из праславянского **bělo*¹⁵; *mreža* ‘сеть’ с переходом *ě > *e*, ср. старославянское МРЪЖА из праславянского **merža*¹⁶; *donio* ‘принёс’ с переходом *ě > *i*. Нежелание осваивать столь сложную систему вполне объяснимо; показательно, что некоторые из учеников Караджича, носители экавских идиомов, воодушевленные примером учителя и красотой народных песен, пытались писать на иекавском варианте, но впоследствии возвращались к родной экавице [Ivić 1984, p. 325]. В результате в дополнение к иекавскому был разработан второй вариант сербскохорватского стандартного языка – экавский.

Таким образом, уже на начальном этапе своего существования стандартный сербскохорватский язык, с его двумя основными вариантами, экавским («восточным», «сербским») и иекавским («западным», «хорватским»), созданными на основе близкородственных диалектов одного наречия, представлял собой неустойчивую систему, крайне чувствительную к состоянию общества.

3. Столетие истории сербскохорватского языка

Вторая половина XIX и первая половина XX в. стали эпохой перемен, которые привели к ослаблению центростремительных сил и росту центробежных.

---

¹⁴ Narodne novine. 1850. №76 [Электронный ресурс]. URL: <https://u.to/TcmGGQ> (дата обращения 8 сентября 2020).

¹⁵ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 (*bez – *bratъ) / Ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1975.

¹⁶ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 18 (*matoga – *mękyška). М.: Наука, 1993.

В 1850 г. было подписано Венское литературное соглашение между представителями сербской и хорватской интеллигенции¹⁷. Первый пункт соглашения гласит, что в качестве основы для литературного языка следует избрать одно из существующих наречий. Согласно второму пункту, на роль такого наречия лучше всего подходит *южное* (штокавское), поскольку: а) на нем говорит больше всего носителей; б) оно ближе всех прочих к старославянскому языку, а следовательно, и к остальным славянским языкам¹⁸; в) на нем сложены почти все народные песни; д) на нем написана старая дубровницкая литература; е) им пользуется большая часть современных авторов. Дальнейшие пункты касаются решения более частных проблем.

В деятельности югославских просветителей можно усмотреть применение всех трех процедур по Хаугену: статистической (выбор штокавского наречия: пункты а, в, е), архаизирующей (выбор штокавского наречия: пункты б, д) и компаративной (восстановление архаичного консонантизма, предпочтение иекавского рефлекса *ě). Однако приоритет над всеми этими процедурами имело требование брать за основу реально существующие современные говоры.

Особого внимания заслуживает положение «единому народу необходима единая литература» – формула, которой открывается соглашение. Павле Ивич отмечал, что «эта формула отражает романтическую иллюзию возможности национального единства сербов и хорватов» [Ivić 1984, p. 328]. Сама идея идентифицировать язык и нацию также возникла под влиянием философии романтизма. Возникшая в эпоху романтизма, концепция «один язык = один народ = одно государство» прочно укоренилась на Балканах [Thomas 1998, pp. 27–28; Greenberg 2004, p. 9].

Вторая половина XIX в. проходит в атмосфере сотрудничества между сербскими и хорватскими лингвистами. В этот период осуществляется обогащение лексикона, в частности разработка научной, юридической и административной терминологии, нормализация орфографии, кодификация нового стандартного языка в грамматиках и словарях; тогда же закрепляется двойное название *сербскохорватский / хорваткосербский, хорватский или сербский*¹⁹.

С течением времени центристское движение ослабло и сменилось центробежным. Павле Ивич связывает начало обостре-

¹⁷ Narodne novine; [Greenberg 2004, pp. 24–29].

¹⁸ Такое представление, по всей видимости, возникло под влиянием православной книжной традиции, которая была полностью штокавской.

¹⁹ Впервые двойное название сербско-хорватский появляется в 1818 г. в трудах Якоба Гримма. В 1822 г. его начинает использовать словенский филолог Ерней Копитар, друг и учитель Караджича. Однако официальный статус за этим названием закрепляется лишь в 60-е гг. XIX в. [Thomas 1994, pp. 251–252].

ния отношений между сербами и хорватами с австрийской оккупацией Боснии и Герцеговины в 1878 г. [Ивич 2017, с. 204–205]. События Первой мировой войны, когда сербы и хорваты оказались по разную сторону баррикад, также не могли не сказаться на взаимоотношениях между двумя нациями [Ivić 1984, pp. 334–335]. Образование в 1918 г. независимого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) привело к упразднению того внешнего давления, которое поддерживало действие центристских сил. Единообразие языка теперь начинает восприниматься как угроза национальной самобытности. По мере ослабления центристских сил возрастает стремление к отграничению от родственных народов, в том числе и в языковом плане. Немногочисленные попытки унификации вариантов сербскохорватского языка, предпринимавшиеся в 10–20-е гг. XX в., не имели успеха. Так, весной 1914 г. известный сербский критик и историк литературы Йован Скерлич предложил, чтобы носители иекавского произношения перешли на экавицу, а кириллица была повсеместно заменена латиницей²⁰; эта инициатива получила поддержку лишь ограниченного круга хорватских интеллектуалов [Ivić 1984, pp. 334–335]. Предложенный королем Югославии Александром I в 1929 г. проект унификации языка также не получил широкой поддержки, а в Загребе и вовсе был встречен враждебно [Ivić 1984, p. 335].

Кульминацией дезинтеграционных процессов стали события конца 30-х – первой половины 40-х гг. В 1939 г. было принято решение о создании полуавтономной Хорватской бановины²¹ [Валев и др. ред. 1963, с. 169], а во время Второй мировой войны было образовано Независимое государство Хорватия, просуществовавшее с 1941 по 1945 г. [Багдасаров 2004, с. 31]. Хорватская языковая политика этого периода отличалась экстремальным пуризмом: помимо тяги к искоренению «нехорватских» элементов, этот период ознаменован созданием проекта этимологической орфографии (*korijenski pravopis*) [Ivić 1984, p. 335; Thomas 1994, p. 240–241], в противовес фонемно-ориентированной орфографии Вука и его последователей [Corbett, Browne 2009, p. 332].

В послевоенной Югославии был провозглашен принцип равноправия и самоопределения ее народов. В состав Федеративной На-

---

²⁰ Эта мера была направлена на стирание различий между двумя основными вариантами языка: «западным» и «восточным». Иекавизм и латиница являются отличительными чертами «западного», условно хорватского, варианта, а экавизм и кириллица – «восточного», условно сербского, варианта.

²¹ Бановина – административно-территориальная единица в Королевстве Югославия.

родной Республики Югославия вошли шесть республик и две автономии: Босния и Герцеговина; Македония; Сербия с автономным краем Воеводина и автономной областью Косово и Метохия; Словения; Хорватия; Черногория. Среди республик, сформированных по этническому принципу, Босния и Герцеговина выделялась своим полинациональным составом, представляя своего рода «Югославию в миниатюре». Сербский, хорватский, македонский и словенский языки в официальных документах 1940-х гг. были признаны равноправными на всей территории государства [Багдасаров 1994, с. 198; Багдасаров 2004, с. 30–31]. Языковая политика Югославии отражала сложность взаимоотношений между федеративными республиками, обладавшими достаточно высокой степенью автономии.

В 1940-х гг. официальными языками Югославии были признаны сербскохорватский в двух его вариантах, словенский и македонский [Невекловский 2002, с. 129, 131; Багдасаров 2004, с. 30–31]. Де-факто сербскохорватский занимал доминирующее положение, выступая в качестве языка-«макропосредника» (термин А.Р. Багдасарова), который выполнял функцию языка межэтнической коммуникации и обслуживал государственные нужды, в том числе представлял государство на международном уровне; владение сербскохорватским обеспечивало свободу коммуникации и упрощало социальную интеграцию, следствием чего было развитие билингвизма в национальных республиках и автономиях [Багдасаров 2004, с. 31–32; Corbett, Browne 2009, p. 333].

По вопросу о вариантах сербскохорватского языка высказывались две противоположные точки зрения. Согласно одной из них – ее можно назвать *сепаратистской* – понятию сербскохорватский язык в реальности соответствует сумма двух (или более) самостоятельных вариантов. Такая точка зрения получила большую популярность после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия и образования на ее территории независимых государств. Другая – *унитаристская* – программа настаивала на слиянии вариантов и нивелировании различий между ними в интересах единства языка. Вариантные единицы рассматривались как источник обогащения языка путем закрепления за элементами вариантной пары различных семантических и / или стилистических оттенков.

В сентябре 1953 г. Матица Сербская²² провела опрос среди югославских лингвистов, писателей, поэтов, журналистов и об-

---

²² Матица Сербская (*Матица Српска*) – старейшее литературное, культурное и научное учреждение сербского народа. Основана в 1826 г., см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maticasrpska.org.rs> (дата обращения 8 сентября 2020).

ществленных деятелей с целью кодификации вариантов сербскохорватского языка. По результатам этого опроса в декабре 1954 г. в Нови-Саде было проведено совещание, завершившееся подписанием *Новосадского договора*. Согласно положениям этого договора, *народный язык сербов, хорватов и черногорцев*²³ представляет собой единый язык; созданный на его основе стандартный язык также представляет собой единый язык с двумя произносительными вариантами, экавским («восточным») и иекавским («западным»); официальное название языка должно включать в себя два компонента, указывающих на две говорящих на этом языке нации – сербскую и хорватскую; два произносительных варианта и два алфавита, кириллический и латинский, признаются равноправными. Было принято решение о создании единого орфографического словаря, многотомного толкового словаря и терминологических словарей. Предполагалось, что они будут выходить в двух изданиях – кириллическом экавском под редакцией Матицы Сербской и иекавском на латинице под редакцией Матицы Хорватской²⁴. Первый том орфографического словаря был опубликован в 1960 г.; первые два тома толкового словаря вышли в 1967 г. и были встречены бурной критикой в Загребе [Ивич 2017, с. 223–224; Багдасаров 1994, с. 203]; в дальнейшем толковый словарь разрабатывался в одностороннем порядке сербской стороной; терминологические словари так и не были выпущены.

В ходе полемики хорватская сторона упрекала своих оппонентов в том, что, вопреки постановлению Новосадского договора о равноценности двух вариантов сербскохорватского языка, на практике предпочтение отдавалось «восточному» варианту. Так, например, до 1971 г. ежегодный «Статистический календарь» публиковался на нескольких языках, исключая «хорваткосербский» («западный» вариант сербскохорватского); по загребскому радио новости дня до 1958 г. транслировались с экавской нормой произношения; в издаваемых в Белграде словарях и пособиях лексика, употребляемая преимущественно в хорватской среде, характеризовалась как областная и менее приемлемая и т. п. [Багдасаров 2004, с. 34–35].

---

²³ Боснийцы в данном документе не упоминались, что вызвало нареkania со стороны боснийских лингвистов.

²⁴ Матица Хорватская (*Matica Hrvatska*) – старейшее литературное, культурное и научное учреждение хорватского народа. Основана в 1842 г., см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.matica.hr> (дата обращения 8 сентября 2020).

Рост разногласий в вопросах языковой политики совпадает с усилением дезинтеграционных процессов. Сложившуюся ситуацию описал А.Р. Багдасаров:

Тенденции к обособлению югославского народного хозяйства в границах республик и краев, к переходу от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межнациональные противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингворегионализму, дивергентному развитию языка [Багдасаров 1994, с. 202].

17 марта 1967 г. в загребской газете «Телеграм» («Телеграмма») была опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка» [Багдасаров 1994, с. 202]. В «Декларации» утверждалось, что хорватский вариант языка находится в неравноправном положении по отношению к сербскому, и ставился вопрос о конституционном признании хорватского и сербского в статусе отдельных языков. Сербская сторона ответила на это, опубликовав 3 апреля того же года в газете «Борба» («Борьба») манифест «Предложение для размышления», в котором предлагалось аннулировать результаты Венского соглашения и Новосадского договора и декларировалось право на самостоятельное развитие сербского и хорватского языков [Багдасаров 1994, с. 203]. Оба манифеста были осуждены центральной властью как проявление сепаратизма, однако они были лишь симптомами усиления центробежных тенденций.

В этот период пробуждается интерес к *литературным микро-языкам* (термин принадлежит А.Д. Дуличенко, см. [Дуличенко 2005]) Хорватии – чакавскому и кайкавскому. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. создаются литературные общества «*Šakavski sabor*» («Чакавский собор») и «*Kajkavsko spravišće*» («Кайкавский собор»), начинают издаваться журналы «*Šakavska rič*» («Чакавское слово», Сплит) и «*Kaj*» («Что», Загреб) [Дуличенко 2004, с. 70, 101]²⁵.

В 1969 г. в Черногории группа патриотов выступила с идеей создания самостоятельного черногорского языка [Ивич 2017,

---

²⁵ Названные общества действуют до сих пор, см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://kaj-spravisce.hr> (дата обращения 8 сентября 2020); <https://www.cakavskisabor.hr> (дата обращения 8 сентября 2020).

с. 232]. Черногорский вариант языка является иекавским, но при этом в нем преобладает «восточная» лексика и используется кириллическое письмо [Ивич 2017]. Отличительной чертой черногорского варианта является наличие сегмента *iје* в ряде грамматических форм вместо *i* в соответствующих сербских (и хорватских) формах: Ген. Pl. черн. *dobrijeh* / хорв. и серб. *dobrih* 'добрых'; 1 Sg. Neg. от глагола 'быть' черн. *nijesam* / хорв. и серб. *nisam* 'я не есмь' [Neweklowsky 1998, p. 49].

В это же время возрастает внимание к языковой ситуации в Боснии и Герцеговине. В 1970 г. в Сараево состоялся Симпозиум по языковой толерантности (*Sarajevski simpozijum o jezičkoj toleranciji*), на котором подчеркивалось, что язык в Боснии и Герцеговине развивался в особых условиях и что в нем отражается как самобытное боснийское наследие, так и влияние национальных культур других народов, населяющих территорию распространения сербскохорватского языка [Zaključci 1970; Hodžić 2020]. О гетерогенности как отличительной черте боснийского варианта говорится и в статье [Dizdar 1969], предвещающей сборник старинных боснийских текстов. Речь здесь идет, как нам представляется, об оригинальности боснийского варианта, которая не сводится к «интерференции» восточного и западного вариантов²⁶.

Принятая в 1974 г. новая конституция дала республикам большую независимость, в том числе и в вопросах языка, и признала автономию двух областей – Косово и Воеводины. Официальным языком в Хорватии был провозглашен «хорватский литературный язык – стандартная форма литературного языка хорватов и сербов в Хорватии, который именуется хорватский или сербский» [Багдасаров 2004, с. 42]; в Сербии – сербскохорватский; в Боснии и Герцеговине – сербскохорватский / хорватскосербский в иекавской произносительной норме; в Черногории – сербскохорватский в иекавской произносительной норме; в Словении – словенский; в Македонии – македонский; в Косово – албанский, сербскохорватский и турецкий; в Воеводине – сербскохорватский / хорватскосербский, венгерский, словацкий, румынский и русинский [Багдасаров 2004]. На первый план – как видно из обостренного внимания к лингвонимам – здесь выходит символическая функция языков и вариантов языка, их роль средства национальной самоидентификации [Хауген 2012, с. 104–105].

---

²⁶ Точка зрения, представленная в [Брозович 1967; Brozović, Ivić 1988; Brozović 1992], см. ниже п. 5.

4. Различия между вариантами стандартного сербскохорватского языка

Различия между вариантами стандартного сербскохорватского языка прослеживаются на нескольких уровнях. До сих пор мы упоминали два различия: на фонологическом уровне – экавское vs иекавское отражение *ǣ; в графике – кириллический vs латинский алфавит. Эти два признака отличаются от прочих тем, что смешение двух произносительных вариантов или двух алфавитов в одном тексте является недопустимым (разумеется, речь не идет о переклещении кодов). Однако с тем, что касается территориального распределения экавицы / иекавицы и кириллического / латинского алфавита, дело обстоит сложнее: экавское произношение распространено в Сербии, иекавское – на юго-западе Сербии, в Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине, в том числе среди сербского населения²⁷; и в то время как кириллица не получила широкого распространения на западе, латиница в Сербии к середине XX в. «укоренилась настолько, что возможность легко отказаться от нее исключена» [Ивич 2017, с. 237]²⁸.

Различия на других уровнях проводятся не столь последовательно и / или затрагивают лишь отдельные участки системы. К морфонологическому уровню мы относим различия, касающиеся фонемного состава идентичных морфем и не сводимые к различиям на фонологическом уровне (мы отдаем себе отчет в произвольности такого решения). К этому уровню мы относим:

а) упоминавшиеся выше в п. 3 пары Gen. Pl. черн. *dobrijeh* / хорв. и серб. *dobrih* ‘добрых’, 1 Sg. Neg. черн. *nijesam* / хорв. и серб. *nisam* ‘я не есмь’ [Neweklowsky 1998, p. 49]²⁹;

б) сохранение этимологического *h*³⁰, характерное для хорватского [Невекловский 2001, с. 42; Brozović 1992, p. 366] и боснийского [Гудков 2001] вариантов vs выпадение этимологического *h*

²⁷ Так, в самопровозглашенной Республике Сербская Краина на территории Хорватии школьное обучение и средства массовой информации в 1993 г. были переведены на экавский вариант из солидарности с Сербией, в то время как население говорило на иекавице [Thomas 1994, p. 239].

²⁸ Впоследствии, в интервью 1992 г., Ивич выскажет мнение, что владение латиницей давало сербам преимущество в Югославии эпохи Тито, но после возникновения самостоятельного государства предпочтение следует отдать кириллице [Thomas 1994, p. 246].

²⁹ Различие между *nijesam* и *nisam* можно трактовать как различие в фонемном составе корня со значением ‘быть’ – /jes/ vs /s/.

³⁰ Мы выделяем этот признак в отдельный пункт, следуя цитируемым описаниям вариантов.

(с заменой на согласный *v* или *j* в интервокальной позиции) в сербском варианте: *hrđavi* / *rdavi* 'ржавый', *kuhati* / *kuvati* 'варить, готовить', *lijeha* / *leja* 'грядка', *halva* / *alva* 'халва' (здесь и далее, если не указано иное, слева приводится «западный» вариант, справа – «восточный»³¹);

с) варианты окончаний определенных прилагательных: Gen. Sg. Masc. / Neutr. *bogatoga* / *bogatog* 'богатого', Dat. Sg. Masc. / Neutr. *bogatome*, *bogatomu* / *bogatom* 'богатому', Loc. Sg. Masc. / Neutr. *bogatome* / *bogatom* 'богатом' [Гудков 1969, с. 33–35; Thomas 1994, р. 241]. В [Гудков 1969, с. 35] описываются как равноправные все перечисленные варианты, кроме варианта Dat. Sg. Masc. / Neutr. *bogatomu* 'богатому', который встречается «чаще в западной разновидности литературного языка, чем в восточной»;

d) варианты словообразовательных суффиксов *-ero* / *-oro* в парах типа *petero* / *petoro* 'пятеро' и т. п. [Невекловский 2001, с. 43];

e) варианты корней в парах типа *tko* / *ko* 'кто', *opći* / *opšti* 'общий', *kemija* / *hemija* 'химия', *kirurg* / *hirurg* 'хирург', *ocean* / *okean* 'океан' [Невекловский 2001, с. 43; Brozović 1992, pp. 366–368];

f) расхождения в акцентуации между западным и восточным вариантом, например *zòvĕmo* / *zovĕmo* 'зовём', *zà mene* / *za mĕne* 'за меня' [Невекловский 2001, с. 42].

Различия на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях заключаются в предпочтении тех или иных морфем, синтаксических оборотов и лексем и носят, как отмечается в [Гудков 1965; Thomas 1994, pp. 241–246], вероятностный характер.

В числе морфологических различий можно назвать следующие:

a) выбор словообразовательных аффиксов, е. г. *organizirati* / *organizovati* 'организов(ыв)ать', *intervjuirati* / *intervjuisati* 'интервьюировать', *studentica* / *studentkinja* 'студентка', *profesorica* / *profesorka* 'преподавательница' [Невекловский 2001, с. 43];

b) выбор типа склонения существительных: первое *slavist* / второе *слависта* 'славист';

с) окончание Nom. Sg. гипокористических имен, изменяющихся по второму склонению: *zeka* / *zeka* 'зайка' [Brozović 1992, р. 368];

d) Gen. Pl. существительных второго склонения. Ко второму склонению принадлежат существительные женского и мужского

³¹ Употребленные без кавычек лингвонимы сербский, черногорский, боснийский, хорватский обозначают варианты сербскохорватского языка, принятые в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине и Хорватии соответственно. Употребленные в кавычках названия «сербский» и «хорватский» являются синонимами к названиям «восточный» и «западный» вариант сербскохорватского языка соответственно.

рода с окончанием *-a*: е. г. *majka* f. ‘мать’, *nada* f. ‘надежда’. Многие существительные второго склонения с основой на группу согласных $-C_1C_2$ образуют форму Gen. Pl. двумя или тремя различными способами: 1) при помощи окончания *-ī*; 2) при помощи окончания *-ā*, со вставным *ā* между C_1 и C_2 или без него. Так, от *majka* образуются формы Gen. Pl. *majki*, *majka*, *majaka* ‘матерей’, от *bitka* ‘битва’ – *bitki* и *bitaka* ‘битв’, от *sumnja* ‘сомнение’ – *sumnji* и *sumanja* ‘сомнений’, от *borba* ‘борьба’ – *borbi* и *borba* etc. [Гудков 1965, с. 54; Гудков 1969, с. 30–31; Thomas 1994, p. 241]. Согласно [Гудков 1965], в «сербском» варианте преобладают формы на *-ī*, в «хорватском» – на *-ā*;

е) Instr. Sg. существительных третьего склонения. К третьему склонению принадлежат существительные женского рода с нулевым окончанием: е. г. *stvar* f. ‘вещь’, *pamet* f. ‘ум’, *vlast* f. ‘власть’. У большинства из них форма Instr. Sg. образуется при помощи окончания *-ju*: *stvarju* ‘вещью’, *pameću* ‘умом’, *vlašću* ‘властью’; образование формы Instr. Sg. при помощи окончания *-ju* сопровождается в ряде случаев чередованием в основе, обусловленным палатализацией предшествующего согласного. Некоторые существительные третьего склонения допускают также образование формы Instr. Sg. при помощи окончания *-i* (*stvari* ‘вещью’) или образуются преимущественно / исключительно при помощи окончания *-i* (*kokoši* ‘курицей’, *tomčadi* ‘парнями’ coll.) [Гудков 1969, с. 32–33]. Согласно [Гудков 1965], у существительных третьего склонения с исходом основы на *-ost* в «сербском» варианте языка формы Instr. Sg. образуются практически исключительно при помощи окончания *-ju*, тогда как в «хорватском» встречаются формы с окончанием *-i*: *starosti* / *starošću* ‘старостью’ от *starost* ‘старость’, *gluposti* / *glupošću* ‘глупостью’ от *glupost* ‘глупость’. Согласно [Brozović 1992, pp. 368–369], существительные третьего склонения в «хорватском» варианте принимают окончание *-i* в том случае, если при них есть предлог или определение (*attribute*), в то время как «сербский» вариант использует форму с окончанием *-ju* в обоих случаях: *jednom riječi* / *jednom rečju* ‘одним словом’;

ф) Nom. Pl. существительных первого склонения. К первому склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием и существительные среднего рода с окончанием *-o* или *-e*. У некоторых существительных мужского рода первого склонения форма Nom. Pl. может образовываться двумя способами – при помощи окончания *-i* и при помощи окончания *-ovi*, причем первый способ более обычен для «хорватского», а второй – для «сербского» варианта: *grijesi* / *grehovi* ‘грехи’, *švi* / *šavovi* ‘швы’, *zvijeri* / *zverovi* ‘звери’ (образование формы Nom. Pl. может сопровождаться чере-

дованиями в основе); однако в обоих вариантах языка наблюдаются отклонения в пользу другого способа [Гудков 1965, с. 55–56];

г) соотношение определенных и неопределенных прилагательных. Согласно [Thomas 1994, p. 241], в «хорватском» варианте языка наблюдается более широкое употребление неопределенных форм по сравнению с «сербским» вариантом;

h) сохранение так называемых усложненных форм сослагательного наклонения типа *bio bih znao* ‘знал бы’, выражающих контрфактическое значение, характерно для «хорватского» варианта [Гудков 1965, с. 56; Гудков 1969, с. 61].

Отличительной синтаксической чертой «сербского» варианта обычно называют сокращение употребления конструкций с инфинитивом в пользу конструкций с союзом *da* и презенсом – особенность, объясняемая влиянием языков балканского языкового союза [Thomas 1994, p. 241], в которых инфинитив отсутствует³², ср. замечание в [Алановић, Ајџановић 2010, s. 20] о том, что инфинитив представлен в северо-западных говорах значительно шире, чем в юго-восточных.

Так, целевая конструкция с инфинитивом типа *došao pitati* ‘пришел спросить’ сохраняется в «хорватском» варианте и вытеснена конструкциями типа *došao da pita* в «сербском» [Гудков 1965, с. 57].

Значение будущего времени в независимом предложении может быть выражено двумя способами: 1) при помощи будущего I, которое образуется путем прибавления форм вспомогательного глагола *hteti* ‘хотеть’ к инфинитиву, е. г. *ja ću raditi* ‘я буду работать’, *ja neću raditi* ‘я не буду работать’; 2) при помощи конструкции со вспомогательным глаголом *hteti*, союзом *da* и презенсом, е. г. *ja ću da radim* ‘я буду работать’, *ja neću da radim* ‘я не буду работать’ [Гудков 1965, с. 57–58; Гудков 1969, с. 58–59]. Последние могут выражать, помимо футурального, также модальные значения [Гудков 1969, с. 59; Алановић, Ајџановић 2010, с. 17–18]. Конструкции с *da* более употребительны в «сербском» варианте языка, однако, как показано в [Гудков 1965; Алановић, Ајџановић 2010], неверно было бы делать вывод об отсутствии этих конструкций в «западном» варианте стандарта или об отсутствии будущего I с инфинитивом в «восточном» варианте.

Будущее II образуется путем прибавления форм презенса от основы совершенного вида вспомогательного глагола *biti* ‘быть’ к

---

³² *Нерознак В.П.* Балканский языковой союз // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 63–64; *Mišeska Tomić O.* Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features. Dordrecht: Springer, 2006.

причастию прошедшего времени на *-l*, е. г. [*kada*] *budem radio* ‘[когда] я буду работать’ и употребляется в зависимых клаузах для обозначения действия, предшествующего другому действию в будущем. По наблюдениям в [Алановић, Ајџановић 2010, с. 23–24], «хорватский» вариант допускает замену будущего II на будущее I в придаточных предложениях времени, что для «сербского» варианта является неприемлемым.

Эти и некоторые другие различия в синтаксисе, морфологии и отчасти морфонологии носят неабсолютный характер и, определяя облик каждого из вариантов, не препятствуют взаимопониманию. То же можно сказать и о лексике. В работах, посвященных вариантам сербскохорватского языка, приводятся списки наподобие следующего: *kruh / hleb* ‘хлеб’, *žlica / kašika* ‘ложка’, *križ / krst* ‘крест’ etc., ср. также приводимую в [Brozović 1992, р. 373] пару для слова из списка Сводеша – *jetra / džigerica* ‘печень’. «Хорватский» вариант, с его тягой к пуризму, часто предпочитает исконные слова заимствованиям, е. г. *tisuća / hiljada* ‘тысяча’, *glazba / muzika* ‘музыка’, *zračna luka / aerodrom* ‘аэропорт’, *nogomet / fudbal* ‘футбол’, названия месяцев: *siječanj / januar* ‘январь’, *veljača / februar* ‘февраль’, *ožujak / mart* ‘март’ etc. [Багдасаров 1994; Багдасаров 2001; Багдасаров 2004; Greenberg 2004, pp. 48–50].

Для внешнего наблюдателя, ориентирующегося на коммуникативную функцию языка, сербскохорватский предстает как единый язык. К такому выводу приходит В.П. Гудков:

...грамматические расхождения между двумя разновидностями сербско-хорватского литературного языка характеризуются в основном количественными показателями. Между двумя вариантами нет существенных структурных различий. Функционируя в двух вариантах, своеобразие которых определяется главным образом лексическими расхождениями, сербско-хорватский язык остается в сущности своей единым [Гудков 1965, с. 59].

В [Гудков 2001] такая же оценка дана боснийскому варианту языка: «По своей материи и структуре *босняцкий* (“*боснийский*”) язык есть то же самое, что традиционно именовалось сербскохорватским языком».

По оценке П.-Л. Тома [Thomas 1994, pp. 252–253; Thomas 1998, pp. 35–36], разница между вариантами сербскохорватского языка не больше, чем между региональными вариантами английского, немецкого, французского, испанского или португальского, а стремление видеть в них разные языки коренится в устаревшей концепции «один язык = один народ = одно государство».

В случае с сербскохорватским, как нам представляется, ценность символической роли вариантов возрастала по мере усиления центробежных тенденций в условиях, когда другие конституирующие признаки нации, такие как территориальная и политическая автономия, не были реализованы в полной мере. Отсюда такие крайние проявления, как приводимый в [Багдасаров 1994, с. 207] ответ хорвата на просьбу передать хлеба (*hleba*): «Пока ты не скажешь *kruh*, не получишь ничего!» Там же упоминается о существовавшем в 50-е гг. XX в. запрете употреблять хорватские названия месяцев в языке администрации. Роберт Гринберг вспоминает следующий эпизод из своего пребывания в Хорватии в конце восьмидесятых: он рассказал принимающей стороне о своих планах на июль, употребив «восточное» название месяца *jul* вместо «западного» *sranj*; после этого одна из сотрудниц института отвела его в сторону, отчитала и заставила повторить за ней названия всех двенадцати месяцев [Greenberg 2004, p. 2].

Здесь уместно вспомнить рассуждение Э. Хаугена:

Группа, обладающая высокой степенью солидарности, будет стремиться преодолеть значительные языковые различия, тогда как для группы, не обладающей ею, даже небольшие различия станут основанием для отчуждения [Хауген 2012, с. 110].

5. Проблема вариантов сербскохорватского языка в работах Павле Ивича и Далибора Брозовича

Павле Ивич и Далибор Брозович, два выдающихся югославских лингвиста, представляющие сербскую и хорватскую стороны соответственно, отстаивали в своих работах положение о единстве сербскохорватского языка.

В монографии [Brozović, Ivić 1988] стандартный сербскохорватский язык определяется как язык сербов, хорватов, черногорцев и мусульман, представленный в нескольких вариантах (*varijanti standardnog jezika*, или *standardnojezični izrazi*), из которых два – *восточный*, *сербский*, и *западный*, *хорватский*, называемый также *хорватским литературным языком*, развились раньше других [Brozović, Ivić 1988, с. 99, 102–103]. Черногорский вариант, по мнению авторов, представляет собой, «в сущности, некавскую версию восточного варианта», тогда как боснийский вариант (*bosanskohercegovački standardnojezični izraz*) описывается как результат нейтрализации вариантов [Brozović, Ivić 1988, с. 103]. Теоретические основания такого решения изложены в статье [Брозович 1967].

Прежде всего Далибор Брозович строго разграничивает *стандартный язык* и *диасистему в ранге языка*. Он вводит классификацию идиомов, подразделяя их, во-первых, на *органические* и *неорганические* и, во-вторых, на *конкретные* и *абстрактные*. Органическими «считаются идиомы, развившиеся в рамках конкретной этнической общности», которые «удовлетворяют лишь ее собственные коммуникативные и экспрессивные потребности» [Брозович 1967, с. 4]. Согласно этому определению, органическим идиомом можно считать

...лишь говор социально монолитной, этнически гомогенной... замкнутой и устойчивой общности, с определенными особенностями культуры, т. е. *говор* отдельного села или группы сёл и деревень или говор какого-либо племени, рода... [Брозович 1967, с. 4].

Все остальные виды идиомов признаются неорганическими. Конкретными можно считать такие идиомы, которые «обладают четко определяемым инвентарем элементов своей субстанции и четко определяемой структурой» [Брозович 1967, с. 5], так что о каждом элементе субстанции или структуры можно однозначно утверждать, что он относится либо не относится к данному идиому. Конкретными признаются два вида идиомов – территориальный *говор* и *стандартный язык*. Все остальные идиомы неконкретны, причем «органические идиомы, иерархически более высокие, чем говор, *абстрактны*» [Брозович 1967, с. 5]. К абстрактным органическим идиомам принадлежит *диалект* как результат абстрагирования общих черт некоторого множества говоров и *язык* как результат абстрагирования общих черт некоторого множества диалектов. Понимаемый таким образом, *язык* получает название *диасистема в ранге языка*. Таким образом, *стандартный язык* – это конкретный неорганический идиом, а *диасистема в ранге языка* – это абстрактный органический идиом.

Стандартный язык может формироваться как на основе диасистемы в ранге языка, так и на органической основе более низкого ранга; может обслуживать одну нацию или несколько.

Если же субстанция и структура двух стандартных языков, принадлежащих одной диасистеме, не обнаруживают существенных различий, мы приближаемся к понятию *вариантов* стандартного языка [Брозович 1967, с. 16].

Брозович выделяет два варианта сербскохорватского языка – «хорватский» и «сербский», которые «имеют частично разную диа-

лектную основу» [Брозович 1967, с. 23]. Боснию и Герцеговину, по его мнению, «можно рассматривать как область, где скрещиваются особенности обоих вариантов» [Брозович 1967, с. 17], а черногорцы пользуются сербским вариантом в его иекавской разновидности. Практически и юридически, подчеркивает Брозович, варианты стандартного языка функционируют так же, как и отдельные стандартные языки.

Мы не находим у Брозовича строгой процедуры, которая позволяла бы провести границу между отдельным стандартным языком и вариантом. Но поскольку релевантными в вопросе о том, «имеет ли некоторый идиом характер стандартного языка», признаются «природа идиома как коммуникативного и экспрессивного средства определенной культуры» и «характер самой культуры» [Брозович 1967, с. 14], можно предположить, что решающую роль здесь должно играть самоопределение. Суждения Брозовича о боснийском и черногорском вариантах языка, по всей видимости, связаны с его представлениями о недостаточной определенности, нечеткости статуса боснийской и черногорской наций [Brozović 1992, p. 352]. Таким образом, в работах Далибора Брозовича придается важное значение символической функции языка (или, в данном случае, варианта).

Павле Ивич, утверждая, что «фундаментальная тождественность сербского и хорватского языков является объективной данностью» [Ивич 2017, с. 241], делает упор на коммуникативной функции. Идеальной лингвисту представляется ситуация, при которой варианты были бы достаточно близки, чтобы не препятствовать взаимопониманию, и при этом сохраняли свои самобытные черты, обогащая тем самым единый сербскохорватский язык. В своем стремлении доказать единство языка Ивич иногда пытается нивелировать культурные различия между нациями, иными словами, отрицает значимость символически нагруженных неязыковых различий. Так, рассуждая о роли литературной традиции Дубровника, Ивич подчеркивает, что «граждане Дубровника времен Республики не чувствовали себя ни сербами, ни хорватами» [Ивич 2017, с. 156], а сам этноним *хорваты* в его современном значении считает поздним, первоначально относившимся к небольшой этнической группе [Ivić 1984, pp. 321–322].

6. Боснийский и черногорский варианты

Боснийский и черногорский варианты долгое время оставались в тени, не получая должного внимания. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. боснийским лингвистам потребовалось изобрести изоциренный терминологический аппарат, чтобы описать языковую си-

туацию в Боснии и Герцеговине в терминах эластичной нормы и вариантной поляризации. В попытках сохранить хрупкое равновесие между сепаратизмом и унитаризмом они развивали идею единства в многообразии: право вариантов на существование признается до тех пор, пока они не претендуют на обособление и самостоятельность. В этот период провозглашается аутентичность боснийско-герцеговинского варианта, которая заключается в способности к нейтрализации вариантной оппозиции, порождающей и поддерживающей существование двух полярных вариантов [Janković 1982; Янкович 1991; Бастич 1991; Тошович 1991]. В сущности, такая точка зрения мало отличается от приводимой Брозвичем.

Иной позиции придерживается Джевад Яхич: главным аргументом в пользу существования боснийского языка является для него существование боснийской нации [Jahić 1987; Яхич 1991; Jahić 1999; Jahić et al. 2000]. В [Яхич 1991] Босния и Герцеговина описывается как «срединный ареал», а боснийский вариант – как «межвариантный сплав», и в то же время подчеркивается, что стандартный сербскохорватский язык возник на основе восточно-герцеговинских диалектов, «ядро которых находится на боснийско-герцеговинской территории». Характерно утверждение о том, что, даже если бы боснийский язык совершенно не отличался от сербского / хорватского, он был бы боснийским уже потому, что на нем говорят *босняки*³³. Бытовавшее в югославской лингвистике представление о несамостоятельном (смешанном) характере боснийского идиома расценивается как отрицание (*negiranje*) нации. Подобным образом рассуждает и черногорский лингвист В. Никчевич, утверждая, что «существование народа влечет за собой существование языка» и что «язык не может быть отделен ни от народа, ни от нации, ни от государства» [Nikčević, Šćepanović 1998]. Здесь вновь актуализируется идея «один язык = один народ = одно государство» и символическая функция идиома выдвигается на первый план.

Интересно отметить, что данная ситуация является как бы зеркальной по отношению к ситуации в Турции, описанной в [Blanc 2019]: националистически настроенные турецкие лингвисты склонны считать все тюркские языки диалектами одного языка, тогда как их оппонент Талат Текин, получивший образование в

---

³³ Под термином *босняки* (*bošnjaci*) понимается нация, а под термином *боснийцы* (*bosanci*) – все многонациональное население государства Босния и Герцеговина. При этом термин боснийский язык (*bosanski jezik*) обозначает язык босняков как нации.

США, настаивает на том, что это отдельные языки, исходя из (в общем случае) отсутствия взаимопонимания между их носителями, т. е. основываясь на коммуникативной функции языка. В странах бывшей Югославии наиболее радикально настроенные лингвисты настаивают на праве своего варианта на статус самостоятельного языка, игнорируя практически полное взаимопонимание между носителями различных вариантов, а зарубежные и более умеренные югославские лингвисты склонны описывать его как один язык с несколькими вариантами, полицентричный язык (*pluricentric language*) [Brozović 1992].

7. Заключение

Стандартный сербскохорватский язык, созданный в XIX в. как общий язык сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев, изначально существовал в нескольких вариантах. Эти варианты были достаточно близки для того, чтобы не мешать коммуникации; в то же время каждый вариант обладал символической значимостью как маркер соответствующего этноса. Мы рассмотрели историю бытования сербскохорватского языка от его возникновения до распада Югославии. Дальнейшая судьба вариантов сербскохорватского языка и их «потомков», новых стандартных языков на штокавской основе, – проблема, заслуживающая отдельного рассмотрения.

Литература

- Алановић, Ајџановић 2010 – Алановић М., Ајџановић М. Неке особености у дистрибуцији футурских времена у српском и хрватском језику // Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. Grammatik. Нг. Тошовић В. Münster: Lit Verlag, 2010. С. 17–27.
- Багдасаров 1994 – Багдасаров А.Р. Социолингвистический аспект языковых отношений в Хорватии и Сербии во второй половине XX века // Язык–культура–этнос / Отв. ред. Г.П. Нешиченко. М.: Наука, 1994. С. 198–210.
- Багдасаров 2001 – Багдасаров А.Р. Функционально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) // Славяноведение. 2001. № 1. С. 51–57.
- Багдасаров 2004 – Багдасаров А.Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–90-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова / Ред. Н.А. Ананьева, З.И. Карцева. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 30–48.

- Бастич 1991 – *Бастич Й.* Сербскохорватский язык: языковая политика в Боснии и Герцеговине // *Функционирование языков в многонациональном обществе* / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 72–88.
- Бернштейн 1961 – *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 352 с.
- Брозович 1967 – *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // *Вопросы языкознания.* 1967. № 1. С. 3–33.
- Бромлей и др. ред. 1963 – *История Югославии.* Том I / Ред.: Ю.В. Бромлей, И.С. Достян, В.Г. Карасёв, С.А. Никитин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 737 с.
- Валев и др. ред. 1963 – *История Югославии.* Том II / Ред.: Л.Б. Валев, Г.М. Славин, И.И. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 431 с.
- Гудков 1965 – *Гудков В.П.* О вариантах сербскохорватского языка // *Советское славяноведение.* 1965. № 3. С. 52–59.
- Гудков 1969 – *Гудков В.П.* Сербохорватский язык. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 169 с.
- Гудков 2001 – *Гудков В.П.* О статусе, структуре и названии литературного языка боснийских мусульман // *Исследования славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов междунар. конф. Москва, 30–31 октября 2001 г.* М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. С. 24–25.
- Даниэль 2019 – *Даниэль М.А.* Социоллингвистика // А.Е. Кибрик и др. Введение в науку о языке / Ред. О.В. Фёдорова, С.Г. Татевосов. М.: Буки Веди, 2019. С. 358–373.
- Дуличенко 2004 – *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов. Том II. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2004. 398 с.
- Дуличенко 2005 – *Дуличенко А.Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 595–615.
- Ивич 2017 – *Ивич П.* Сербский народ и его язык. М.: Индрик, 2017. 384 с.
- Ивић 1985 – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. II издање. Нови Сад: Издавачка радна организација Матице српске, 1985. 218 с.
- Ивић 1998 – *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1998. 348 с.
- Кибрик 2019 – *Кибрик А.Е.* Язык // Кибрик А.Е. и др. Введение в науку о языке / Ред.: О.В. Фёдорова, С.Г. Татевосов. М.: Буки Веди, 2019. С. 15–23.
- Кречмер, Невекловский 2005 – *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 139–198.
- Кречмер, Невекловский 2017 – *Кречмер А.Г., Невекловский Г.* Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки) // *Языки мира: Славянские языки* / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 151–212.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной лит., 1951. xvi + 491.
- Невекловский 2001 – *Невекловский Г.* Языковое состояние на территории распространения бывшего сербскохорватского языка // *Славяноведение.* 2001. № 1. С. 39–50.

- Невекловский 2002 – *Невекловский Г.* Языковая ситуация на территории распространения южнославянских языков // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 128–134.
- Сидоров 1952 – *Сидоров В.Н.* Предисловие // Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1952. С. 3–12.
- Симић 1996 – *Симић Р.* Смисао и донети књижевно-језичких реформа код срба на почетку XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане 25.02.1995. Београд; Нови Сад, 1996. С. 131–132.
- Супрун, Молдован 2005 – *Супрун А.Е., Молдован А.М.* Старославянский и церковнославянский язык // Языки мира: Славянские языки / Ред. колл.: А.М. Молдован, С.С. Скорвид, А.А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 29–69.
- Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
- Толстой 1998 – *Толстой Н.И.* Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Толстой Н.И. Избранные труды: В 3 т. Том II: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 22–29.
- Тошович 1991 – *Тошович Б.* Сравнительно-социолингвистическая парадигма югославно-советской языковой ситуации // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 102–130.
- Хауген 2012 – *Хауген Э.* Язык, диалект, нация // Социолингвистика и социология языка: Хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 97–113.
- Янкович 1991 – *Янкович С.* Вариантное расслоение сербскохорватского стандартного языка и боснийско-герцеговинский языковой тип // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 21–49.
- Яхич 1991 – *Яхич Дж.А.* О некоторых языковых тенденциях в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 402–417.
- Blanc 2019 – *Blanc J.-B.* Le turc est-il une langue ou une famille de langues ? // История лингвистики, история идей: Фестшриффт в честь Патрика Серио = Histories des linguistiques, histoires des idées: Mélanges offerts à Patrick Sériot / Ред. Морэ С., де Ля Фортель А. М.: ОГИ, 2019. С. 55–69.
- Brozović, Ivić 1988 – *Brozović D., Ivić P.* Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb: Miroslav Krleža, 1988. xi + 119.
- Brozović 1992 – *Brozović D.* Serbo-Croatian as a pluricentric language // Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations / Ed. M.G. Clyne. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 347–380.
- Corbett, Browne 2009 – *Corbett G., Browne W.* Serbo-Croat: Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian // The World's Major Languages / Ed. by B. Comrie. London; New York: Routledge, 2009. P. 330–346.
- Dizdar 1969 – *Dizdar M.* O starim bosanskim tekstovima // M. Dizdar. Stari bosanski tekstovi. Sarajevo: Svjetlost, 1969. S. 11–36.
- Friedman 1999 – *Friedman V.* Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans. Columbus, Ohio: Ohio State University, 1999. vii + 34.

- Greenberg 2004 – *Greenberg R.D.* Language and Identity in the Balkans. Oxford: Oxford University Press, 2004. 205 p.
- Hodžić 2020 – *Hodžić J.* Sociolingvistički uvidi u rasprave o bosanskom jeziku na *Mostarskom savjetovanju o književnom jeziku (1973)* i *Sarajevskom savjetovanju (2019)* // *Jezikoslovni zapiski*. 2020. Vol. 26. № 1. P. 129–142.
- Ivić 1984 – *Ivić P.* L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate. *Revue des études slaves*. 1984. Vol. 56. № 3. P. 313–344.
- Jahić 1987 – *Jahić Dž.* Uloga “bosanskog jezika” u procesima srpskohrvatske standardizacije // *Pregled*. 1987. № 2. S. 245–255.
- Jahić 1999 – *Jahić Dž.* Bošnjački narod i njegov jezik. Sarajevo: Ljiljan, 1999. 124 str.
- Jahić et al. 2000 – *Jahić Dž., Halilović S., Palić I.* Gramatika bosanskoga jezika. Zenica: Dom štampe, 2000. 476 str.
- Janković 1982 – *Janković S.* Distinktivni pokazatelji standardnojezičke varijantnosti. *Naše teme*. 1982. № 5. S. 841–851.
- Lehfeldt 2014 – *Lehfeldt W.* Herausbildung der Standardsprache bei Serben und Kroaten // *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2 / Eds. K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta. Berlin; Munich; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. S. 1446–1469.
- Lončarić 1996 – *Lončarić M.* 1996. Kajkavsko narječje. Zagreb: Školska knjiga, 1996. viii + 200 p.
- Neweklowsky 1998 – *Neweklowsky G.* The linguistic situation in Serbia and Montenegro // *Zeitschrift für Balkanologie*. 1998. Vol. 34. № 1. P. 48–55.
- Nikčević, Šćepanović 1998 – *Nikčević V., Šćepanović M.* Da li postoji crnogorski jezik? Radio-Most. 05.04.1998 [Электронный ресурс]. URL: www.montenet.org./language/karabeg.html (дата обращения 8 сентября 2020).
- Okuka 2008 – *Okuka M.* Srpski dijalekti. Zagreb: SKD Prosvjeta, 2008. 162 str.
- Rizvić 1996 – *Rizvić M.* Bosna i Bošnjaci. Jezik i pismo. Sarajevo: Preporod, 1996. 70 str.
- Thomas 1994 – *Thomas P.-L.* Serbo-Croate, Serbe, Croate..., Bosniaque, Monténégrin: une, deux..., trois, quatre langues? // *Revue des études slaves*. 1994. Vol. 66. № 1. P. 237–259.
- Thomas 1998 – *Thomas P.-L.* Fonction communicative et fonction symbolique de la langue sur l'exemple du serbo-croate : bosniaque, croate, serbe // *Revue des études slaves*. 1998. Vol. 70. № 1. P. 27–37.
- Zaključci 1970 – Zaključci Sarajevskog simpozijuma o jezičkoj toleranciji. Sarajevo, 1970. 194 str.

References

- Alanović, M. and Ajdžanović, M. (2010), “Some peculiarities in the distribution of future tenses in Serbian and Croatian”, in Tošović, B. (ed.), *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen / Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. Grammatik*, Lit Verlag, Münster, Germany, pp. 17–27.
- Bagdasarov, A.R. (1994), “Sociolinguistic aspect of linguistic relations in Croatia and Serbia in the 2nd half of the XXth century”, in Neshchimenko, G.P. (ed.), *Yazyk – kultura – etnos* [Language – culture – ethnicity], Nauka, Moscow, Russia, pp. 198–210.

- Bagdasarov, A.R. (2001), "Functional and political aspects of the functioning of the lexical system of the modern Croatian language (90-s of the XXth century)", *Slavyanovedeniye* [Slavic studies], no. 1, pp. 51–57.
- Bagdasarov, A. R. (2004), "The history of the evolution of Croatian-Serbian linguistic relations (1940–90. XX c.)", in: Anan'yeva, N.A., Kartseva Z.I. (eds.), *Slavyanskii vestnik. Vyp. 2: K 70-letiyu V.P. Gudkova* [Slavonic Bulletin, Issue 2: On V.P. Gudkov's 70th Birthday], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 30–48.
- Bastich, Y. (1991), "Serbo-Croatian language: language policy in Bosnia and Herzegovina", in Solntsev, V.M. (ed.), *Funkcionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 72–88.
- Bernstein, S.B. (1961), *Ocherk sravnitel'noy grammatiki slavyanskikh yazykov* [Study on comparative grammar of Slavic languages], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.
- Blanc, J.-B. (2019), "Le turc est-il une langue ou une famille de langues?", in Moret, S., de La Fortelle, A. (eds.), *Histoires des linguistiques, histoires des idées: Melanges offerts à Patrick Seriot*, OGI, Moscow, Russia, pp. 55–69.
- Bromley, Yu.V., Dostyan, I.S., Karasev, V.G. and Nikitin, S.A. (eds.) (1963), *Istoriya Yugoslavii* [History of Yugoslavia], vol. 1, Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.
- Brozović, D. (1967), "Slavic standard languages and the comparative method", *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in linguistics], no. 1, pp. 3–33.
- Brozović, D. (1992), "Serbo-Croatian as a pluricentric language", in Clyne, M.G. (ed.), *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations*, Mouton de Gruyter, Berlin; New York, Germany; US, pp. 347–380.
- Brozović, D. and Ivić, P. (1988), *Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*, Miroslav Krleža, Zagreb, Yugoslavia.
- Corbett, G. and Browne, W. (2009), "Serbo-Croat: Bosnian, Croatian, Montenegrin, Serbian", in B. Comrie (ed.), *The World's Major Languages*, Routledge, London; New-York, UK; US, pp. 330–346.
- Daniël', M.A. (2019), "Sociolinguistics", in Kibrik, A.E. et al., Fedorova, O.V., Tatevosov, S.G. (eds.), *Vvedeniye v nauku o yazyke* [Introduction to language sciences], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 358–373.
- Dizdar, M. (1969), "O starim bosanskim tekstovima", in M. Dizdar. *Stari bosanski tekstovi*, Svjetlost, Sarajevo, Yugoslavia, pp. 11–36.
- Duličenko, A.D. (2004), *Slavyanskiye literaturnyye mikroyazyki. Obraztsy tekstov* [Slavic literary microlanguages. Sample texts], vol. 2, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, Tartu, Estonia.
- Duličenko, A.D. (2005), "Minor Slavic literary languages (micro-languages)", in Moldovan, A.M., Skorvid, S.S., Kibrik, A.A. et al. (eds.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 595–615.
- Friedman, V. (1999), *Linguistic Emblems and Emblematic Languages: On Language as Flag in the Balkans*, Ohio State University, Columbus, Ohio, US.
- Greenberg, R.D. (2004), *Language and Identity in the Balkans*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Gudkov, V.P. (1965), "On the differences between the two variants of the Serbo-Croatian standard Language", *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic studies], no. 3, pp. 52–59.

- Gudkov, V.P. (1969), *Serbohorvatskii yazyk. Grammaticheskii ocherk, literaturnye teksty s kommentariyami i slovarom* [Serbo-Croatian. A grammatical sketch. Literary texts with commentaries and dictionary], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.
- Gudkov, V. P. (2001), "On the status, structure and name of the literary language of Bosnian Muslims", in *Issledovaniya slavyanskih yazykov v rusle traditsiyi sravnitel'no-istoricheskogo i sopolstavitel'nogo yazykoznanija. Informatsionnye materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva 30–31 oktyabrya 2001)* [Studies in Slavic languages in line with traditions of comparative and typological linguistics. Informational materials and abstracts of the International Conference (October 30–31 2001, Moscow)], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 24–25.
- Haugen, E. (2012), "Language, Dialect, Nation", in N.B. Vakhtin (ed.), *Sotsiolingvistiika i sotsiologiya yazyka. Hrestomatiya* [Sociolinguistics and sociology of language. Anthology], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [European University in St. Petersburg Press], Saint Petersburg, Russia, pp. 97–113.
- Hodžić, J. (2020), "Sociolingvistički uvidi u rasprave o bosanskom jeziku na *Mostarskom savjetovanju o književnom jeziku* (1973) i *Sarajevskom savjetovanju* (2019)", *Jezikoslovni zapiski*, vol. 26, no. 1, pp. 129–142.
- Ivich, P. (2017), *Serbskii narod i ego yazyk* [Serbian people and their language], Indrik, Moscow, Russia.
- Ivić, P. (1984), "L'évolution de la langue littéraire sur le territoire linguistique serbo-croate", *Revue des études slaves*, vol. 56, no. 3, pp. 313–344.
- Ivić, P. (1985), *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod u štokavsko narečje. II izdanje* [Dialectology of the Serbo-Croatian language. Introduction to the Štokavian dialect group. Second edition], Matica Srpska Press, Novi Sad, Yugoslavia.
- Ivić, P. (1998), *Pregled istorije srpskog jezika* [Review of the history of the Serbo-Croatian language], Zoran Stojanović's Publishing House, Sremski Karlovci; Novi Sad, Serbia.
- Jahić, Dž. (1987), "Uloga 'bosanskog jezika' u procesima srpskohrvatske standartizacije", *Pregled*, no. 2, pp. 245–255.
- Jahić, Dž. (1999), *Bošnjački narod i njegov jezik*, Dom štampe, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.
- Jahić, Dž., Halilović, S. and Palić, I. (2000), *Gramatika bosanskoga jezika*, Dom štampe, Zenica, Bosnia and Herzegovina.
- Janković, S. (1982), "Distinktivni pokazatelji standardnojezičke varijantnosti", *Naše teme*, no. 5, pp. 841–851.
- Kibrik, A.E. (2019), "Language", in A.E. Kibrik et al., O.V. Fedorova, S.G. Tatevosov (eds.), *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to language sciences], Buki Vedi, Moscow, Russia, pp. 15–23.
- Kretschmer, A.G. and Neweklowsky, G. (2005), "Serbocroatian (Serbian, Croatian and Bosnian)", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, pp. 139–198.
- Kretschmer A.G. and Neweklowsky G. (2017), "Serbocroatian (Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrin)", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 151–212.

- Lehfeldt W. (2014), "Herausbildung der Standardsprache bei Serben und Kroaten", in K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (ed.), *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. De Gruyter Mouton, Berlin; München; Boston, Germany; US, pp. 1446–1469.
- Lončarić M. (1996), *Kajkavsko narječje*, Školska knjiga, Zagreb, Croatia.
- Meillet A. (1951), *Obshcheslavjanskii yazyk* [Common Slavic language], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
- Neweklowsky, G. (1998), "The linguistic situation in Serbia and Montenegro", *Zeitschrift für Balkanologie*, vol. 34, no. 1, pp. 48–55.
- Neweklowsky, G. (2001), "Linguistic Situation on the Territory of the Former Serbo-Croatian Language", *Slavyanovedenie* [Slavic studies], no. 1, pp. 39–50.
- Neweklowsky, G. (2002), "The Linguistic Situation in the Area of Distribution of South Slavic Languages", *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in linguistics], no. 2, pp. 128–134.
- Nikčević, V. and Šćepanović, M. (1998), *Da li postoji crnogorski jezik? Radio-Most*. 05.04.1998, available at: www.montenet.org./language/karabeg.html (Accessed 8 September 2020).
- Okuka, M. (2008), *Srpski dijalekti*, SKD Prosvjeta, Zagreb, Croatia.
- Rizvić, M. (1996), *Bosna i Bošnjaci. Jezik i pismo*, Preporod, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina.
- Sidorov, V.N. (1952), "Introduction", in A. Vaillant, *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [Handbook of Old Church Slavonic], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, pp. 3–12.
- Simić, R. (1996), "The goals and significance of the reforms of literary language among the Serbs in the early 19th century", *Naučni sastanak lingvisti u Vukove dane*. 25.02.1995, *Beograd; Novi Sad, Serbia*, pp. 131–132.
- Suprun, A.E. and Moldovan, A.M. (2005), "Church Slavonic and Old Church Slavonic", in A.M. Moldovan, S.S. Skorvid, A.A. Kibrik et al. (ed.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the world: Slavic Languages], Academia, Moscow, pp. 29–69.
- Thomas, P.-L. (1994), "Serbo-Croate, Serbe, Croate., Bosniaque, Monténégrin: une, deux., trois, quatre langues?", *Revue des études slaves*, vol. 66, no. 1, pp. 237–259.
- Thomas, P.-L. (1998), "Fonction communicative et fonction symbolique de la langue sur l'exemple du serbo-croate: bosniaque, croate, serbe", *Revue des études slaves*, Vol. 70, no 1, pp. 27–37.
- Tolstoy, N. (1988), *Istoriya i struktura slavyanskih literaturnykh yazykov* [History and Structure of Literary Slavic Languages], Nauka, Moscow, USSR.
- Tolstoy, N.I. (1998), "Slavia Orthodoxa i Slavia Latina – obshcheye i razlichnoye v literaturno-yazykovoy situatsii (opyt predvaritel'noy otsenki)" [Slavia Orthodoxa and Slavia Latina, common and diverse features of the situation in literary languages (sketch of a preliminary assessment)], in N.I. Tolstoy, *Izbrannye Trudy. Tom II: Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected writings. Volume II: Situation in Slavic literary languages], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 22–29.
- Toshovich, B. (1991), "Comparative sociolinguistic paradigm of the Soviet-Yougoslave linguistic situation", in V.M. Solntsev (ed.), *Funktsionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 102–130.
- Valev, L.B., Slavin, G. and Udal'tsov, I.I. (eds.) (1963), *Istoriya Yugoslavii. Tom II* [History of Yugoslavia. Vol. II], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, USSR.

- Yahich, Dž.A. (1991), "On some language trends in Yugoslavia", in V.M. Solntsev (ed.), *Funkcionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 402–417.
- Yankovich, S. (1991), "Variational stratification of the Serbo-Croatian Standard Language and the Bosnian-Herzegovian language type", in V.M. Solntsev (ed.), *Funkcionirovanie yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve* [Functioning of languages in multinational society], Institut russkogo yazyka AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 21–49.
- Zaključci (1970), *Zaključci Sarajevskog simpozijuma o jezičkoj toleranciji*, Sarajevo, Yugoslavia.

Информация об авторе

Мария А. Егорова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1; drajenka@gmail.com

Information about the author

Maria A. Egorova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoi Kislovskii Lane, Moscow, Russia, 125009; drajenka@gmail.com

Рецензии

УДК 81'366(049.32)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

Рецензия на книгу:
Алпатов В.М. Слово и части речи.
М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с.

Яков Г. Тестелец

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yakov_ts@mail.ru*

Аннотация. Новая монография В.М. Алпатова, посвященная типологии и теории основных морфологических единиц – слова и части речи, представляет собой продолжение и развитие его предыдущих работ в области морфологической теории, типологии и историографии лингвистических традиций. Монография состоит из Введения и трех глав, в двух первых – «Проблема слова» и «Проблема частей речи» – рассматриваются различия теоретических подходов, свидетельства независимых лингвистических традиций и психолингвистические данные. В третьей главе «Антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку» автор доказывает, что противопоставление словоцентрического и несловоцентрического подходов в морфологии отражает более общее различие между антропоцентричным и системоцентричным подходами к языку. Несмотря на ряд спорных моментов, монография В.М. Алпатова вносит значительный вклад в понимание структуры и типологии морфологических единиц, единства и многообразия языков и лингвистических теорий.

Ключевые слова: слово, часть речи, лингвистическая традиция, морфология, антропоцентризм

Для цитирования: Тестелец Я.Г. [Рец.]: Алпатов В.М. Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2. С. 117–128. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

© Тестелец Я.Г., 2021

Book Review: Alpatov, V.M. (2018), *Slovo I chasti rechi*
(Word and Parts of Speech), YaSK, Moscow, Russia

Yakov G. Testelelets

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, testelets@gmail.com*

Abstract. Vladimir M. Alpatov's new monograph addresses typological and theoretical issues related to the basic morphological units – word and parts of speech. It elaborates on his previous work on morphological theory, typology, and historiography of linguistic traditions. The monograph consists of an introduction and three chapters. The first two chapters, “The Problem of Word” and “The Problem of Parts of Speech” address the differences in theoretical approaches, evidence from independent linguistic traditions with particular reference to the Japanese indigenous linguistics, and data from psycholinguistic research. In the third chapter, “Anthropocentric and systemocentric approaches to language”, the author claims that the morphological logocentric and non-logocentric approaches are instances of the two more general approaches to language, respectively.

In spite of some criticism, the reviewer concludes that the monograph makes much progress in understanding the structure and typology of the morphological elements, and similarities and difference among national linguistic traditions and grammatical theories.

Keywords: word, part of speech, linguistic tradition, morphology, anthropocentrism

For citation: Testelelets, Ya.G. (2021), “Book Review: Alpatov, V.M. (2018), *Slovo I chasti rechi* (Word and Parts of Speech), YaSK, Moscow, Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 117-128, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-117-128

После большого перерыва [Алпатов 1979, Алпатов 1982, Алпатов 1990] вышло в свет новое исследование В.М. Алпатова в области морфологической теории и типологии. Книгу автор начинает с замечания, что слово и части речи – «вечные» проблемы лингвистической науки, и «многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом»¹. Как показано в книге, ни один из подходов к проблематичным понятиям до сих пор не привел к результату, который был бы принят большинством исследователей. Использовать «слово» и «части речи»

---

¹ *Алпатов В.М.* Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 7 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

как элементарные понятия невозможно, потому что эти явления не обладают четкими границами. Разработка определений ведет к неправдоподобному умножению терминов и громоздким формальным конструкциям. Попытки перестроить теоретический аппарат и инструменты анализа таким образом, чтобы избавиться от «слова» и «частей речи», не привлекли большого числа сторонников.

Грамматические понятия можно разделить на 1) имеющие семантическую основу – например, «отрицание» или «одушевленность», 2) формальные – такие, как «словоизменительный тип» или «фонологическое слово», и 3) не являющиеся в точном смысле ни семантическими, ни формальными – например, «подлежащее» или «предложение». «Слово» и «части речи» относятся к третьему типу, т. е. к той части грамматики, которая опосредованно связана со звуками и со значениями и вызывает наибольшие разногласия. Несмотря на разногласия, по-видимому, не случайно, что одни и те же идеи возникали независимо в разных лингвистических традициях, из которых автор особое внимание уделяет японской.

Монография состоит из Введения и трех глав, и композиция двух первых – «Проблема слова» и «Проблема частей речи» – в основном одинакова: вначале рассматриваются различия теоретических подходов, затем приводятся свидетельства независимых лингвистических традиций, и в заключение обсуждаются психолингвистические данные. В третьей главе «Антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку» автор возвращается к тематике статьи [Алпатов 1993], см. также последние издания его «Истории лингвистических учений» [Алпатов 2019].

В первой главе разграничиваются словоцентрический и несловоцентрический подходы к языку. Первый основывается на предположениях, от которых европейская наука начала постепенно отказываться в XIX в.: слово не делится на части, это минимальная единица, обладающая значением, предложение определяется как соединение слов, и нет единиц, более крупных, чем слово, но меньших, чем предложение. Словоцентрический подход возможен и без этих предположений – как, например, у Э. Сепира или А.И. Смирницкого, – если слово остается основной единицей грамматического анализа. Словоизменение (склонение или спряжение) при словоцентрическом подходе предстает в соответствии с формой этого термина как регулярное изменение слова по определенным правилам, а не как механизм «сборки» сложных морфологических единиц из составных частей – основы и аффиксов.

Несловоцентрический подход характерен для лингвистики XX в. и восходит к И.А. Бодуэну де Куртенэ и Л. Блумфилду. Блумфилд и другие представители американского структурализма (де-

скриптивной лингвистики) довели до совершенства метод дистрибутивного анализа. Этот метод – выяснение свойств элемента путем изучения контекстов, в которых он может или не может выступать – по-видимому, применялся в лингвистике всегда, однако дескриптивисты постарались максимально освободить анализ от интуитивных оценок и свести грамматическую структуру к иерархии отрезков-составляющих, каждая из которых принадлежит к определенной категории (дистрибутивному классу); впоследствии разработанный ими формальный аппарат был унаследован генеративной теорией. Слово при таком подходе может сохраняться, например, как «минимальная свободная форма» по Блумфилду, однако теряет особый статус в иерархии составляющих-отрезков. В.М. Алпатов, по-видимому, справедливо связывает распространение несловоцентрического подхода с расширением типологического разнообразия исследуемых языков:

...интуиция [в выделении слова. – Я. Т.] здесь не могла помочь... необходимы были эксплицитные критерии, которые, как сразу выяснилось, легко не устанавливались (с. 19).

Вероятно, причина была еще в том, что в XX в. изменились задачи профессиональной коммуникации: стало гораздо больше лингвистических работ, адресованных не только читателям, знающим изучаемый язык, – отсюда и ориентация на морфему. Универсальность морфемы, в отличие от слова, не нуждается в проверке на выборке языков, так как следует из постулатов о двойном членении [Martinet 1960]² и о дискретности языковых единиц – тривиальных универсалий, или «признаков устройства языка» (design features of language) в понимании Ч. Хоккета [Hockett 1963]³.

Существующие определения слова В.М. Алпатов разделяет на 1) комплексные и универсальные, учитывающие много признаков; они интуитивно убедительны, но на их основе трудно делить текст на слова, поскольку значения признаков часто противоречат друг другу, и требуется особый громоздкий компонент определения, который устанавливал бы их иерархию; 2) универсальные определения, основанные на одном признаке, проще, но часто дают

---

² Пер. на русский язык: *Мартинет А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. 1963 / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1960. С. 366–566.

³ Пер. на русский язык: *Хоккетт Ч.Ф.* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии) / Ред. В.А. Успенский. М.: Прогресс, 1970. С. 45–76.

нетрадиционные результаты; 3) комплексные и не универсальные («понятие словоформы градуально и относительно, т. е. зависит от данного языка» [Мельчук 1997, с. 238]) соответствуют традиции и дают возможность членить текст, однако не позволяют сравнивать языки и не отвечают на вопрос, почему термин «слово» универсален; 4) заменяющие единое понятие «слово» на несколько единиц («слово вообще» просто не существует» [Яхонтов 2016, с. 114])⁴ – подход, который автор считает полезным, но противоречащим интуитивным основаниям грамматической традиции. Границы фонетических слов явно не совпадают с границами слов в традиционном понимании, и признаки единой просодической конструкции (например, ударения в русском языке), невозможности паузы, сингармонизма, внутренних и внешних сандхи и т. п. могут выделять разные отрезки. Понятие синтаксемы, или сочетания знаменательного слова с «относящимися к нему» служебными, на наш взгляд, надо признать неудачным применительно к аналитическим формам глагола, поскольку оно опирается на иллюзию структурного сходства синтетической и аналитической форм – служебный элемент последней воспринимается как аффикс «в свободном плавании», точка зрения А.М. Пешковского [Пешковский 1956 (1928), с. 40]. Синтаксический анализ, например, конструкций с аналитическими глагольными формами в русском (*будет исполнять*) или в английском языке показывает, что вспомогательный глагол слабее связан с полнозначным, чем полнозначный со своим дополнением, ср. «эффект крысолова» при релятивизации дополнения: *решение, [исполнять которое] они не будут*. Автор далее рассматривает основные сложности, с которыми сталкивается определение слова как минимального высказывания, а также морфологического, лексического и орфографического слова. Различаются флективные и агглютинативные морфологические слова, причем вторые образуются с помощью формантов – элементов, которые занимают промежуточное положение между аффиксами и служебными словами, но, в отличие от клитик, не отделимы [Алпатов 1985]. Автор рассматривает форманты и флексии теперь скорее как шкалу, чем как два отдельных класса, ср. [Алпатов 1979].

Из двух моделей морфологического описания, в терминологии Р. Робинса и Ч. Хоккета, «слово – парадигма» (Word and Paradigm) и «морфема – слово» (Item and Arrangement), – более удачным нам кажется перевод этих терминов у В.А. Плунгяна, соответственно «элементно-комбинаторная» и «словесно-парадигматическая» мо-

---

⁴ См. также: Морфологическая структура слова в языках различных типов / Ред. В.М. Жирмунский, О.П. Суник. М.; Л., 1963. С. 165–173.

дели [Плунгян 2003, с. 72] – несловоцентрический подход совместим только со второй. Модель «морфема – слово» лучше применима к агглютинативным языкам или, точнее, к агглютинативным морфологическим механизмам и вызывает затруднения на материале фузионных систем. Особый интерес представляет независимая японская лингвистическая традиция, возникшая в XVII–XIX вв., поскольку японский язык, как многие другие, проявляет фузию в глагольном формообразовании и агглютинацию или аналитизм в имени (примеров обратного соотношения в языках мира почти не засвидетельствовано), и соответственно этому было выработано два понятия: *go* – применительно к глаголу означает фузионный комплекс, основу с некоторыми наиболее «плотно» присоединенными аффиксами, и *бунсэцу* – знаменательное *go* со всеми примыкающими служебными элементами.

К наблюдению В.М. Алпатова о сосуществовании двух морфологических механизмов и, соответственно, двух видов единиц и двух традиционных моделей их описания в японском языке можно добавить, что сходные явления есть в дагестанских языках, где разграничивается осново- и формообразование. Глагольное основообразование использует средства, часто нарушающие линейную сегментацию: разрывные или разрывающие аффиксы, метатезы, удлинения, удвоения и неавтоматические стыковые чередования; при этом, видимо, не случайно границы основ обычно совпадают с границами реальных словоформ («изменение» слова). Дальнейшее усложнение основ, то есть формообразование, использует агглютинативную или аналитическую технику («конструирование» слова). Например, в хваршинском языке основа аориста от корней *g^wang^wa-* ‘прятать’ или *ešt^wa-* ‘пускать’ образуется с помощью суффикса *-ja* (ср. *k^wej-* ‘искать’ – *k^wej-ja* ‘искал’), который удваивает последний согласный, при этом сам превращаясь в гласный и разбивая кластер: *g^wan-i-gg-a*, *eš-i-t^w’-a*. В основе прохибитива кластер разделяется инфиксом *-o-*, причем добавляется суффикс *-ju*, который дает не удвоение, а метатезу: *g^wan-o-j-g-u*, *eš-o-j-t^w-u*; в основе перфективного причастия на *-ja* тот же инфикс удлиняется: *g^wan-ō-j-g-a*, *eš-ō-j-t^w-a*; ср. образованную от последней формы конструкцию временного конверба *eš-ō-j-t^w-o-q^war-λ^w’o* ‘когда отпустил’ с грамматикализованным существительным *q^waru* ‘срок, время’ и четкой линейной сегментацией. В арчинском языке основа несовершенного вида, совпадающая с формой общего времени, или, в терминологии А.Е. Кибрика, констатива, образуется в том числе с помощью нелинейных средств: разрывного аффикса *...-r-...-r* и редупликации: *qa* ‘замерз’ (аорист, совпадающий с основой совершенного вида) – *qe-r-qi-r* ‘мерзнет’ (констатив); ср. образованную

от этой основы аналитическую форму заглазного отрицательного имперфекта с агглютинативными суффиксами деепричастия несовершенного вида *-ši*, деепричастия совершенного вида *-li*, отрицания *-t'u* и двумя служебными глаголами: *qe-r-qi-r-ši edi-li i-t'u* 'оказывается, не мерз' [Кибрик и др. 1977, с. 90] – как можно видеть, в формообразовании и аффиксы, и служебные слова линейно четко отграничиваются и от основы, и друг от друга.

Несмотря на то что несловоцентрические подходы упрощают анализ огромного разнообразия грамматических явлений, В.М. Алпатов показывает правомочность словоцентрического подхода, ссылаясь на исследования афазий и детской речи, в том числе в японском языке, где сохраняют цельность единицы, близкие к традиционному *go*.

Приводимая автором психолингвистическая аргументация базируется на данных о памяти и производстве речи, однако, на наш взгляд, структура и типология грамматических единиц может быть в большей степени объяснена механизмами восприятия речи [Hawkins 2004], причем не только звуковой, но и письменной, поскольку все лингвистические традиции, за возможным исключением индийской, возникли на основе чтения и изучения письменных текстов. То, что в китайской традиции наименее разработанной областью оказалась морфология, видимо, связано с тем, что китайский язык и письмо не создавали трудностей для сегментации, потому что в древнекитайском языке границы основных единиц совпадали: базовое понятие 字 *цзы* означало и иероглиф, и тонированный слог, и слово. Возможно, словоцентрический подход ориентирован на единицы, которые требуют цельного (параллельного) восприятия или «одновременного отслеживания» (*crowding*) составляющих элементов-стимулов, а различия при таком подходе воспринимаются как контекстно обусловленные свойства одного и того же объекта, в то время как несловоцентрический подход ориентируется на составные объекты, которые предполагают механизмы последовательного (серийного) восприятия, «разбора» по частям.

К числу упомянутых автором недостатков несловоцентрического подхода можно добавить чрезмерное использование нулевых аффиксов. Принцип последовательной сегментации требует, чтобы каждый элемент значения был ассоциирован с определенным сегментом и в том числе – чтобы каждая грамма соответствовала аффиксу, выраженному или нулевому. Это приводит, особенно в агглютинативных и полисинтетических языках, к интуитивно не убедительному умножению нулей, которые в таких языках обычно соответствуют неопределенным или немаркированным значениям

морфологических категорий [Яхонтов 2016], и поэтому необходимость таких нулей вызывает сомнение.

В начале второй главы («Проблема частей речи») рассматривается связь частей речи с проблемой слова и история частей речи в европейской традиции. Здесь наиболее интересно то, что универсалистский подход в том или ином варианте редко ставился под сомнение – только у Ф. Боаса и Э. Сепира, и даже дескриптивисты, отвергавшие грамматические универсалии, сохраняли части речи в той мере, в какой их наличие подтверждалось дистрибутивными свойствами слов. Глава включает экскурс о нестандартных частях речи русского языка (к списку их можно было добавить идеофоны, близкие по свойствам, но не совпадающие с существительными, ср. в классическом русском переводе «Винни-Пуха» А. Милна, выполненном Б. Заходером: *Это жжжжж неспроста!* (орфография переводчика) при невозможности **Жжжжж неспроста!*). В главе дается характеристика частей речи как морфологических, семантических и синтаксических классов. Особый раздел посвящен частям речи как дистрибуционным классам – хотя он имеет смысл только в рамках модели «морфема – слово», а в таком случае все классы, определяемые на других основаниях, оказываются разновидностью дистрибуционных, поскольку их выделение так или иначе основывается на различии контекстов – даже семантическое противопоставление прилагательных и существительных, анализируемое А. Вежбицкой, типа *красивая* и *красавица*, выявляется только в контексте, а не путем непосредственного сопоставления обозначаемых объектов. Рассматривается много обсуждаемая в последнее время проблема языков без частей речи (древнекитайский, некоторые австронезийские, мунда, вакашские, адыгские) – по-видимому, в большинстве их тонкие различия, соответствующие традиционному противопоставлению существительных и глаголов, все-таки могут быть выделены подобно тому, как в большинстве языков так или иначе проявляются в грамматике, например, различия действий и состояний или одушевленных и неодушевленных объектов. Возможно, универсальность некоторых категорий не предполагает, что они определяют основные параметры структуры любого языка.

Один из самых интересных фактов, связанных с частями речи, – то, что противопоставление имени, глагола и частицы, по-видимому, независимо было обнаружено в европейской, древнеиндийской, арабской и японской традициях. В.М. Алпатов предполагает, что реальность и универсальность частей речи может быть обоснована психолингвистическими исследованиями, и в данном случае подчеркивает роль механизмов восприятия речи – морфологических сигналов-распознавателей, помогающих идентифицировать грам-

матические структуры и слова. Недостаток второй главы – отсутствие даже упоминания о распространении частеречной классификации на синтаксические единицы – фразовые категории, свойства которых определяются классами их лексических вершин, – группа существительного (именная группа), предложная (послеложная) группа, глагольная группа, группа прилагательного, группа подчинительного союза (придаточное предложение) и т. д. Особая роль частей речи в синтаксисе состоит в том, что именно частеречные признаки вершин определяют свойства грамматических словосочетаний (phrases), возглавляемых этими вершинами. Проблема универсальности грамматических классов слов, таким образом, неотделима от проблемы универсальности классов словосочетаний.

Заключительная глава монографии посвящена сопоставлению «антропоцентричного» и «системоцентричного» подходов к языку, которые, как предполагает автор, лежат в основе соответственно словоцентрического и несловоцентрического подходов в морфологии. Антропоцентричный подход предполагает взгляд носителя изучаемого языка и обслуживаемой им культуры изнутри определенной традиции; некоторые ключевые понятия и предпосылки интуитивны и не обсуждаются. Системоцентричный подход возник не позже конца XIX в., когда теория стала учитывать разнообразие языков и потребовалось ориентироваться на методологию естественных наук и свести к минимуму роль интуиции. Антропоцентризм проявляется и во влиянии родного языка лингвиста – например, когда из теоретических альтернатив выбираются те, которые для этого языка оказались успешными.

Понимание главы затруднено тем, что под «антропоцентризмом» фактически подразумеваются разные вещи: 1) отказ от противопоставления «внутренней» и «внешней» лингвистики по Соссюру (ср. «языковая способность в узком и в широком смысле» в последних работах Хомского), т. е. признание того, что устройство языка обусловлено множеством факторов, которое не может быть априорно ограничено; 2) использование интуиции в работе лингвиста – фактически ее роль всегда велика, но трудность здесь в том, что интуитивный фактор, который становится предметом рефлексии, обсуждения и оценки, тем самым уже «видим» для позитивистской методологии и переходит из «антропоцентричных» в «системоцентричные»; 3) национальную лингвистическую традицию и влияние родного языка исследователя. К «антропоцентризму» можно причислить – хотя В.М. Алпатов этого не делает, – и отрицание любого упрощения задачи, исключения факторов, схематизации и т. п. – есть влиятельные научные направления, которые требуют полностью учитывать то, что в советском языкознании на-

зывалось «реальные свойства языка во всей их сложности и противоречивости». Прочитированная формулировка [Филин 1970, с. 23] не была, как можно подумать, официальным пустословием, она отразила реакцию на «системоцентризм» Соссюра, которая, как показано в [Алпатов 2019], со времени выхода «Курса общей лингвистики» во многом определила и по-прежнему определяет основные дискуссии не только в советской и российской, но и в мировой лингвистике.

Кроме критических замечаний, высказанных выше, можно указать на пару неточностей. Трудно представить себе «грамматики, написанные с позиций генеративизма» (с. 7), обходящиеся без частей речи, т. е. терминальных категорий вида N (существительное), Adv (наречие), P (предлог) и т. п., и без слов, т. е. единиц словаря, которые участвуют в деривации предложений; примеров таких грамматик автор не приводит и, возможно, имеет в виду, что единицы генеративного словаря не всегда соответствуют словам в традиционном понимании. Нельзя согласиться с тем, что рекурсивные модели неприменимы не только в морфологии (где рекурсивность встречается редко), но и вообще в науке:

Рассмотрение сложного слова как состоящего из слов, восходящее еще к античности, противоречит обычным принципам науки: не принято же считать, что молекула состоит из молекул, а атом из атомов (с. 51)

– синтаксис, как известно, имеет дело с единицами «матрёшечно-го» типа, которые могут включать в себя единицы того же класса.

Монография В.М. Алпатова в небольшом объеме суммирует огромный типологический и историографический материал. Она представляет собой значительный шаг вперед в понимании структуры и типологии морфологических единиц, единства и многообразия языков, моделей грамматики и лингвистических теорий.

Литература

- Алпатов 1979 – *Алпатов В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979. 149 с.
- Алпатов 1982 – *Алпатов В.М.* О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 66–73.
- Алпатов 1985 – *Алпатов В.М.* Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» // Лингвистическая типология / Ред. И.Ф. Вардуть, В.М. Солнцев. М.: Наука, 1985. С. 92–101.

- Алпатов ред. 1990 – Части речи. Теория и типология / Ред. В.М. Алпатов. М.: Наука, 1990. 267 с.
- Алпатов 1993 – *Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Алпатов 2019 – *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. 5-е изд. М.: Юрайт, 2019. 452 с.
- Кибрик и др. 1977 – *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. Таксономическая грамматика. М.: Изд-во МГУ, 1977. 316 с.
- Мельчук 1997 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. I. Слово / Пер. с фр. М.; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997.
- Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 510 с.
- Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: УРСС, 2003. 384 с.
- Филин 1970 – *Филин Ф.П.* О некоторых философских вопросах языкознания // Ленинизм и теоретические вопросы языкознания / Ред. Ф.П. Филин и др. М.: Наука, 1970. 382 с.
- Яхонтов 2016 (1963) – *Яхонтов С.Е.* О значении термина «слово» // Проблемы китайского и общего языкознания: К 90-летию С.Е. Яхонтова / Ред. Е.Н. Колпачкова. СПб.: Студия НП-Принт, 2016. С. 109–116.
- Hawkins 2004 – *Hawkins J.A.* Efficiency and Complexity in Grammars. Oxford: Oxford University Press, 2004. 303 p.
- Hockett 1963 – *Hockett Ch.F.* The Problem of Universals in Language // Greenberg J.H. (ed.). Universals of Language. Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1963. P. 1–22.
- Martinet 1960 – *Martinet A.* Éléments de linguistique générale. Paris: Colin, 1960. 224 p.

References

- Alpatov, V.M. (1979), *Struktura grammaticheskikh edinits v sovremennom yaponskom yazyke* [Structure of Grammatical Units in Modern Japanese], Nauka, Moscow, Russia.
- Alpatov, V.M. (1982), “On the Two Approaches to Delimitation of Main Language Units”, *Voprosy yazykoznaniya*, 6, pp. 66–73.
- Alpatov, V.M. (1985), “Refining the Notions of Flective and Agglutinative Languages”, in Vardul’ I.F., Solntsev V.M. (eds.), *Lingvisticheskaya tipologiya*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 92–101.
- Alpatov, V.M. (1993), “On Anthropocentric and Systemocentric Approaches to Language”, *Voprosy yazykoznaniya*, 3, pp. 15–26.
- Alpatov, V.M. (2019), *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Theories], 5th ed., Yurait, Moscow, Russia.
- Alpatov, V.M. (ed.) (1990), *Chasti rechi. Teoriya i tipologiya* [Parts of Speech: Theory and Typology], Nauka, Moscow, Russia.
- Filin, F.P. (1970), “On Some Philosophical Issues in Linguistics”, in: Filin F.P. (ed.), *Leningizm i teoreticheskie voprosy yazykoznaniya*, Nauka, Moscow, USSR.

- Hawkins, J.A. (2004), *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Hockett, Ch.F. (1963), "The Problem of Universals in Language", in Greenberg J.H. (ed.), *Universals of Language*, The M.I.T. Press, Cambridge, Mass., USA.
- Yakhontov, S.E. (2016), "On the Meaning of the Term 'Word'", in Kolpachkova E.N. (ed.), *Problemy kitaiskogo i obshchego yazykoznaniya. K 90-letiyu S.E. Yakhontova*, Studiya NP-Print, Saint Petersburg, Russia, pp. 109–16.
- Kibrik, A.E., Kodzasov, S.V., Olovyannikova, I.P. and Samedov, D.S. (1977), *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka. T. II. Taksonomicheskaya grammatika* [An Essay in Structural Grammar of the Archi Language. Vol. II. A Taxonomic Grammar], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Martinet, A. (1960), *Éléments de linguistique générale*, Colin, Paris, France.
- Mel'chuk, I.A. (1997), *Kurs obshchei morfologii. T.I. Slovo* [A Course in General Morphology. Vol. I. Word], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Peshkovskii, A.M. (1956), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the Scientific Approach], 7th ed., Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, Moscow, Russia.
- Plungyan, V.A. (2003), *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General Morphology. An Introduction], 2nd ed., URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Яков Г. Тестелец, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yakov_ts@mail.ru

Information about the author

Yakov G. Testelelets, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; yakov_ts@mail.ru

In memoriam

Памяти Зои Михайловны Шаляпиной

19 октября 2020 г. после продолжительной тяжелой болезни скончалась выдающийся лингвист-теоретик и практик, многолетняя заведующая Отделом языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН Зоя Михайловна Шаляпина.

З.М. Шаляпина родилась в 1946 г. В 1969 г. она окончила отделение прикладной лингвистики (до 1967 г. называвшееся отделением машинного перевода) МГПИИЯ им. М. Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет). Это отделение, к сожалению, просуществовавшее недолго, было специально нацелено на подготовку прикладников. По окончании института она до 1977 г. работала там же, заведовала группой англо-русского машинного словаря. Ею были подготовлены разработки в этой

Фото А.В. Костыркина

области, к сожалению, не по ее вине не получившие практического использования. В то же время ее интересовали не только практические проблемы; именно этот научный центр тогда занимал ведущее место в разработке теоретических вопросов, без которых нельзя было решить прикладные задачи. И Зоя Михайловна с самого начала исследовала теоретические проблемы, связанные с устройством человеческого языка; это нашло отражение в кандидатской диссертации, защищенной в 1975 г. под руководством И.А. Мельчука и Н.Н. Леонтьевой.

А в 1977 г. неожиданно произошла резкая смена научных интересов З.М. Шаляпиной: она перешла в академический Институт востоковедения, где проработала всю оставшуюся жизнь. Там она вошла в состав группы автоматического перевода с японского языка и вскоре ее возглавила. Зоя Михайловна не изучала этот язык в институтские годы, а, как правило, в японистике работают люди, специализировавшиеся на нем с самого начала. Однако оказалось, что теоретическая и практическая лингвистическая подготовка здесь может оказаться важнее. З.М. Шаляпина приложила много усилий и к овладению японским языком, по строю не похожим ни на русский, ни на английский. Она окончила в Москве курсы японского языка и имела месячную стажировку в Японии в 1979 г., все это помогло ей в дальнейшей работе.

Под руководством Зои Михайловны за четыре десятилетия сложился высококвалифицированный научный коллектив, который одним из первых в нашей стране сумел добиться создания реально работающей системы автоматического перевода научно-технических текстов с иностранного языка (причем столь специфичного, как японский) на русский язык. Отмечу, что в Институте востоковедения данная система оказалась единственным направлением исследовательской деятельности, приносящим пусть небольшой, но доход. Развитие и совершенствование системы продолжается, а З.М. Шаляпина за эти годы сумела подготовить учеников и последователей.

Развитие системы машинного перевода ставило и продолжает ставить очень сложные теоретические проблемы. Это привело З.М. Шаляпину к созданию разработанной научной теории, учитывающей как базовые свойства языка, так и особенности конкретных языков, и позволяющей на ее основе решать прикладные задачи. В частности, она рассмотрела и практически применила словарно-ориентированный подход к формальному описанию языка, разработала формальную модель процесса перевода. Оригинальная теория языка получила законченное изложение в главном труде З.М. Шаляпиной – монографии «Трехмерная стратификацион-

ная модель языка и его функция. К общей теории лингвистических моделей», изданной в 2007 г. Там было предложено рассматривать языковые уровни по трем осям: обозначения, членения и обобщения. Данный подход, безусловно, является очень перспективным.

Помимо научной и научно-практической деятельности З.М. Шаляпина много времени уделяла организации научного коллектива, в котором работала. С 1995 г. и почти до последних дней она заведовала не только лабораторией, но и всем Отделом языков Азии и Африки Института востоковедения. Зоя Михайловна заняла эту должность в трудное время, когда отдел уменьшился в составе, а материальное положение ученых резко ухудшилось. Однако она сумела в течение четверти века сохранить отдел, оптимально организовать работу его сотрудников, а затем и пополнить его молодежью.

Зоя Михайловна Шаляпина внесла большой вклад и в лингвистическую теорию, и в разработку формализованных моделей языка, имеющих практическое применение. Память о ней сохранится надолго.

О З.М. Шаляпиной см. также публикации в «Вестнике Института востоковедения РАН» (2018. № 5).

Владимир М. Алпатов
Институт языкознания РАН

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
А.А. Леонтьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 23.03.2021.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 7,1. Усл. печ. л. 8,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1148

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru